

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. АХМАДА ДОНИША

ТРУДЫ, том XLII

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ**

Вып. IX

(1961 год)

0.00
РН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ДУШАНБЕ
1964

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. АХМАДА ДОНИША

ТРУДЫ, том XLII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ

ВЫП. IX

(1961 год)

Ответственный редактор Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ДУШАНБЕ
1964

АКАДЕМИЯИ ФАНҶОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХИ ба номи АҲМАДИ ДОНИШ

АСАРҶО, ҷилди ХЛІІ

КОРҶОИ АРХЕОЛОГӢ ДАР ТОҶИКИСТОН

БАРОРИШИ ІХ

(1961 сол)

Муҳаррири масъул Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

НАШРИЕТИ АКАДЕМИЯИ ФАНҶОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ДУШАНБЕ
1964

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ и В. А. РАНОВ

РАСКОПКИ НАВЕСА АК-ТАНГИ в 1961 г.

Раскопки навеса Ак-Танги, являвшиеся продолжением работ 1959 г.,¹ проводились в отчетном сезоне Ак-Тангинским отрядом ТАЭ под руководством В. А. Ранова.² Непосредственно в навесе работы продолжались с 23 июля по 3 сентября, т. е. около полутора месяцев. Помимо сотрудников, на раскопках было занято от 10 до 20 рабочих-землекопов.

Общая площадь раскопа значительно расширена. Добавочно разобрано 60 м² обоих горизонтов бронзы, а нижний горизонт³ в настоящее время вскрыт на площади около 100 м². Работы были сосредоточены почти целиком под крышей навеса (не далее линии Ж), поскольку данные 1959 г. показали, что именно здесь культурные слои достигают наибольшей мощности, сильно утончаясь, а затем и полностью выклиниваясь южнее, к выходу из-под навеса (рис. 1). Для выноса земли была пробита траншея длиной 18 и шириной 2 м.

Наибольшая отметка от репера, достигнутая в раскопе (в контрольном шурфе), — 740 или 673 см от дневной поверхности навеса.⁴ В целом же работы остановлены на разных уровнях нижнего культурного горизонта.

Как и в прошлом году, была использована методика раскопок отдельных площадками, но уже более крупными, так как характер залегания культурных горизонтов благодаря работам 1959 г. стал достаточно понятным. Эти площадки получили название раскопов.

I. ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ

Верхние культурные горизонты достаточно подробно описаны в предыдущем отчете. Как и в сезоне 1959 г. на уровне «бронза I и II» отмечены очаги двух типов: выложенные из обломков известняка и открытые — в виде угольных или зольно-угольных пятен. Очень выразителен очаг, расчищенный в основании слоя в кв. А¹-12, уровень 267. Он выложен из сланцевых плит длиной 20—40 см. Размеры: длина 50, ширина 47 см. Плиты вкопаны вертикально или слегка наклонно, тщательно подогнаны и образуют фигуру в виде буквы П. После удаления заполнения очага образовалась яма глубиной в 15 см, которая была вырыта уже в щебенке, разделяющей слои «бронза I» и «бронза II». В верхней части заполнения очага в пепельной массе найдены керамика, мелкие косточки,

¹ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1959 г. Тр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР, т. XXXI, 1961, стр. 30—49.

² Состав отряда: В. А. Ранов, В. П. Колигова, Е. Б. Ордынская, А. Е. Павлова, Г. В. Соломинов, А. Юсупов. Геологические условия расположения навеса изучались С. А. Несмеяновым.

³ В отчете 1959 г. этот горизонт был назван «бронза III». Такое же наименование сохранено и в шифровальной описи 1961 г. (фонды Ин-та ист. АН Тадж. ССР, КП-497), О датировке нижнего горизонта см. стр. 22.

⁴ Все отсчеты взяты от единого репера, выбитого в 67 см выше северного угла кв. Б-14.

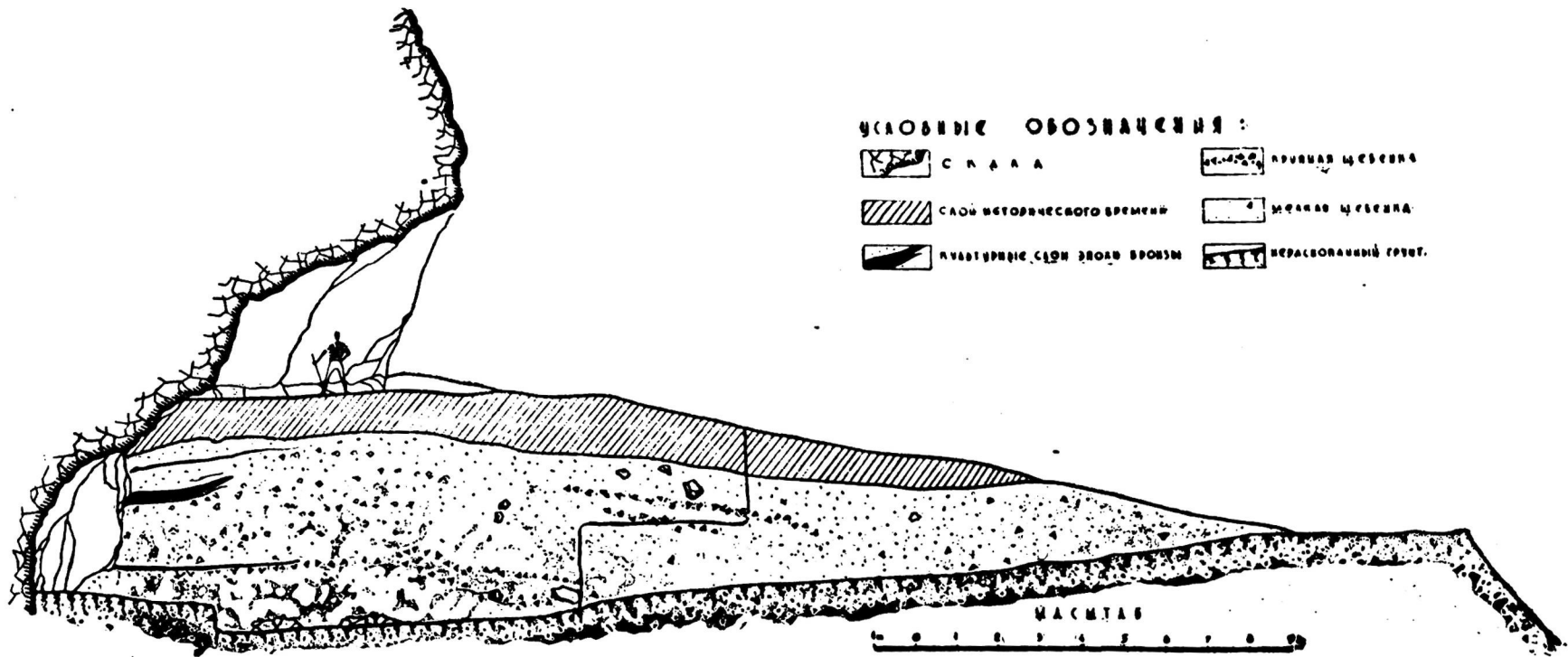


Рис. 1. Продольный разрез навеса Ак-Танги (по линии 15).

пряслице. Слой «бронзы II», как и в прошлом сезоне, дал наибольшее число находок. В северной части раскопа вскрыт «камин» — небольшая ниша, уходящая на северо-восток (ширина 2,5, глубина 2 м). Как показали дальнейшие раскопки, «камин» был особенно интенсивно заселен в более раннее время.

Очень хорошо сохранились два очага в кв. Б-12—13. Это пристроенные к стенке полукруглые в плане выкладки из обломков известняка. В одном из них на уровне 386 найдена двухсторонне обработанная кремневая стрелка и бронзовое шило. В отдельных случаях отмечалась обмазка стенок очагов глиняным раствором. Наибольшее количество фрагментов керамики, как правило, концентрировавшейся вокруг очагов, встречено в кв. А¹-12 на уровне 320 (66 фрагментов), в кв. Д-8 на уровне 450—28, в кв. А-14 на уровне 331—23 и т. д. Общее число обломков костей животных, собранных на этом уровне, — 2740, более чем в два раза больше, чем в первом горизонте.

Если раскопки первых горизонтов не принесли принципиально ничего нового и лишь пополнили коллекции, полученные в первый сезон работы, то разборка нижнего горизонта (энеолит—поздний неолит) представляла значительный интерес, поскольку исследования 1959 г. не позволили даже в предварительных чертах представить характер и возраст этого слоя.

На всем протяжении раскопа этот горизонт отделяется от слоя «бронзы II» мощной (в среднем 1,7 м) прослойкой щебенки, безусловно стерильной, включающей в себя лишь редкие косточки и угольные пятна.

По своему общему характеру нижний горизонт совершенно не отличается от слоев эпохи бронзы. Это точно такой же гумусно-углисто-золевый слой, «жирный» на ощупь, но, пожалуй, несколько более обогащенный щебенкой. По-видимому, такое сходство нельзя объяснить ничем иным, как полной идентичностью условий накопления культурных отложений и в том и в другом случае. Иными словами, и нижний горизонт, и более молодые горизонты эпохи бронзы оставлены, надо думать, скотоводами, державшими в пещере свой скот.

Близка в среднем и вертикальная мощность слоя — максимально она достигает, например, по линии Б-12—0,6 м, Б—11, 16—0,5 м, В-11—0,4 м. Основными отличиями нижнего горизонта от слоев бронзы являются, во-первых, наличие очагов совершенно иного типа, во-вторых, значительное насыщение слоя мелкими обломками известняка, образующими иногда подобие выкладок, и, в-третьих, лучше сохранившийся в слое уголь. Все вскрытые здесь очаги принадлежат к типу полусферических выкладок из мелких обломков известняка, уложенных друг подле друга. Диаметр этих выкладок в среднем близок к 1 м (наибольший не превышает 1,1—1,2 м, самые маленькие имеют диаметр 0,5—0,6 м) (рис. 2). В основании горизонта, особенно четко в раскопе III, обнаружены выкладки, помещенные в ямы, выкопанные в щебенке, подстилающей культурный горизонт.

Интересной особенностью горизонта в центральной части раскопа (особенно в верхней части слоя) следует считать значительное распространение мелких обломков известняка, среди которых попадаются и сравнительно крупные (длина 50, 40, 30 см). В отдельных случаях из этих обломков выложены обычные для этого горизонта полусферические овальные очаги, но в целом здесь больше, чем обычно, обломков известняка, которые в «камине», а также ближе к скале, в западной части раскопа (и далее в III раскопе), образуют большие скопления явно искусственного происхождения, невольно вызывающие в памяти галечные вы-

кладки Куй-Бульена⁵ или Карим-Шахира.⁶ В других горизонтах таких выкладок не наблюдается. Среди находок можно отметить листовидную стрелку двухсторонней обработки, концевой скребок, нуклеус и отщепы из кремня, костяную пластинку, найденную в кв. А-12 под выкладкой.

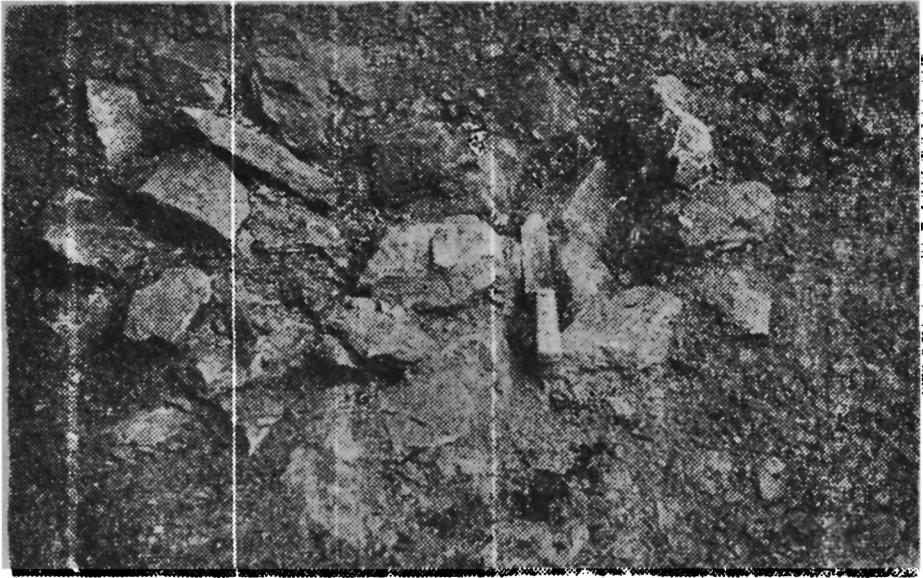


Рис. 2. Очаг на уровне «бронза III».

Из небольшого количества керамики упомянем днище остродонного сосуда, происходящего из кв. Б-14, и обломок дна крупного толстостенного сосуда, найденного в камине (кв. В-14, уровень 540). Найдена также бирюзовая бусина и костяные проколки. Общее количество костей животных (в основном в мелких обломках) 2324.

На этом в основном и закончены раскопочные работы 1961 г. Небольшой шурф, заложенный в центральной части раскопа, доведенный до уровня 740, «сел» на громадную (заявшаую всю площадь шурфа—6 м²) глыбу. Последняя, очевидно, соответствует другим, меньшим по размерам глыбам, которые появились в разных частях раскопа уже начиная с основания нижнего горизонта. Это обычный для пещерных отложений горизонт обвала плит потолка. Вероятно, через некоторое время после обвала здесь на короткое время поселились люди, оставившие незначительные остатки, прослеженные в шурфе I и III раскопов, в 60 см ниже уровня самого нижнего из описанных нами горизонтов, а затем уже, после того как отложился примерно полуметровый слой щебенки, навес был заселен более основательно.⁷

⁵ Раскопки А. П. Окладникова 1957—1959 гг.

⁶ R. J. Braidwood and Bruce Howe. Prehistoric investigation in Iraqi Kurdistan. Studies in Ancient Oriental Civilisation, N 31, Chicago, 1960, p. 52.

⁷ Помимо работ в Ак-Танге, отряд провел разведки в районе Шахристана, в результате которых было открыто новое мустьерское местонахождение. См. С. А. Несмеянов, В. А. Ранов. Палеолитические находки у Шахристана. Докл. АН Тадж. ССР, т. V, № 6, 1962, стр. 26—30.

2. НАХОДКИ

Средневековый и античный слой. Из средневековых изделий должна быть отмечена тонкая стенка сероглиняного сосуда с отпечатками гребенки и волнистыми линиями. Несколько фрагментов глазурованной керамики могут уверенно датироваться X—XII вв. Кроме того, найден фрагментированный сосуд типа этнографического мургоби или гургака. На одном конце тулова сосуда узкое вертикальное горло, заканчивающееся коротким раструбом, на противоположном—вертикальный же конический носик. Их основания соединены дугообразной ручкой. Белоангобированная поверхность сосуда сплошь покрыта росписью коричнево-красного цвета. Интересна деталь в технике изготовления подобных сосудов: вверху, в центре тулова было открытое овальное отверстие-устье (очевидно, для пальцев при лепке), затем залепленное сверху. Длина сосуда ок. 20 см.⁸

Керамика античной эпохи представлена довольно большим количеством фрагментов высококачественной столовой посуды. Они красноглиняные, реже сероглиняные, иногда покрытые красно-коричневым ангобом, с полосчатым лощением. Имеются фрагмент верхней части широкой миски с горизонтально-отогнутым краем, стенка бокала и др. Некоторые из фрагментов могут быть датированы I—III вв. н. э.

К группе «сакской» керамики, по-видимому, относится целый сосуд,⁹ имеющий вид банки, с почти вертикальными стенками. Тулово в нижней части незначительно выпуклое. Дно уплощенно-округлое. Тесто с большой примесью крупнотолченого камня, поверхность заглажена. Сосуд изготовлялся на подставке с присыпкой. Размеры: диаметр 145, высота 95 мм.

К этой же группе керамики следует отнести фрагмент верхней части небольшой темно-серой чаши с округлым венчиком и мягким желобком под ним. Тесто у этой чаши с большим количеством включений мелкотолченого материала.¹⁰ Крупный фрагмент стенки открытого сосуда интересен тем, что вдоль края имеются проколы.¹¹ На внутренней поверхности одного фрагмента отчасти заглаженные отпечатки ткани. Имеется также округлая ручка-стержень. Обработанный камень в слое немногочисленен. Он представлен плитками сланца, встречаемыми в очагах, плитками-кайраками с хорошо заметной залощенностью по краям, очень небольшим количеством грубых отщепов и пестами. Последние отличаются от пестов-курантов более раннего времени значительной площадью рабочей поверхности, тогда как в первом случае характерная стертость охватывает лишь небольшие участки на гранях гальки. Два великолепных песта продолговатой формы (14,2×7×5,5 см и 11,3×7,4×3,4 см) найдены в самом основании античного слоя на контакте с «бронзой I».

«Бронза I». Обработанный камень распространен больше, чем в предыдущем слое. Он отличается и характером обработки, хотя изделия еще чрезвычайно грубы и не дают сколько-нибудь значительных серий, имея скорее характер случайных поделок.

⁸ Такой сосуд был найден, например, при работах на БФК—Т. Г. Оболдуева, Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. Ин-та ист. и археол. АН Уз. ССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 27, табл. X/4.

⁹ КП 497/1624.

¹⁰ КП 497/1635.

¹¹ КП 497/1922.

Чаще всего это нуклеидные поделки, напоминающие гиссарские галечные нуклеусы, но очень грубые. Они представлены гальками крупных размеров (до 15 см длины). На поперечной и реже продольной стороне имеются фасетки сколов, лежащие обычно под острым углом в виде крутых затесов, образующих широкое лезвие.

Среди других изделий из камня встречены обломки зернотерок и небольшой пест-курант. Другой пест изготовлен из продолговатой гальки вытянутой формы. Рабочие поверхности расположены на узких концах и лежат под острым углом к длинной оси гальки. Пест служил одновременно и наковаленкой: об этом свидетельствуют характерные выбоинки на боковых сторонах гальки (рис. 3, 1). Среди небольшого числа отщепов преобладают крупные (длина 7,8; 7,6 см и т. д.), обычно с широкой удар-

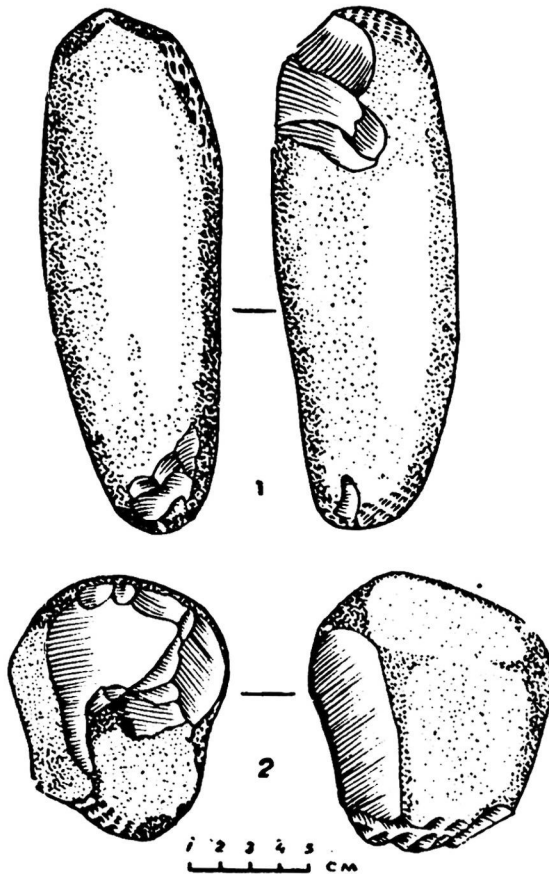


Рис. 3. Каменные песты.
1—слой «бронза I»; 2—слой «бронза II».

ной площадкой. Спинка чаще всего покрыта валунной коркой полностью или частично. Во втором случае отмечаются только беспорядочные сколы. Отщепов с правильной огранкой спинки и правильной формы нет совсем. Имеется несколько скребловидных инструментов, в том числе грубое скребло с полулунным рабочим краем, обработанным довольно тщательно мелкой ступенчатой ретушью почти по всей длине лезвия.

Слой «бронза I» в 1961 г. дал большое число фрагментов керамики. Основная часть керамики сероглиняная. Масса черепка пористая, с добавкой значительного количества мелкотолченого белого материала. Техника изготовления—ручная лепка. Внешняя поверхность сосудов заглажена, а в некоторых случаях заметны слабые следы лощения.

В основании слоя «бронза I» встречено большое количество крупных фрагментов верхней половины сосудов, по форме и орнаментации почти идентичных сосуду, обнаруженному в предыдущем сезоне в верхней части слоя «бронза III».¹²

Сохранилась верхняя часть другого сосуда типа горшка со слабо выраженной шейкой и отвернутым наружу утолщенным венчиком (шейка и венчик имеют вид мало расчлененной горловины). Тулово округлое, слабо выпуклое. На поверхности слабые следы лощения. На переходе от шейки к тулову небрежная горизонтальная резная линия.

Наконец, имеется часть стенки неорнаментированного сосуда типа чашечки. Слабо округлая стенка, к сожалению, внизу обломана. Венчик плоский. Благодаря недостаточности обжига черепок двухцветный (снаружи серый, внутри розовый). Два врезанных параллельных штриха в нижней части, по-видимому, случайны. Диаметр чашечки 11 см, высота примерно 5,5 см.

О форме других сосудов судить затруднительно, лишь в нескольких случаях можно говорить о том, что они, по-видимому, имели форму обычного для поздней и развитой бронзы горшка.

Венчики, если классифицировать их по схеме, принятой для кайракумской керамики,¹³ относятся преимущественно к первой и второй группам, т. е. происходят от сосудов с шейкой и прямым или округлым венчиком (70%). Имеется определенное количество венчиков III группы (т. е. с горловиной, свыше 20%), немного венчиков V группы (разные формы), воротничковые венчики отсутствуют совершенно. Следует иметь в виду, однако, что общее количество венчиков сравнительно незначительно (39 штук), поэтому статистические подсчеты в данном случае носят сугубо ориентировочный характер.

Слой дал около десятка фрагментов донцев (диаметр 5—10 см). В половине случаев поддон отсутствует, стенка непосредственно переходит в дно. Вместе с тем имеются слабо и четко выделенные поддоны.

При раскопках 1959 г. слой «бронза I» дал фрагменты с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом. В 1961 г. образцов гребенчатопечатанного орнамента встречено не было. Основная часть орнаментированных изделий украшена с помощью плоского штампа.¹⁴

Выше говорилось о сосуде, орнаментированном вдавленными и многолинейным зигзагом. Другие сосуды этого же типа украшены вертикальными зигзагами, но без полосы овалов. Наконец, на стенку одного сосуда был нанесен, начиная от венчика, горизонтальный многолинейный зигзаг (рис. 4, 1, 2).

Гораздо реже орнамент наносился путем прочерчивания—таков резной многолинейный горизонтальный зигзаг на одном из фрагментов.¹⁵ На верхней части одного из сосудов можно различить своеобразный ор-

¹² Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги..., стр. 44, рис. 8/1.

¹³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайракумов. Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. 33, Душанбе, 1961, стр. 239, табл. 60.

¹⁴ 12 из 16 фрагментов (каннелированные стенки в расчет не вошли).

¹⁵ КП 497/1833.

намент. Вдоль венчика слабо прочерченная зигзагообразная линия. От нее отходят вниз вертикальные очень слабо и неаккуратно нанесенные зигзагообразные линии. В промежутках между ними—беспорядочно нанесенные полуовалы, сделанные с помощью ногтя.¹⁶ Следует отметить также, что на одном из венчиков есть полусферические вдавления. Слой дал фрагменты стенок с четкими горизонтальными желобками-каннелюрами, по-видимому, относящиеся к нескольким сосудам (в предыдущем сезоне был найден лишь один такой фрагмент).

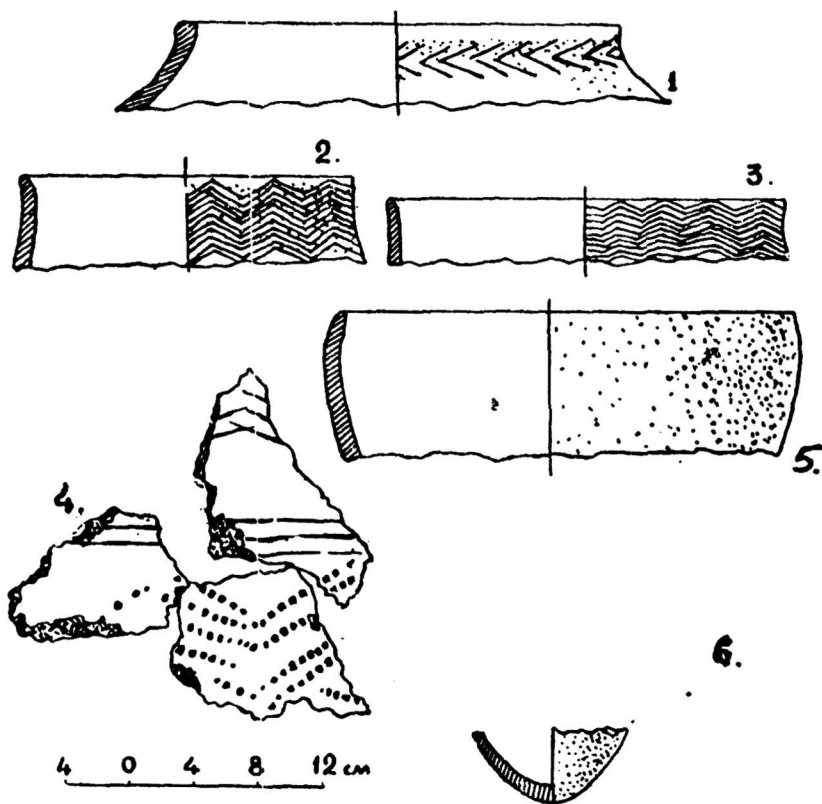


Рис. 4. Керамика.
1, 2—«бронза I»; 3—4—«бронза II»; 5—6—«бронза III».

В керамическом комплексе слоя «бронза I» имеется несколько фрагментов желтой посуды с плотным черепком с прекрасным лощением. На одном из них имеются следы раскраски (?) на внутренней поверхности.¹⁷ Имеется один фрагмент расписной керамики первого вида (см. ниже, слой II) и один—второго.

В слое было обнаружено шесть кружков, сделанных из стенок сосудов. Их диаметр колеблется в пределах 38—50 мм. В центре кружков имеется отверстие диаметром 5—10 мм (на одном кружке отверстия

¹⁶ КП 497/2411 и 677. О применении ногтевого орнамента в андроновской керамике—см. Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. В кн. *Вопр. археол. Урала*, в 2, Свердловск, 1962, стр. 13.

¹⁷ КП 497/1454.

нет, есть лишь сверлина).¹⁸ Кружки с отверстием, диаметр которого равен 5—6 мм, служить в качестве пряслиц не могли.

«Бронза II». В отчетном сезоне собрано значительное количество обработанного камня. Здесь также распространены нуклевидные поделки— крупные гальки¹⁹ с грубо затесанным краем, обработанным широкими сколами, лежащими обычно под острым (60—70°) углом.²⁰ Очень интересны и другие орудия, отличающиеся скошенным обработанным краем, но, в отличие от изделий первого типа, этот край получает добавочную ретушь, довольно тщательную. При помощи ретуши оформляется слегка выпуклое или прямое, иногда желобчатое лезвие долотовидного характера (рис. 5, 1). Орудия этого типа очень близки к широко известным в различных памятниках каменного века Восточной Азии орудиям типа adze-tools. Появившись еще в нижнем палеолите, они доживают до самого конца каменного века.²¹ Помимо стоянок гиссарской культуры, где подобные изделия встречаются довольно часто,²² adze-tools можно выделить и в памятниках каменного века восточных областей СССР.²³

Другой тип галечного нуклеуса—галька, оббитая вертикальными сколами. Иногда двумя-тремя ударами образовывалась ударная площадка, расположенная перпендикулярно к плоскости раскалывания, но чаще скалывание производилось непосредственно с неподготовленной поверхности, о чем свидетельствует тот факт, что большинство встреченных в в слое отщепов имеет галечную корку на ударных площадках.

Среди группы находок, относящихся к зернотеркам, выделяется крупная плита (45×20×4,1 см) из мелкозернистого песчаника темно-се-

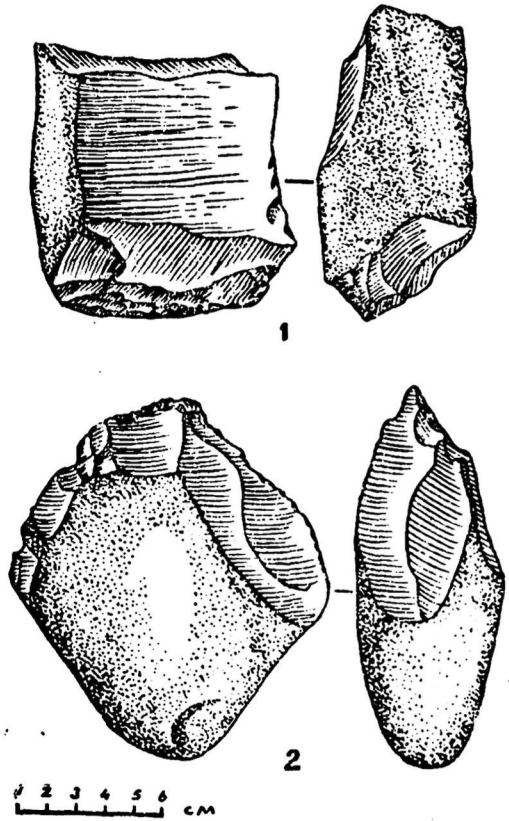


Рис. 5. Изделия из камня.
1—adze-tool; 2—chopper

¹⁸ Как известно, назначение этих кружков вызывает споры.

¹⁹ Размеры таких нуклевидных галек различны: 20,5×8,3×6,5; 15,1×7,6×5,7; 11×5,2×2; 8,4×7,5×4,8 см и т. д.

²⁰ Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги... рис. 6. Ср. А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66, М.—Л., 1958, рис. 7, 9, 19, 20.

²¹ F. R. Allchin. The Neolithic Stone Industry of the North Karnataka region. Bull. of the School of Oriental and African Studies University of London, v. XIX, pt. 2, 1957; В. Суббагао. Stone age cultures of Bellary. Poona, 1958.

²² А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 8 и 20.

²³ Например, в Ошурково, Красном Яре, Няньги (коллекции в ЛОИА), Усть-Кяхте (коллекция в Музее антропологии МГУ) и др.

рого цвета. Почти вся поверхность ее, за исключением небольшого участка в верхней более узкой части, очень хорошо зашлифована. Рядом с плитой, также в «камине», найден и терочник из песчаника, оббитый с противоположной выпуклой стороны. Хорошо заметны характерные поперечные линии на его рабочей поверхности (рис. 6). Другим типом терочников являются песты-куранты на округлых гальках²⁴ (рис. 3, 2). Отщепы представлены небольшой группой экземпляров случайной формы. В нескольких случаях отмечается добавочная подправка, создающая скребловидный край.

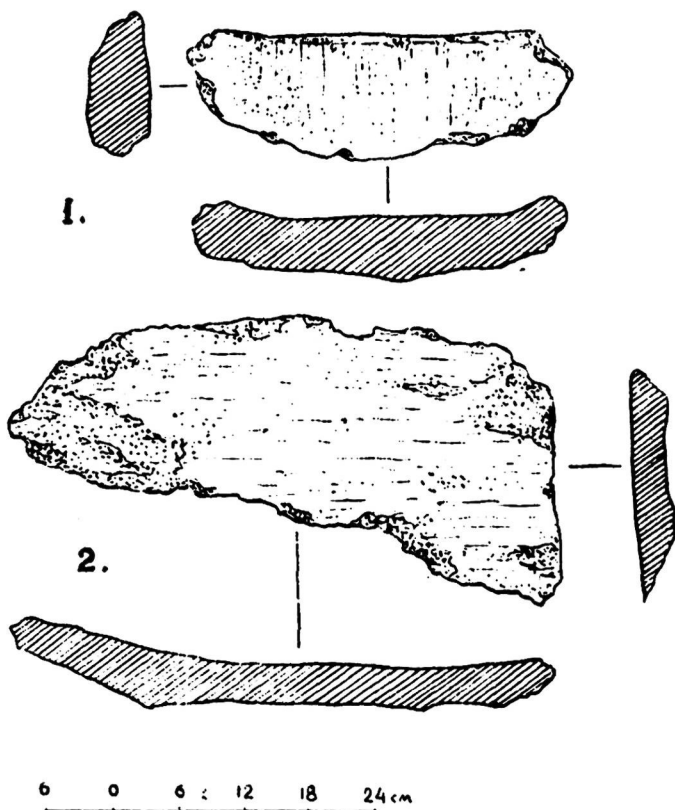


Рис. 6. Зернотерки—«бронза II».

Особый интерес представляет мотыга из крупной расколотой вдоль речной гальки метаморфизованного песчаника.²⁵ Для изготовления ее была подобрана плоская галька, суживающаяся к одному концу. Здесь специальными сколами образованы выемки, очевидно, для привязывания рукоятки. С противоположной стороны серией сколов образовано широ-

²⁴ Как показали исследования А. П. Окладникова, округлые песты-куранты очень распространены в памятниках гиссарской культуры. Вместе с зернотерками и плоскими широкими терочниками они часто встречались и на стоянках кайрак-кумской культуры эпохи бронзы. Хорошо известны эти изделия в «предысторических» памятниках и других областей Востока. См., например, К. Д. Валерьев. Querns and anvils from the Narbada Valley. Bull. of the Deccan college research Institute, v. 18. Poona, 1957, p. 8—16.

²⁵ КП 497/1171. Размеры: 21×14,4×4,4 см.

кое скошенное лезвие. Это первая находка хорошо выраженной каменной мотыги в Таджикистане.²⁶

К этому горизонту относятся и две двухсторонне обработанные стрелки (одна со сломанным концом) вытянутых очертаний с округлыми тонкими основаниями и овальным сечением.²⁷ По форме они аналогичны стрелкам, найденным в 1959 г. на стоянке Ак-Танги.²⁸

В слое «бронза II» впервые в раскопе встречена и обработанная кость. Найдено 5 костяных проколов—шильев, изготовленных из расколотых трубчатых костей (у двух сломаны острия). Особенно хорошо сохранилась крупная проколка с залощенной от долгого употребления поверхностью. На рабочей части очень хорошо заметны поперечные бороздки—следы изготовления или работы (рис. 7, 1). Встречаются отдельные кости со следами специальной обработки в виде простых срезов, выемок, круглых, аккуратно сделанных отверстий. Такое отверстие диаметром в 0,6 см сделано, например, в основании рога киика (рис. 7, 8). Несколько обломков длинных костей могли служить лошадьми, как показывает сильная заглаженность их поверхности. Найдена обойма рукоятки с простым кольцевым резным орнаментом у основания. Встречаются и астрагалы, очень часто с нарезками по краю (рис. 7, 7).

Такие бабки-астрагалы, служившие, по мнению Ю. А. Заднепровского, для игры, в значительном количестве найдены в Дальверзине.²⁹

Астрагалы применялись в качестве игровых костей в тагарское и таштыкское время. Многие из таштыкских астрагалов покрыты счетными знаками, в частности зарубками по боковому краю. Число зарубок на таштыкских астрагалах различно (3, 8, 10, 14, очень часто 26).³⁰

Слой «бронза II» дал количественно меньший керамический материал, особенно меньшее количество венчиков и фрагментов орнаментированных сосудов. По характеру поверхности и составу теста сероглиняная группа не отличается от керамики слоя «бронза I». Наряду с сероглиняными, имеются фрагменты керамики с серовато-желтой поверхностью. Черепок некоторых из них в изломе имеет трехчастное строение: в середине—темно-серое, снаружи и внутри — серовато-желтое. Состав теста такой же, как у типичных сероглиняных. По-видимому, изменение цвета в данном случае свидетельствует о разных температурных режимах обжига.

В этом слое целых форм фактически нет, но крупные фрагменты имеются. Таковы два крупных фрагмента от средних размеров сосуда типа горшка с широким устьем (диаметром ок. 30 см). Высокий поддон ограничен сверху горизонтальной врезанной линией. Несколько сосудов имели очень широкое тулово при сравнительно узком горле. Несколько венчиков типа горловины. В одном случае горловина резко суживается

²⁶ По своему типу наша мотыга совершенно аналогична более ранним по времени плечиковым топорам-мотыгам Юго-Восточной Азии и Китая (А. П. Окладников. Приморье в I тысячелетии нашей эры. СА, в. XXVI, 1956, стр. 76, рис. 16, 5), но отличается от треугольных мотыжек северокавказского типа (В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа. КСИА АН СССР, в. 84, 1961, стр. 27—29).

²⁷ КП 494/2404 и 2424. Размеры первой стрелки 4,4×1,1×0,6, второй—4,7×1,4×0,6 см.

²⁸ В. А. Ранов и Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., Археол. раб. в Таджикистане в 1959 г. Тр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР, т. XXXI, 1961, стр. 113, рис. 6.

²⁹ Ю. А. Заднепровский. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения. Общ. науки в Узбекистане, № 1, 1962, стр. 55.

³⁰ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. МГУ, 1960, стр. 141, рис. 53/4.

кверху,³¹ в другом приостренный венчик представляет собой продолжение отогнутой наружу шейки.³² Донца двух видов: с четким высоким поддоном (несколько экземпляров) и слабо выпуклое (округло-уплощенное) донце.³³

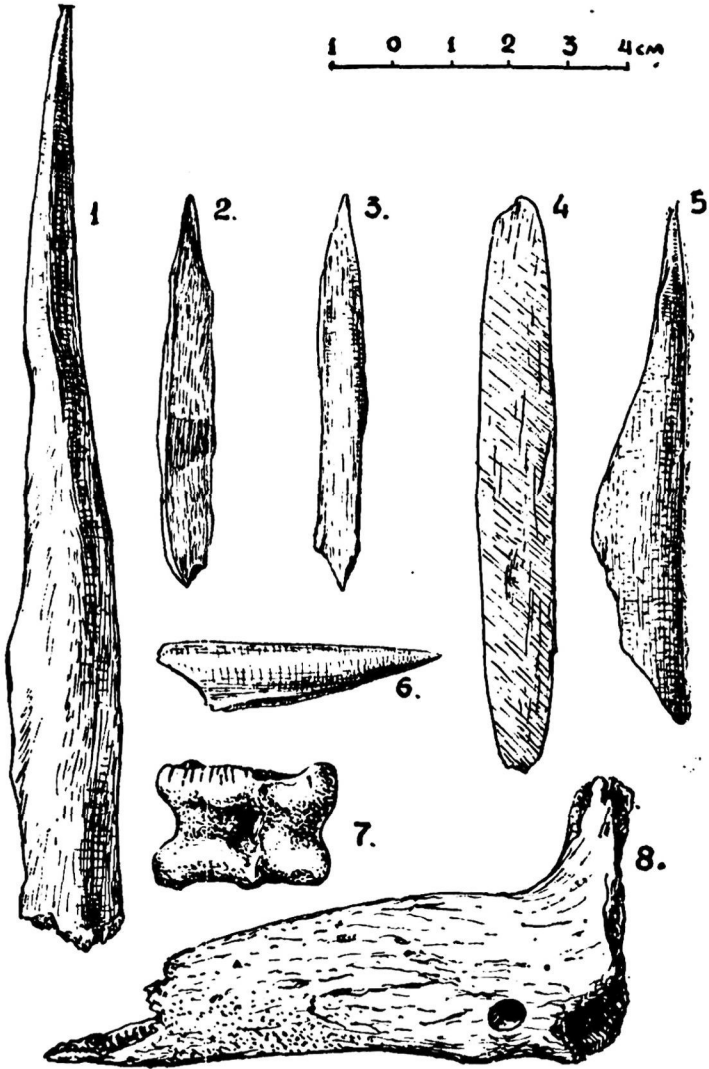


Рис. 7. Изделия из кости.
1, 7, 8—«бронза II»; 2—6—«бронза III».

Основная часть орнаментированных фрагментов сделана плоским штампом. Это многолинейный горизонтальный зигзаг. На фрагменте 497/1710 зигзаг начинается непосредственно под плоским венчиком (рис. 4, 3). На одном из фрагментов рабочий край штампа имел вид су-

³¹ КП 497/369.

³² КП 497/1056.

³³ КП 497/331.

живающейся полоски, резко приостренной на одном из концов, поперечное сечение овальное.³⁴

В орнаментации одного из сосудов применены две техники: резные линии и гребенчатый штамп с квадратными ячейками средней величины. Параллельные горизонтальные резные линии сочетаются с резным же и гребенчато-штампованным многолинейным зигзагом, один из которых выше, другой ниже горизонтальных линий (рис. 4, 4).

В слое встречено около двух с половиной десятков фрагментов крашеной и расписной керамики. Крашеная керамика покрыта желто-коричневой или розово-коричневой краской. Роспись имеет двух видов: 1) широкими полосами коричневой или буро-коричневой краски по светлой облицовке, 2) узкими полосками коричнево-красной краски по охристо-желтоватой или розовой облицовке.

Роспись первого вида образовывала иногда сложные композиции из расположенных на разном расстоянии параллельных и пересекающихся полос,³⁵ то прямых, то изогнутых.³⁶ Судя по фрагментам, орнамент имелся в нижней части сосудов, причем на одном фрагменте от дна отходили наклонные полосы, состоявшие из треугольников³⁷ (рис. 8, 1, 5).

Очень эффектны тонкостенные (в отличие от предыдущих, изготовленные из более тщательно приготовленного теста) сосуды с росписью второго вида. В одном случае ясно, что роспись имела характер многолинейного зигзага³⁸ (рис. 8, 3).

В этом же слое найдено бронзовое шило. Оно напоминает первое шило, также найденное в слое «бронзы II». Оно также бипирамидальное. Сравнительно короткий, но массивный насад, занимающий по длине примерно треть орудия, имеет квадратное поперечное сечение. Основная, нижняя часть шила в поперечном сечении прямоугольная, со скругленными концами, в месте сочетания нижней и верхней частей—незначительное уширение. Рабочий конец вытянуто-конусовидный. Длина этого шила 123 мм, поперечное сечение (максимальное) 5×5,5 мм. Шило изготовлено с помощью проковки.

Это шило находит аналогию в изделиях поздней бронзы евразийских степей, а также земледельческих культур юга. Как известно, «медные и бронзовые четырехгранные шилья мало изменяют свою форму в течение всего бронзового века».³⁹ Большая часть кайрак-кумских шильев относится к первому, по классификации О. А. Кривцовой-Граковой, типу: бипирамидальным, без четко отделенного насада,—преобладающему типу как в срубной,⁴⁰ так и в андроновской и карасукской культурах.⁴¹ Извест-

³⁴ КП 497/119.

³⁵ КП 497/2417.

³⁶ КП 497/241.

³⁷ КП 494/983.

³⁸ КП 497/2496.

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, № 46, М., 1955, стр. 56. См. также А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, М.—Л., 1950, стр. 173.

⁴⁰ См. например, P. Ra u, Neue Funde aus Hockergräber der Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV, Helsinki, 1929, Abb. 17; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 56—57.

⁴¹ С. Т е п л о у х о в. Древние погребения в Минусинском крае. Матер. по этногр., т. III, в. 2, Л., 1927, стр. 95, XI/38; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Тр. ГИМ, в. XVII, М., 1947., стр. 109, рис. 34; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., стр. 77; К. В. Сальников. Южноуральская археологическая экспедиция. КСИИМК, в. 45, М., 1952, рис. 23/24; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, М.—Л., 1960, стр. 83.

но также, что шилья ценились настолько высоко, что порой клались в могилы в футлярчиках из кожи,—очевидно, в тех самых, в которых они хранились (или носились).⁴² Следует вместе с тем отметить, что бипирамидальные подквадратные в сечении шилья имеются в Анау III,⁴³ а также в Тепе-Гиссаре III,⁴⁴ в некрополе А Тепе-Сиалка. В Яз-Депе I известны

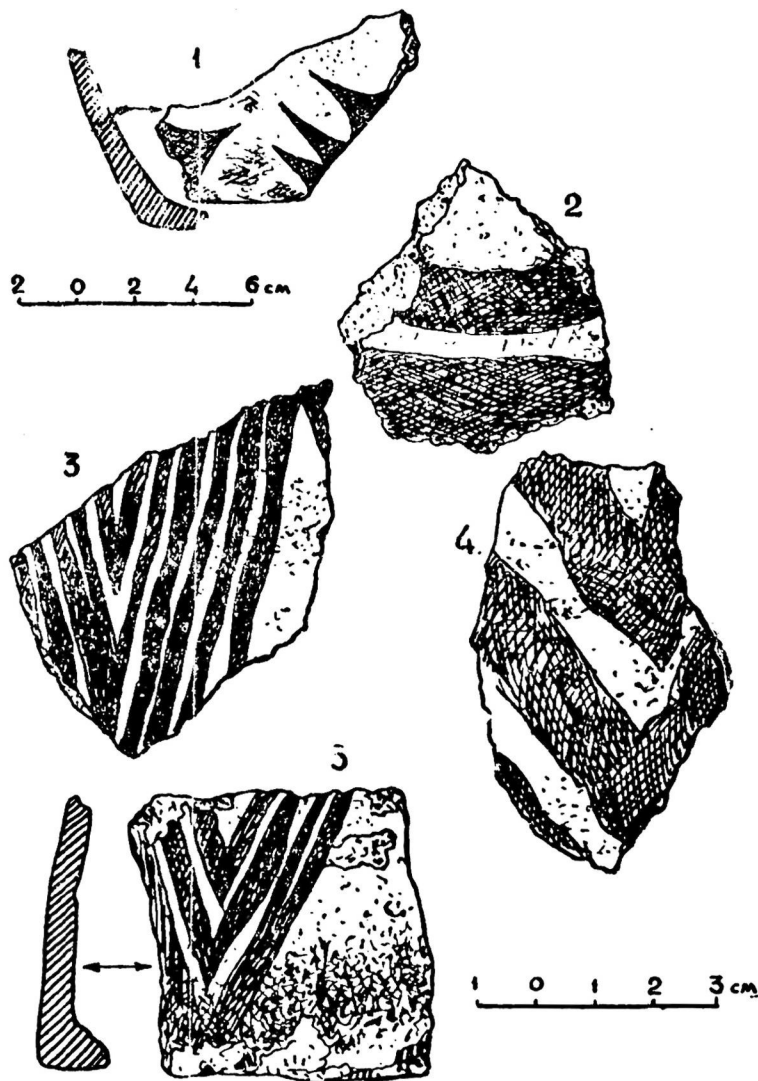


Рис. 8. Расписная керамика — «бронза I и II».

⁴²П. Рыков. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет). Изв. Краеведч. ин-та изучения Южно-Волжской области при Саратовск. гос. ун-в., т. 1, Саратов, 1926.

⁴³H. Schmidt. The archaeological excavations in Anau. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, ed. by R. Pumpelly, vol. I, Washington, 1908, p. 152—153, fig. 264.

⁴⁴E. F. Schmidt. Tepe Hissar excavations 1931. The Museum Journal, vol. XXIII, 1933, N 4, pl. CXXI-A.

близкие по форме, но не квадратные, а прямоугольные в сечении шилья.⁴⁵

Чустское поселение дало образцы шильев обоих типов, причем некоторые из них в поперечном сечении уплощенные.⁴⁶

«Бронза III». Как уже отмечалось в предыдущем отчете, характер обработки камня в нижнем горизонте изменяется мало. Можно уверенно сказать, что в навесе Ак-Танги мы отчетливо видим преемственность основных приемов обработки и характерных форм между этим слоем и вышележащими горизонтами эпохи бронзы.

В целом коллекция, собранная в 1961 г., не очень многочисленна. Вместе с тем, найдены поделки достаточно выразительного облика, позволяющие отметить характерные особенности обработки и применения камня в этом горизонте.

Так, галечные нуклеусы, весьма близкие к уже описанным, имеют здесь значительно более законченный вид. Небольшую серию представляют долотовидные орудия—adze-tools.

Впервые здесь отмечена небольшая группа поделок из кремня, почти совершенно не встречавшегося в верхних горизонтах. Среди них нуклеусы, вернее, нуклеидные поделки. Один из нуклеусов из бело-дымчатого халцедона имеет ладьевидную форму, вогнутую площадку, от которой сняты короткие широкие отщепы неправильной формы.⁴⁷ Другой нуклеус сделан из обломка темно-серого кремня, со всех сторон покрытого мелкими сколами, идущими от краев к центру. По краям местами заметна характерная расплюсченность поверхности, что указывает, возможно, на вторичное использование этой поделки как отжимника.

Распространены и изделия типа чопперов (в отличие от более ранних памятников, в ак-тангинском материале они преобладают над двухсторонне обработанными галечными орудиями-чоппингами). Приведем описание одного из них. Орудие сделано из плоской гальки, большая часть поверхности которой сохраняет естественную корку. Последняя несколькими ударами снята по краю таким образом, что здесь образовано прямоугольное лезвие с острием, лежащим против пятки, образованной естественной плоскостью гальки. С обратной стороны галечная корка также снята одним широким сколом (рис. 5, 2).

Как и в верхних горизонтах, найдены обломки зернотерок или наковаленок из гранита. Имеется терочник иного, чем обычно, характера—у него затерты не только боковые грани, но и нижняя плоская часть.⁴⁸ Пест-куронт крупных размеров имеет лишь небольшую рабочую площадку, образованную в узкой части гальки.⁴⁹

В отличие от слоев «бронзы I и II», на описываемом уровне, помимо грубых отщепов из кремнистого песчаника (рис. 9, 1, 2), встречено небольшое количество более мелких кремневых отщепов и чешуек. Интересен кремневый отщеп, у которого один край частично затуплен крутолежащей ретушью. Скорее всего это орудие, определенное, например,

⁴⁵ В. М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, М.—Л., 1959, стр. 45, табл. XXXIII/7.

⁴⁶ Воспроизведение некоторых — см. В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустское поселение... эпохи бронзы. КС ИИМК, в. 71, 1958, рис. 29/3—5.

⁴⁷ КП 497/2103. Размеры: 7,5×5,2×5 см.

⁴⁸ КП 497/1340. Размеры: 10,8×10×6,7 см.

⁴⁹ КП 497/1412. Размеры 8,6×9,7×7,8 см.

в крымском мезолите—неолите как резчик⁵⁰ (рис. 9, 4). Из кремня же сделано не совсем ясное изделие, похожее на концевой скребок на отщепе с крутым слегка подогнутым округлым рабочим краем. Помимо отщепов, найдены 3 пластины. Две из кремня, тонкие узкие правильной трапецевидной и треугольной огранки, а одна из кремнистого песчаника, крупная (длина—9,5 см), грубо ограненная.

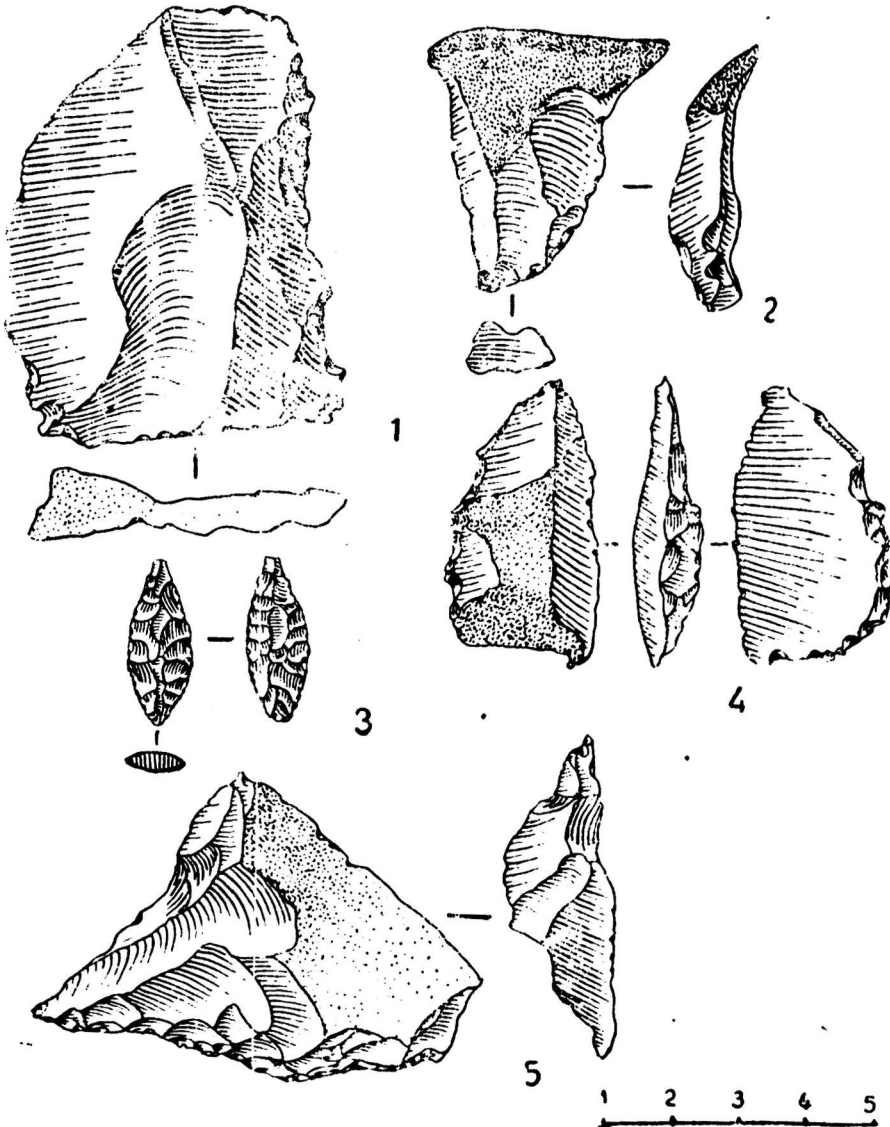


Рис. 9. Изделия из камня — «бронза III».

Скребловидные инструменты и грубые скребла представлены довольно значительной группой. Среди них преобладают крупные экземп-

⁵⁰ А. Д. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аыр I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, № 91, М., 1960, стр. 18 и сл.

ляры, но имеются и более мелкие. Ретушь, как правило, не охватывает всей длины рабочего края. Она напоминает мустьерскую и отличается пластинчатым, ступенчатым характером.

Наконечник стрелки один. Он двухсторонний, небольшой, со сломанным кончиком, сделан из темно-серого кремня. Форма его близка к неправильно-ромбовидной. Одна сторона стрелки выпуклая, другая плоская. Ретушь тщательная, ровная, без заломов, фасетки лежат более или менее параллельно. Край ровный⁵¹ (рис. 9, 3).

Изделия из кости составляют весьма характерную часть инвентаря горизонта. В слое найдено 15 проколов-шильев в основном небольших размеров.⁵² Все они изготовлены из обломков трубчатых костей с отбитыми эпифизами (сохранился только в одном случае). Поверхность их, как и тыльная часть, специально не обрабатывалась, стачиванию подвергалось лишь острие. Последнее округлое или плоское. Поверхность большинства проколов сильно заложена в результате длительного употребления (рис. 7, 2, 3, 5, 6). Подобные проколки встречаются во многих памятниках начиная от верхнего палеолита, но особое распространение они получают уже на заключительных этапах каменного века.

Среди памятников Средней Азии наиболее богаты этими изделиями Мачайская пещера,⁵³ поселение Джейтун,⁵⁴ а также энеолитические памятники типа нижних слоев Анау⁵⁵ и др. Весьма распространены они и в послепалеолитических памятниках Ближнего Востока.⁵⁶ Наряду с описанными шильями-проколками, имелись и более тщательно обработанные шилья. К ним относится нижняя часть сильно заполированного круглого в сечении шила и плоское четырехгранное шило, тщательно обработанное со всех сторон.

Еще более редкая находка—обломок тщательно выделанной иглы с высверленным ушком.⁵⁷ Неясным остается назначение тщательно выделанной тонкой (0,2 см) костяной пластинки со скругленными концами (оба конца надломлены). Гладкие узкие продольные грани зашлифованы. Поверхность с обеих сторон покрыта мелкими штрихами, лежащими более или менее в одном направлении и лишь изредка пересекающимися с одной стороны, окончание пластинки заложено (рис. 7, 4).

Кроме упомянутых изделий, имеется несколько плоских лопаткообразных поделок, заглаженных с одной стороны, употреблявшихся, видимо, для лощения.⁵⁸ Крупные обломки трубчатых костей служили подставкой для разрезания — об этом свидетельствуют характерные мелкие нарезки на их поверхности. Многие кости имеют небольшие надрезы или плохо оформленные отверстия, какую-то часть их можно, вероятно, счи-

⁵¹ Этот наконечник находит полную аналогию в наконечнике из Геокюра—В. И. Саринди. Энеолитическое поселение Геокюр (результаты работ 1956—1957 гг.). Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, стр. 268, табл. XIV/22 (к сожалению, не указывается, происходит ли он из подъема или раскопа).

⁵² Наибольшая длина 14,4, самая маленькая проколка 4,5 см. Средняя цифра 6—8 см.

⁵³ Коллекция в Музее истории народов Узбекистана.

⁵⁴ В. М. Массон. Джейтунская культура, Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, табл. I—III.

⁵⁵ С. А. Ершов. Северный холм Анау. Тр. ИАНЭ АН Туркм. ССР, т. II, 1956, стр. 29.

⁵⁶ J. Braidwood. The Near East and the foundations for civilization. Oregon, 1952.

⁵⁷ КП 497/2405. Длина 4,5 см, диаметр ушка 1,5 мм.

⁵⁸ Ср. С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевская, МИА, № 38, М.—Л., 1953, стр. 115—116.

тать неудачными заготовками орудий из кости. Как и в слое «бронза II», имеются астрагалы, но последние не имеют нарезок. В отдельных случаях встречаются астрагалы со срезами на краевых частях.

В этом же слое найдена бирюзовая бусина уплощенно-дисковидной формы. Такие бусы известны по находкам в Заман-Бабе.⁵⁹

Слой «бронзы III» дал сравнительно небольшой комплекс керамических находок. Основная часть керамики сероглиняная, грубого теста, неравномерного обжига, груболепная, с большим количеством мелкотолченых белых включений. На поверхности нет никакого орнамента, но у ряда сосудов хорошее лощение. Имеется несколько фрагментов керамики высокого качества. Черепок в изломе серый, поверхность желтая или серовато-желтая, в тесте примесей мало, к тому же они очень мелкие. Отличительная черта этих фрагментов — прекрасное двухстороннее лощение. На одном фрагменте как будто следы раскраски (или орнамента).⁶⁰

Донья сосудов были двух типов — яйцевидные (2 экземпляра) (рис. 4, б) и уплощенные (1 экземпляр, диаметр ок. 60 мм). Имеется также 3 венчика: 2 от крупных сосудов, 1 от небольшого. Один из крупных венчиков с плоским бережком, два других — приостренные (рис. 4, в).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги работ 1961 г., полностью подтвердивших целесообразность постановки исследования стратиграфически интересного памятника — навеса Ак-Танги.

Материал из верхних слоев значительно пополнил материалы раскопок предыдущего сезона. Это позволяет несколько уточнить датировку, предложенную нами первоначально — мы суммарно датировали бронзовые слои Ак-Танги последней четвертью II — началом I тыс. до н. э. Эта датировка правомерна для верхнего (первого) слоя бронзы, второй же (нижний) слой скорее относится к третьей четверти II тыс. до н. э., т. е. ко времени собственно первого этапа кайрак-кумской культуры. Для этого II слоя эпохи бронзы мы теперь можем использовать данные радиоуглеродного анализа. Анализ образца из слоя II, проведенный в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА, дал абсолютную дату 3120 ± 140 ⁶¹, т. е. дата заключается где-то в пределах начала XVI — конца XII вв. до н. э.

Значительно более обильные находки крашеной и расписной керамики позволили внести коррективы и здесь. Прежде всего, крашенная керамика, как показали раскопки 1961 г., встречается в основном только во II слое бронзы. Что же касается сопоставления ее с чувстской,⁶² то, как выяснилось при накоплении материала, расписная керамика Ак-Танги не похожа на наиболее распространенную и обычную для Чуста и Дальверзина.

Как известно, там роспись сделана не красной, а черной охрой по красному фону, причем это в большинстве случаев треугольники, ромбы, ленты, заштрихованные сеткой, реже сплошной заливкой. Правда, в верхних ярусах Чуста есть белоангобированные сосуды с полосами коричневой росписи, очень приблизительно напоминающие нашу роспись

⁵⁹ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, № 2, 1958, стр. 30.

⁶⁰ КП 497/1380.

⁶¹ Радиоуглеродная лаборатория ЛОИА АН СССР, РУЛ-432.

⁶² Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги..., стр. 48.

первого вида. Имеется в Чусте и несколько фрагментов с росписью красно-коричневой краской на таком же фоне, мотив росписи—углы.⁶³ В Чусте и Дальверзине орнамент наносился на верхнюю часть сосуда.⁶⁴

Не было ли в восточной части Средней Азии еще одного очага (очагов?) культуры с расписной керамикой? Скажем, в Согде, в Бактрии? Такой вопрос невольно возникает при изучении расписной керамики из Ак-Танги.

Принципиально важны новые находки в нижнем слое. Теперь можно с уверенностью утверждать, что этот слой содержит материал, относящийся к эпохе позднего неолита или энеолита. Обнаружение донцев от яйцевидных (или ладьевидных?) сосудов, столь характерных для ряда культур эпохи неолита и энеолита, позволяет уточнить датировку этого слоя. Наличие этой керамики также поднимает вопрос о соотношении этой культуры с другими среднеазиатскими культурами. Наиболее детально в Средней Азии выявлены памятники кельтеминарской неолитической и энеолитической культуры, характерной для Приаралья, а также ряда примыкающих территорий.

Раннекельтеминарский комплекс Жанбас-Кала включал сосуды с «яйцевидным» дном.⁶⁵ В большинстве случаев все раннекельтеминарские сосуды покрыты орнаментом. Для них характерно окрашивание стенок сосудов красной или желтой охрой.⁶⁶ В позднекельтеминарских комплексах, наряду с сохранением сосудов с яйцевидным дном, появляются сосуды с уплощенным и плоским дном. Орнамент в большинстве случаев занимал не всю поверхность, а наносился лишь в верхней части сосуда; имеется группа неорнаментированной керамики.⁶⁷

Чрезвычайно существенно, что стоянки с позднекельтеминарским инвентарем обнаружены в южных Кызыл-Кумах,⁶⁸ а с раннекельтеминарским—на Махан-Дарье.⁶⁹ Географическая близость (относительная, конечно) уже сама по себе подчеркивает необходимость учета вероятных влияний этой культуры на культуру насельников Ак-Танги. Против непосредственной принадлежности материалов из Ак-Танги к кельтеминарской культуре свидетельствует как будто полное отсутствие в этом слое орнаментированных фрагментов: здесь не оказалось ни одного орнаментированного. Напротив, форма сосудов демонстрирует явное сходство с кельтеминарской культурой, особенно с ее поздним вариантом.

Необходимо обратиться к материалам и другой энеолитической культуры—заман-бабинской.⁷⁰ Там также имеются сосуды с яйцевидным дном (среди сосудов первой и второй групп, по классификации

⁶³ В. И. Спришевский. Альбом расписной керамики Чуста. Музей ист. АН УзССР, рук., л. 4, гл. 28 (за разрешение воспользоваться этим альбомом приносим благодарность В. И. Спришевскому).

⁶⁴ Ю. А. Заднепровский. Некоторые итоги..., стр. 51. В Ак-Танги же в нескольких случаях орнамент начинается у дна.

⁶⁵ М. А. Итина. Первобытная керамика. Хорезма. Тр. ХАЭЭ, т. IV, 1959, стр. 12—13, рис. 1—2.

⁶⁶ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения, М., 1960, (МХЭ, в. 3), стр. 71.

⁶⁷ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КС ИИМК, в. XXXI, М.—Л., 1950, стр. 144, 146; Низовья Аму-Дарьи..., стр. 78—82, рис. 34; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 30, рис. 4.

⁶⁸ Н. Н. Вактурская. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г. МХЭ, в. I, 1959, стр. 39—44.

⁶⁹ У. Исламов. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье. Научн. раб. и сообщ. АН УзССР, Отд. общ. наук, кн. 4, Ташкент, 1961.

⁷⁰ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. Ин-та ист. и археол. АН Уз. ССР, в. VIII, Ташкент, 1950.

Е. Е. Кузьминой). Для этих сосудов характерно полное отсутствие орнаментации,⁷¹ что согласуется с материалами из Ак-Танги. Третья группа заман-бабинской керамики также находит аналогии в Ак-Танги, имеются и другие точки совпадения в керамике Заман-Бабы и III слоя Ак-Танги.

С другой стороны, каменный инвентарь нижнего слоя Ак-Танги совершенно отличен от кельтеминарского. В этом нетрудно убедиться, сравнив описанные выше материалы с ведущими типами каменных орудий кельтеминарской культуры, в том числе и позднекельтеминарской.⁷² Не находит наш материал аналогий и среди различных вариантов кельтеминарской культуры в восточных областях ее распространения.⁷³ И, наоборот, все приемы обработки камня в Ак-Танги совершенно идентичны по характеру обработки камня гиссарской культуре, резко отличному от тех традиций, которые лежат в основании техники производства каменного инвентаря зоны среднеазиатских степей, что позволило А. П. Окладникову говорить о своеобразии гиссарской культуры, являющейся самостоятельным, особым вариантом—«горным неолитом» Средней Азии.⁷⁴

К сожалению, до сих пор мы, по-существу, не имеем достаточного количества керамики, которую можно было бы уверенно относить к гиссарской культуре. Это придает особый интерес находкам в Ак-Танги. Как известно, вопрос о том, могут ли каменные орудия быть этническим признаком, неоднократно дебатировался. Последние исследования А. А. Формозова утверждают за каменными орудиями право быть основой для изучения этнической истории древних племен.⁷⁵ Пока, конечно, вопрос об этническом различии кельтеминарских и гиссарских племен не может быть даже поставлен сколько-нибудь основательно, но существование различных «культурно-хозяйственных зон»⁷⁶ в позднем каменном веке Средней Азии, как представляется авторам, находит новое подтверждение в материалах навеса Ак-Танги.

Разумеется, до полного вскрытия площади, на которой выявлен в Ак-Танги этот слой, характеристика культуры и ее связей, а также высказанные предположения носят лишь сугубо предварительный характер, в полной мере это относится и к датировкам. По определению радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, абсолютный возраст образца, взятого из средней части слоя «бронзы III», составляет 4170 ± 110 от нашего времени, т. е. XXIV—XXI вв. до н. э.⁷⁷ Учитывая датировки других среднеазиатских поздненеолитических и энеолитических культур, мы считаем, что слой энеолита в целом может быть датирован концом III—первой половиной II тыс. до н. э.

Чрезвычайно существенен до сих пор остающийся неясным вопрос о конкретных путях формирования кайрак-кумской культуры. В отноше-

⁷¹ Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба..., стр. 25—26, рис. 1/1—3.

⁷² А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры..., стр. 29—30.

⁷³ А. А. Формозов. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом. Бюлл. КИЧП, № 15, 1950; Он же. Археологические памятники в районе Орска. КС ИИМК, в. XXXVI, 1951, и др.

⁷⁴ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана..., стр. 70—71.

⁷⁵ А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, № 4, 1957, стр. 74.

⁷⁶ А. А. Формозов. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, № 2, 1959, стр. 59.

⁷⁷ Радиоуглеродная лаборатория ЛОИА АН СССР, РУЛ-429.

нии родственной ей тазабагъябской культуры С. П. Толстов первоначально отмечал ее генетическую связь с кельтеминарской и писал о том, что тазабагъябская культура—«прямой потомок» кельтеминарской, но после стал утверждать, что тазабагъябские племена проникли в Хорезм с северо-запада в середине II тыс. до н. э.⁷⁸ М. А. Итина специально подчеркивает «пришлый» характер тазабагъябской культуры и утверждает, что она сформировалась в степях Южного Приуралья и проникла вдоль восточного побережья Аральского моря в Хорезм. Гипотеза эта, обоснованная рядом фактов, очень привлекательна. Менее убедительным представляется связанное с ней утверждение, что «кельтеминарскую культурную традицию» при анализе тазабагъябских памятников уловить уже не удастся.

В Ак-Танги слой развитой и поздней бронзы кайрак-кумского типа лежит над энеолитическим слоем. Стратиграфическая последовательность отнюдь не является в данном случае доказательством генетической связи культур (тем более что II и III слои разделены стерильными накоплениями), но ряд наблюдений показывает, что такая связь не исключена. При этом в процессе формирования кайрак-кумской культуры должен был сыграть значительную роль приток раннеандроновских элементов с севера.

В заключение мы хотим остановиться на одном вопросе. С. П. Толстов⁷⁹ и М. А. Итина⁸⁰ в своих работах постулируют передвижение тазабагъябских, а затем суярганских (включивших в свой состав и тазабагъябские) племен из Приуралья в южном, юго-западном и юго-восточном направлении двумя волнами (в середине II тыс. до н. э. и более мощной в конце II—начале I тыс. до н. э.). При этом история племен степной бронзы в остальных частях Средней Азии рассматривается как «явление второго порядка, свидетельство следующего этапа в истории тазабагъябских племен» (слова М. А. Итиной).⁸¹ Большая роль, сыгранная племенами тазабагъябской культуры, как она теперь выявляется в результате работ Хорезмской экспедиции, бесспорна. Однако уравнение: среднеазиатская степная бронза—это тазабагъябская культура, не учитывает наличия трех группировок племен степной бронзы в Средней Азии (тазабагъябской, кайрак-кумской и семиреченской). С. П. Толстов и М. А. Итина считают, что на территории распространения кайрак-кумской культуры (Фергана, Ташкентская и Самаркандская области, а также ряд прилегающих районов) памятники степной бронзы появились в связи с распространением носителей тазабагъябской культуры из Хорезма. Однако если следовать С. П. Толстову в определении времени появления тазабагъябской культуры в самом Хорезме (середина II тыс. до н. э.), то наиболее ранние комплексы из Кайрак-Кумов, характеризующиеся преобладанием в орнаменте техники гребчатого штампа, ранними формами венчиков, а также вислообушными топорами, миниатюрными дулезвийными ножами-кинжалчиками и др., также относятся к середине

⁷⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

⁷⁹ С. П. Толстов. Итоги двенадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СБ, 1957, № 4, стр. 41; С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, № 1, стр. 22.

⁸⁰ М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, в. 5, М., 1961, стр. 71—72, 92.

⁸¹ С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры...; М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 73.

третьей четверти II тыс. до н. э. Не останавливаясь на перечне всех материалов, связанных с этим, укажем лишь на находку в Ак-Танги в основании I (т. е. верхнего), а также в верхних прослойках нижележащего II слоя сосуда, орнамент которого совпадает с орнаментом ранне-тазабагъябского сосуда из Ангка 5.⁸² Чрезвычайно существенно, что теперь наши датировки раннего этапа кайрак-кумской культуры⁸³ подтверждаются данными радиоуглеродного анализа образца из II (нижнего) слоя бронзы в Ак-Танги.

Следовательно, слой II в целом синхронен раннему тазабагъябу. Все это приводит к заключению, что вышеприведенная гипотеза о передвижении тазабагъябцев на юго-восток не имеет под собой фактического основания. Долины Зеравшана, средней и верхней Сыр-Дарьи отнюдь не были безжизненными в ту эпоху, когда хорезмийские племена создавали высокую культуру эпохи бронзы—одновременно и параллельно существовала родственная, но не тождественная культура и в других областях северной части Средней Азии.

⁸² Схема орнамента на этом сосуде связана с традицией, идущей от раннего кельтеминара—см. М. А. И т и н а. Первобытная керамика..., рис. 1/4,5.

⁸³ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Р а н о в. Древности Кайрак-Кумов. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXIII, 1962, стр. 252—258.

А. Д. БАБАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ПАМИРЕ В 1961 г.

В сентябре 1961 г. на Памире проводила археологическую разведку Памирская группа ТАЭ¹. Перед группой была поставлена задача: разведать новые районы Восточного Памира, закончить раскопки могильника Тегерман-Су в районе Кызыл-Рабата² и провести археологические раскопки на крепостных сооружениях Западного Памира.

Разведки проводились в основном в долинах рр. Кокуй-Бель (могильник Кальта-Тур) и Тегерман-Су. На археологических памятниках Западного Памира, в частности на «столичного»³ типа крепостях Каахка и Ямчун, проводилась расчистка башен и жилых помещений. Помимо раскопанных курганов, в долине р. Кокуй-Бель нами был обследован известный уже в научной литературе благодаря работам А. Н. Бернштама и Б. А. Литвинского район Кызыл-Рабата. Нами были продолжены раскопки могильника Тегерман-Су.⁴ Из 16 раскопанных курганов лишь 1 (№ 9) дал богатый материал, а остальные были или кенотафами, или же захоронениями без инвентаря.

Курган № 9 (рис. 1) расположен на левом берегу р. Тегерман-Су, в 300 м от летовки животноводческого совхоза. Одиночный курган состоял из округлой в плане насыпи (высота 0,75 м), сложенной из средних размеров камней, гальки и лесса. Диаметр кургана С—Ю 6,4 м, З—В 6 м. Центр кургана имел вид почти округлой формы с диаметром С—Ю 3 м, З—В 2,5 м.

При расчистке погребальной ямы оказалось, что она завалена камнями. На глубине 1 м лежал скелет, у ног которого был бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы (рис. 2, б). Скелет лежал головой на юг, в скорченном положении. Погребение, по-видимому, было впускное, так как ниже на 0,5 м было обнаружено другое захоронение, но уже парное. Скелеты ориентированы головой на восток, ногами на запад, лежат на спине, в скорченном положении. У северного скелета железный кинжал, на правой руке 3 браслета (2 бронзовых и 1 железный), бронзовый браслет (пластинчатый, орнаментированный прочерченными полосами, которые образуют треугольники, частью заполненные точками), с левой стороны остатки деревянного колчана с деревянными древками стрел. Рядом с колчаном одно железное, сильно фрагментированное изделие (кинжал?). У южного скелета под головой находились фрагменты

¹ В состав группы входили: начальник группы А. Д. Бабаев и младший научный сотрудник сектора археологии и нумизматики Е. Д. Салтовская. Общее руководство работами осуществлял Б. А. Литвинский.

² Начаты Б. А. Литвинским в 1958 г.—Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., Археол. раб. в Таджикистане, Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. XXVII, 1961, стр. 27—48.

³ А. Н. Бернштам, Археологические памятники Памира. КС ИИМК, в. XXVI, 1949, стр. 129.

⁴ Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблемы связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960; Он же. Археологические работы на Восточном Памире в 1958 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1958 г., Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. XXVIII, 1961.

железного изделия, на верхнем конце которого располагалась бронзовая пряжка (рис. 2, 5). Там же находится каменный оселок. На груди скелета были две бронзовые подвески и бронзовая бусина (рис. 2, 7). Здесь же бронзовый фалар (?).

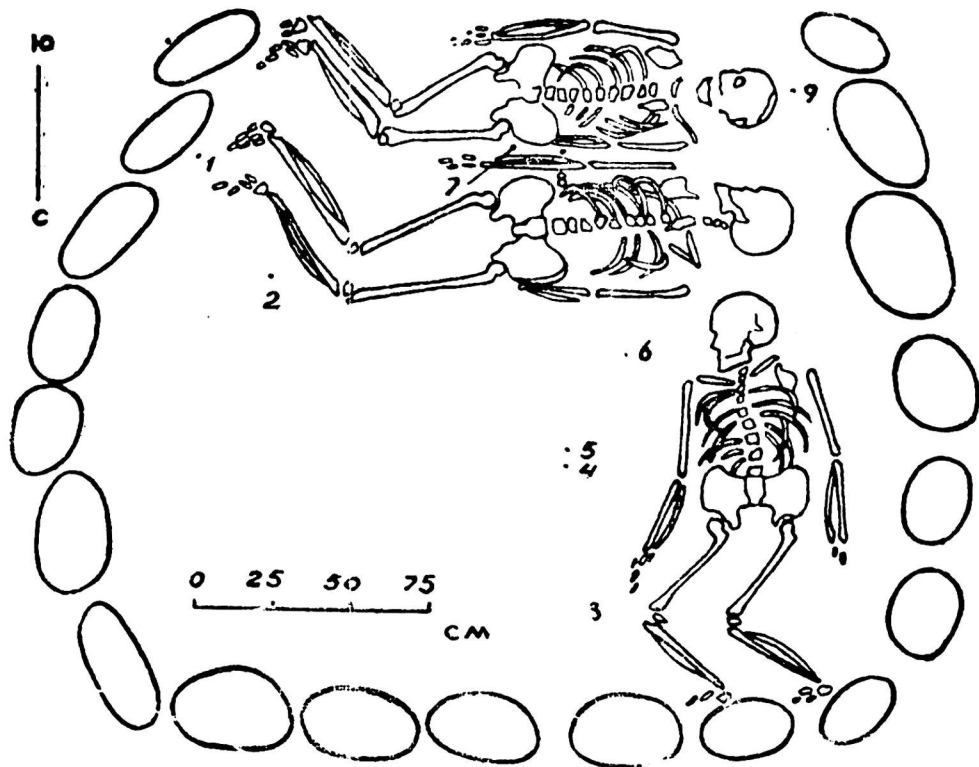


Рис. 1. Могильник Тегерман-Су III, курган № 9.

Остановимся на некоторых находках. Представляет интерес бронзовый нож из кургана № 8 (рис. 3) могильника Кальта-Тур (рис. 2, 9). Подобные ножи уже встречались в Средней Азии.⁵ Нож из могильника Кальта-Тур находит многочисленные аналогии среди ножей эпохи поздней бронзы Казахстана и Сибири.⁶ Исходя из этого, нож может датироваться концом II—началом I тыс. до н. э. Находка этого ножа расширяет наши представления о бронзовом веке Памира, данных о котором еще очень мало.

⁵ Вопросы классификации и хронологии среднеазиатских ножей детально освещены в работе Б. А. Литвинский, А. П. Окладников и В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 33, 1962, гл. V. Там же литература вопроса.

⁶ См., например, М. П. Грязнов, Казакстанский очаг бронзовой культуры, Казакн. Сб. ст. антропол. отряда Казакстанск. эксп. АН СССР. Исследования 1927 г. Матер. комиссии эксп. исслед., в. 15, Л., 1930, стр. 155, фиг. 3, рис. 11; стр. 160, фиг. 6, рис. 22; Он же. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ Большой речки. МИА СССР, № 48, М.—Л., 1956; рис. 15—3, табл. V, рис. 25; Кнселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 239, 250 и далее; П. М. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА СССР, № 24, М., 1952, рис. 23—19; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА СССР, № 88, М.—Л., 1960, стр. 79, табл. XIII, рис. 4, 5.

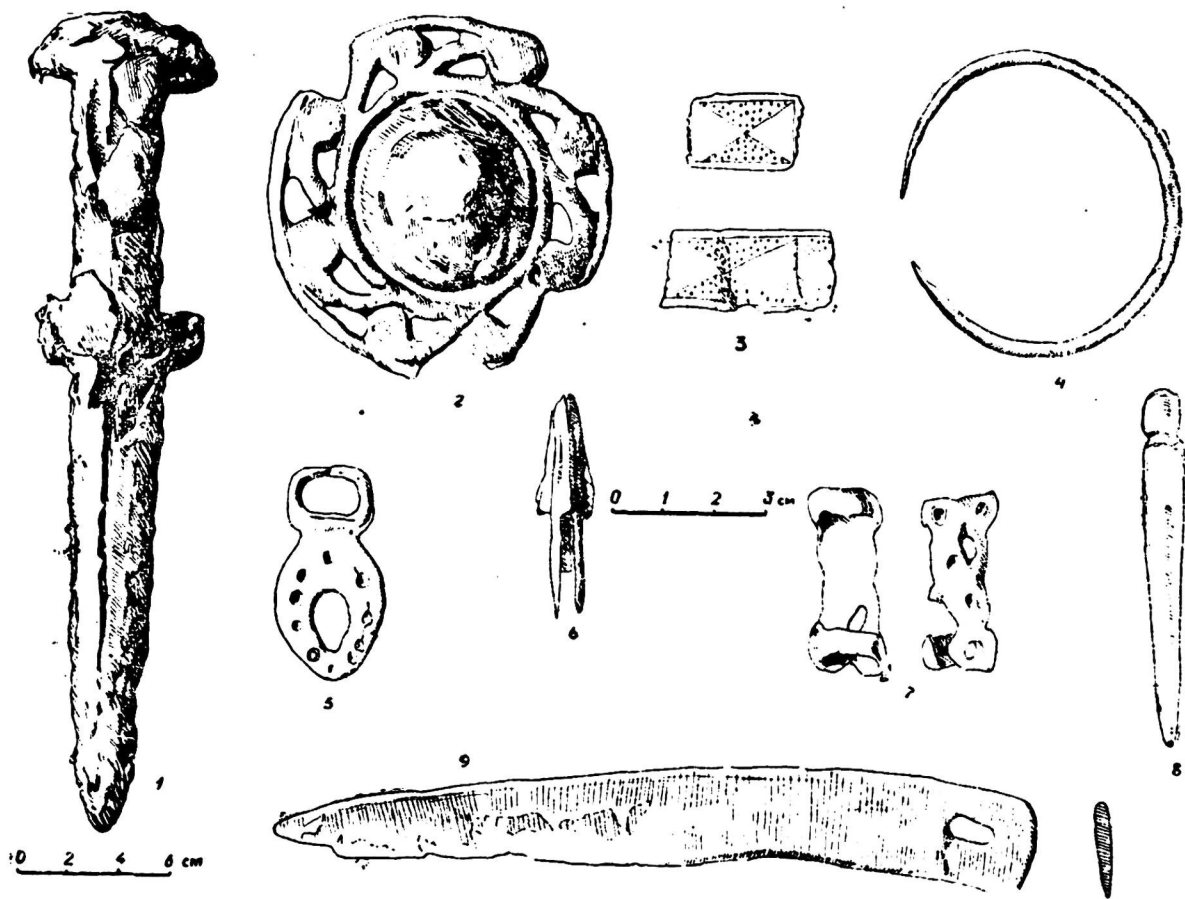


Рис. 2. Находки с Восточного Памира.

В могильнике Тегерман-Су III найдены, в частности, железный акинак (рис. 2, 1), бронзовый фалар (?) и трехлопастной бронзовый наколечник стрелы. Железный кинжал (акинак) двулезвийный, хорошей сохранности. Рукоять плоская, овальной формы. Перекрестие по своей форме близко к сердцевидному. Лезвийная часть постепенно суживается и на конце заостряется. В поперечном разрезе имеет форму ромба. Длина всего кинжала 31 см. По своему назначению короткий двулезвийный кинжал представляет собой типичное колющее оружие ближнего боя, бывшее в широком употреблении в скифскую эпоху. Так, на рельефах из ападаны в Персеполе, где изображены подвластные представители многих народов, они вооружены характерными короткими мечами (кинжалами).⁷

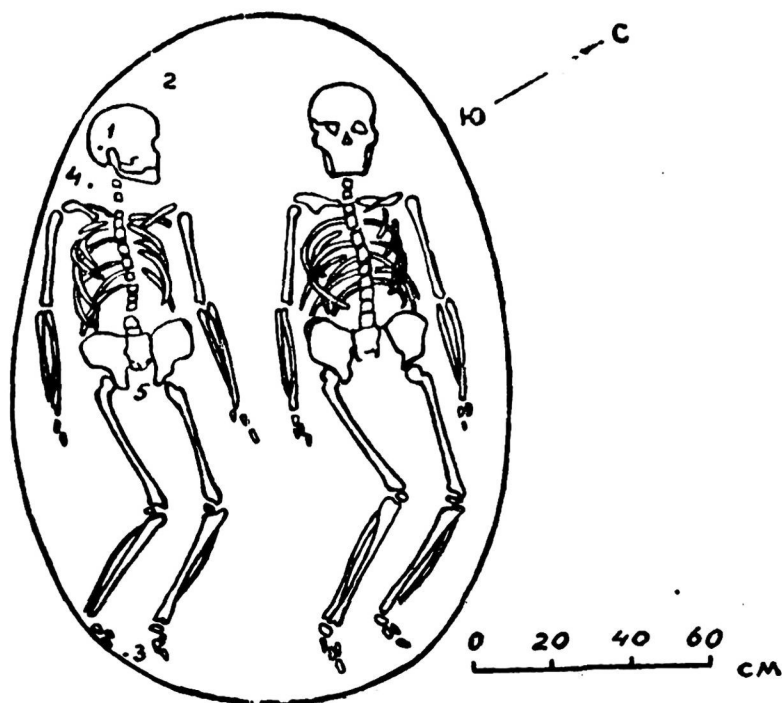


Рис. 3. Могильник Кальта-Тур, курган № 8.

Такое оружие широко представлено в скифских погребениях юга России⁸ и в савроматских.⁹ Сердцевидное перекрестие кинжала характерно для скифских кинжалов VI в. до н. э.¹⁰ Навершие, подобное нашему, мы находим и на кинжале из могильника С. Головятино Смелянского

⁷ М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана, стр. 76, рис. 78, рис. 15; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1940, pl. XLI.

⁸ W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Sädrußland. Vorgeschichtliche Forschungen, v. 2, 1, Berlin, 1928.

⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА СССР, № 101, М., 1961, рис. 1—7.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение..., стр. 19; см. также А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье. Вопр. скифо-сарматской археол. М., 1954, стр. 105; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Вопр. скифо-сарматской археол., стр. 154; см. также А. В. Збруев. О датировке акинака из Луговского могильника. КС ИИМК, в. XV, М.—Л., 1947.

района Киевской области,¹¹ и на других кинжалах из Поднепровья, датированных IV в. до н. э.,¹² и среди находок из курганов Посулья, также относящихся к IV в. до н. э.¹³ Подобные навершия датированы К. Ф. Смирновым V—IV вв. до н. э.¹⁴

Наиболее интересен бронзовый фалар (?) (рис. 2, 2). Состоит из выпуклой, ажурно украшенной плоской, круглой по форме бронзовой поделки, утолщающейся от края к центру. В центре с наружной стороны расположена шишка, заключенная в рельефную бороздку. С внутренней стороны стержень с плоской шляпкой, служивший для укрепления фалара. Диаметр фалара 6,8, высота стержня 2,2, толщина по краю 0,7 см.

Насельники Восточного Памира, будучи кочевниками и, следовательно, всадниками, по всей вероятности, носили круглые щиты, прикрывающие их от стрел неприятеля, хотя в результате археологических раскопок до настоящего времени они не были обнаружены. В пользу нашего предположения о том, что данный предмет был частью щита—умбоном, говорит высокий (2,2 см) гвоздеобразный стержень. Умбон прикреплялся в центре щита. Подобные шляпковидные умбоны были отмечены Н. И. Сокольским на боспорских щитах.¹⁵

Необходимо отметить бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы. Острый конец отломан. Между лопастями три выпуклых ребра, продолжающихся ниже основания боевой части наконечника. Выступающие части ребер образуют «дольчатую втулку». Длина сохранившегося черешка 2 см. Высота тулова 2,2 см. Полной аналогии найти не удалось. Лишь в материалах Б. А. Литвинского находим близкое сходство с одним наконечником.¹⁶ Некоторые близкие черты демонстрируют наконечники Южного Приуралья, относящиеся к V в. до н. э.¹⁷

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

В 1961 г. были продолжены ранее начатые работы по исследованию археологических памятников Западного Памира. Археологической группой ТАЭ были посещены крепости Каахка и Ямчун.

Помимо работ на крепостных сооружениях Западного Памира, группой производились разведочные работы на вновь обнаруженном поселении, расположенном недалеко от поселка Джеланды на стыке Восточного и Западного Памира.

КРЕПОСТЬ КААХКА

Цитадель. Венчает плоскую вершину малого гребня. Стены цитадели повторяют контур гребня и включают площадь около 300 м длиной и 80 м шириной (в самом широком месте). Высота гребня 106 м над уровнем р. Пяндж. Здесь поднимаются стены двух построек—одной размером 8,5×5,79 м (условно назовем ее западной) и другой размером

¹¹ А. И. Тереножкин. Культура..., стр. 103, рис. 11 (№ 2).

¹² П. Д. Либеров. Хронология..., табл. 1, рис. 99—101.

¹³ В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. *Вопр. скифо-сарматской археол.* М., стр. 183, табл. V (7).

¹⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение..., стр. 23.

¹⁵ Н. И. Сокольский. О боспорских щитах, *КС ИИМК*, в. 58, 1955, стр. 14—25.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960, стр. 2, рис. 6.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Вооружение..., рис. 25, 5б; рис. 26, 2в; рис. 27, 1, 4б.

5,79×3,85 м. Стены толщиной 1 м сложены очень тщательно из сырцового кирпича размером 45×23×12 см.

Расчистка западного помещения показала, что оно было заполнено завалом из сырцового кирпича и камней. В плане помещение прямоугольное, вытянутое с севера на юг. Вход находился с южной стороны. Стены сохранились на высоту 1—1,75 м, из которых 0,6—0,8 м приходится на фундамент, сложенный из рваного камня на глиняном растворе. В данном помещении была найдена в основном керамика. Керамику можно разделить на две группы: толстостенная и тонкостенная. К числу первой можно отнести грубую кухонную посуду, изготовленную от руки, фрагменты хумов. Ко второй группе относятся фрагменты тонкостенной, ангобированной, со следами лощения, принадлежащей, по-видимому, чашкам и мискам. Венчики двух типов: прямые и оттянутые наружу. Следует указать, что тесто как толстостенных, так и тонкостенных сосудов имеет примесь слюды.

Круглая башня в юго-восточной части крепости. Фундамент сложен из камня на высоту 2,8—3 м. В стене на высоту человеческого роста от внутреннего пола (1,6—1,7 м) поднимаются семь стреловидных бойниц, выложенных из квадратного сырцового кирпича.

Верхние части башни сложены из сырцового кирпича. Стены сохранились на высоту (от пола) 2—3 м. Вход располагался в западной стороне, по всей вероятности, выше уровня пола, так как башня возвышается над уровнем двора крепости. По-видимому, чтобы попасть в башню, пользовались ступеньками, сложенными из рваного камня, но следов от последних не сохранилось.

Башня была нами расчищена от завала камней, кирпича, и на глубине 1 м появился пол (глиняная обмазка), под которым шла забутовка из рваного камня.

Находок мало: это 3 фрагмента стенок грубой кухонной керамики, 2 поддона и 3 венчика. Венчики прямые, тесто имеет примесь слюды.

Караульное помещение «жилая башня». Расположено в южной части крепости на самом берегу реки. В плане прямоугольное с размерами сторон 4,8 (З—В)×3,5 м (С—Ю), сложено из сырцового кирпича размером 42×30×10—12 см на невысоком фундаменте. Последний сложен из рваного камня и имеет высоту около 1 м. Высота стен от 0,75 до 2,5 м, толщина 1 м. Вход располагался с востока, его ширина 1,4 м. В стенах бойницы прямоугольной формы, высотой 1,5 м, шириной 0,15, всего 6 бойниц на высоте 1 м от уровня пола. При раскопке после 0,75 м углубления показался пол, состоящий из нескольких слоев обмазки. Под полом забутовка из рваного камня. Завал комнаты состоит из обломков сырцового кирпича, камней и лесса. Керамический материал включает венчик толстостенного хума, а также тонкостенные фрагменты керамики, на некоторых сохранились следы лощения. Венчики двух типов: прямые и оттянутые наружу. Фрагменты керамики находят аналогии в керамическом комплексе Согда VI—VII вв., в частности Тали-Барзу и Кафыр-Калы.¹⁸

Часть встреченной нами керамики такая же, как та, которую А. Стейн в свое время назвал «хорошей, красной».¹⁹ Речь идет о такой

¹⁸ А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КС ИИМК, в. XXVIII, 1949, стр. 58.

¹⁹ A. Stein. *Innermost Asia*, Oxford, 1928, v. II, p. 875.

керамике, о которой А. Н. Бернштам писал: «Кушанская керамика красного цвета и лощения...».²⁰ На основании аналогий с керамикой других районов Средней Азии, в частности Согда (Афросиаб),²¹ можно отнести большинство фрагментов этого типа ко II в. до н. э.—III в. н. э., но некоторые могут быть и более поздними.

Следует отметить, что сосуды, поверхность которых покрыта густым красным ангобом, а затем затерта или залощена, выделяются в особую группу в керамических комплексах Южного Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении. В Согде и Бактрии лощеная керамика известна с раннего времени. Считается, что она прекратила свое существование со времени арабского завоевания.²²

Всему вышесказанному не противоречат размеры кирпича. Аналогичные размеры кирпича имеются в крепостях равнинных долин Средней Азии, в частности древнего Хорезма (Топрак-Кала),²³ древнего Пенджикента²⁴, в крепостных сооружениях северных районов Таджикистана, в частности в Исфаринском районе.²⁵

Некоторые фортификационные детали также указывают на древний период. Так, например, большое количество бойниц, расположенных по всему периметру (это характерно не только для крепости Каахка, но и для другой наиболее крупной крепости—Ямчун), связано, очевидно, с тем, что «система укреплений античных городов и крепостей требовала, чтобы вся масса народа имела профессиональную военную выучку и прежде всего была бы стрелками».²⁶ Конечно, это создавало иллюзию большого количества защитников крепости, что в конечном счете влияло на моральный дух противника.²⁷ Подробную картину мы видим в крепостях позднепарфянской эпохи—Дурнали и Чильбурдж, расположенных в Мервском районе.²⁸

Наличие стреловидных бойниц также свидетельствует о глубокой древности данной крепости. По этому поводу С. П. Толстов замечает, что «стреловидные бойницы... восходят к ассирийской традиции и проходят через историю ахеменидского и парфянского Ирана, не переходя, однако, в сасанидскую эпоху».²⁹

²⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, М., 1952, стр. 281.

²¹ А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афросиаб в 1945 г. КС ИИМК, в. XVII, 1947, стр. 118.

²² М. Н. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. АН Уз. ССР, т. 2, Ташкент, 1945, стр. 41.

²³ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника в Средней Азии. «Архитектурн. наследство», № 3, 1957, стр. 7.

²⁴ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. МИА СССР, № 15, 1950, стр. 189, 196.

²⁵ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXV, 1955, стр. 144, 146; см. также Е. А. Давидович. Раскопки замка Калан-Боло (из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.), МИА СССР, № 66, 1958, стр. 76.

²⁶ С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии, КС ИИМК, в. XXVIII, 1949, стр. 23.

²⁷ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 36.

²⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 48, 52.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Изд. МГУ, М., 1948, стр. 90.

КРЕПОСТЬ ЯМЧУН

Крепость Ямчун является второй по величине на Западном Памире. Расположена на террасовидном утесе и состоит из цитадели, которая венчает гребень утеса, и двух линий стен.³⁰

Цитадель имеет форму треугольника вершиной на север, где расположена башня-бастион.

Цитадель со всех сторон обнесена высокой стеной, сложенной из рваного камня на глино-гесчаном растворе. Кладка стен бастиона вперевязку, высота стен до 5—6 м. Верхняя часть стены (1—1,5 м) сложена сырцовыми кирпичами. Центр цитадели представляет собой обширную площадь (0,5 га), состоящую из песка, гальки, камней и кое-где выходов коренных пород. Культурного слоя не имеет. Вдоль стен цитадели, помимо круглых башен, в половину своего периметра выступающих за линию стен, располагались прямоугольной формы помещения различных размеров. Помещения соединены между собой узкими (до 1 м) входами.

Очень интересное явление было обнаружено в стенах цитадели: метра на 3 в высоту идет широкая (1—1,5 м) стена, затем с внутренней стороны имеется уступ в виде ступеньки шириной 0,5 м. Выше толщина стены уменьшается до 1 м. Эта часть стены сохранилась на высоту от 0,75 м до 1,5 м.

Оборона была организована таким образом, что стрельба из крепости велась в два яруса: через бойницы (снизу, с пола, на высоту около 1,5—2 м) и с уступа.

По-видимому, еще выше уступа стена завершалась кладкой из сырцового кирпича в виде парапета. Кое-где сохранились расплывшиеся остатки кладки. Расчистке подвергались две комнаты, примыкающие к западной стене цитадели. Размеры комнат: длина 7—8, ширина—4—5 м. Стены сложены из камня. Сохранившаяся высота стен 1,5 м. Вход шириной 0,75 м располагался на востоке. Завал комнат состоял из камней и гальки, ниже фундамента шел чистый лесс, видимо, материковый. Очевидно, вся крепость построена непосредственно на материковом слое, а предшествующего более раннего культурного слоя не было. У восточной стены, недалеко от входа, скопление золы и угольков. Все это обложено огромными камнями—возможно, очаг.

В центре западного фаса цитадели располагается круглая в плане башня с входом внутрь крепости. Ширина входа 1 м. Высота сохранившихся стен доходит до 5 м. Диаметр башни 5 м. Толщина стены 1 м. Внизу, на высоте 0,5 м, располагались 3 бойницы, возможно, башня была двухъярусной: на высоте 2,5 м идет каменная кладка, а далее кладка из сырцового кирпича. Помимо раскопок на цитадели, были заложены шурфы и очищены помещения на первой и второй линиях обороны крепости.

Керамические находки прежних исследователей и наши немногочисленны. Характерные черты этой керамики позволяют ее сблизить с рядом других хорошо изученных комплексов. Так, например, А. Н. Бернштам, характеризуя керамику из курганов Памирской I и Харгушской группы, пишет, что тесто сосудов рыхлое, с примесью дресвы и слюды.³¹ Наша керамика, «лепная посуда в виде полусферических чаш, покрытых

³⁰ А. Д. Бабаев. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г. Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXXIV, в. VIII, Душанбе, 1962, стр. 56—57.

³¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА СССР, № 26, 1952, стр. 310.

желтым ангобом,³² находит себе аналогии в керамическом комплексе Давани, а также в керамике Согда и Кашка-Дарьи, которую А. И. Тереножкин именует «греко-бактрийской».³³

Строительную технику Ямчуна сопоставляем вслед за О. Олуфсеном с постройками «парфянского» и «раннесасанидского» времени.³⁴ Расположение крепости на утесе напоминает собой близкую по расположению крепость типа Хаир-Хане (Афганистан); тип кладки напоминает постройки Тахти-Рустам,³⁵ Таксилы,³⁶ Свата³⁷ (Пакистан); конструкция стен и башен, а также квадратные по форме бойницы близки к крепостной постройке Истахра,³⁸ древнего Хорезма,³⁹ крепостных сооружений Южного Туркменистана.⁴⁰ Многие характерные черты в строительной системе древнего Хорезма близки к памирским.⁴¹

На крепости Ямчун, помимо каменной кладки, имеется кладка из сырцового кирпича различных форматов, относящихся к разным периодам. Так, например, кирпич размером 39×39×10 см характерен для крепостных сооружений античного времени Южного Туркменистана, в частности для крепости Старой Нисы, где «Кирпич квадратной формы, размеры его сторон колеблются от 39 до 42 см при толщине 10—14 см»,⁴² Эрк-кала,⁴³ а также древней Бактрии и Согда.

Продолговатый кирпич размером 45×25×13 см характерен для оседлых поселений и городов Южного Казахстана V—VII вв.⁴⁴ Вообще этот кирпич характерен, как указывалось выше, для V—VII вв.⁴⁵ Кирпичи данного размера изготовляли в VI—VIII в. на Ак-Тепе,⁴⁶ на цитадели Пенджикента,⁴⁷ Аджина-Тепе и др.

Размеры кирпича с крепости Ямчун находят также широкие аналогии в постройках нижней Сыр-Дарьи, в частности на городище Кую-Кескен-Кала⁴⁸ и в Бухарском оазисе.⁴⁹ Наличие различных форматов кирпича наталкивает на мысль о том, что данная крепость функционировала долгое время.

³² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, 1962, стр. 281.

³³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КС ИИМК, в. XXXII, 1950.

³⁴ O. Olufsen. *Through the Unknown Pamir*. London, 1904, pp. 89—93.

³⁵ E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London, 1940, pl. XCII.

³⁶ J. Marshall. *Taxila, v. II*, Cambridge, 1951, pp. 365—366; Он же. *A Guide to Taxila*. Cambridge, 1960, p. 93.

³⁷ A. Stein. *Innermost Asia*. Oxford, v. II, p. 864. См. также E. Barger and P. Wright, *Excavations in Swat and explorations in the Oxus territories of Afghanistan (Detailed report of the 1938 Expedition)*. Dehli, 1941 (*Memoires of the archaeological survey of India*), N 64, p. 32.

³⁸ E. Herzfeld. *Op. cit.*, pl. XCV.

³⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. МГУ, 1948, стр. 125, 126, рис. 70, 71, 72. Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации...; см. также А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. СА, VI, 1940, стр. 177.

⁴⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ЮТАКЭ, т. VI, 1958, стр. 49.

⁴¹ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника..., стр. 5.

⁴² Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 33.

⁴³ Там же..., стр. 39.

⁴⁴ Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Каз. ССР, т. V, Алма-Ата, 1958, стр. 21—22.

⁴⁵ Л. Н. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 20.

⁴⁶ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Тр. Ин-та ист. и археол. АН Уз. ССР, т. I, Ташкент, 1940, стр. 144, 146.

⁴⁷ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 189—196.

⁴⁸ С. П. Толстов. Города огузов. СЭ, № 3, 1947, стр. 62.

⁴⁹ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 91.

Н. Н. НЕГМАТОВ

О РАБОТАХ СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКОГО ОТРЯДА В 1961 г.

В 1961 г. Ходжентско-Усрушанский отряд ТАЭ, проводивший свои исследования на территории древнего Ходжента и Усрушаны (в 1955—1958 и 1960 гг.), был укрупнен и преобразован в Северо-Таджикистанский отряд. В связи с этим расширилась зона работ отряда, включающая все районы Северного Таджикистана, проблематика исследований и хронологический охват памятников.

Отряд в этом году вел полевые работы в составе трех групп: Аштской, Шахристанской и разведочной.¹ Кроме того, ему была придана археологическая группа Ленинабадского историко-краеведческого музея.²

Аштская группа продолжала ранее начатые раскопки крупного холма Тудай-Калон (Кзыл-Тепа),³ проводила фиксацию некоторых ранее неизвестных памятников, а также раскопала 10 курумов на могильнике, расположенном на гребнях предгорных адыров к северо-востоку от селения Ашт.⁴

Шахристанская группа была занята главным образом продолжением начатых в предыдущем полевом сезоне раскопок комплекса каменных сооружений Чиль-Духтарон, а также изучением остатков городских стен в селении Шахристан и закладкой там шурфа. В этом же году нами начаты раскопки уже известного в литературе холма Чиль-Худжра, расположенного в 4 км к юго-западу от Шахристана.

Разведочная группа обследовала территорию города Канибадама и его ближайших предместий. Здесь зафиксирован ряд поздних архитектурных памятников (медресе, мечетей и пр.). Некоторые из них намечены для историко-архитектурного изучения в следующих полевых сезонах. Обследован также район селения Навганда, где открыта поздняя крепость Навганда. Музейная группа закончила раскопки второго жилого горизонта и заложила большой шурф в нижележащую культурную толщу холма Урта-Курган близ Шахристана.

Мы остановимся лишь на описании раскопок на объекте Чиль-Духтарон. Здесь в 1960 г. было открыто 5 помещений и обнаружены дверные проемы помещений № 6 и 7, связывающие их с центральным залом № 3.⁵

¹ Отряд работал в мае—июле в следующем составе: Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. И. Зеймаль, А. Исakov, С. Г. Хмельницкий, С. Марafиев, А. Е. Павлова, Ю. Якубов, Ю. Ульянин, С. Мухтаров, О. Мусаев, А. Саттаров, Р. Юлдашев, А. Якобсон, М. Г. Губайдулина, А. Г. Данчин, шофер Ю. Г. Пурахни и большая группа рабочих-землекопов.

² Группа работала в составе У. Пулатова и К. Шахобиддинова.

³ Отчет о раскопках холма Тудай-Калон см. в статье Е. Д. Салтовской в данном сборнике.

⁴ Упоминание об этом могильнике см. Б. А. Литвинский. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., Археол. раб. в Таджикистане в 1957 г., в. V, Тр. АН Тадж. ССР, т. СIII, 1959, стр. 110. Курумы были раскопаны по просьбе и для Б. А. Литвинского.

⁵ См. Н. Негматов и Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г., Археол. раб. в Таджикистане, 1960 г., Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. XXXIV, 1962, стр. 83—85, рис. 9 и 10.

В 1961 г. раскопки велись одновременно в двух частях сооружения I, в юго-восточном и северо-западном концах. Всего вскрыто в этом году 10 помещений, северо-западный проходной коридор и частично северо-восточный дворик (рис. 1).

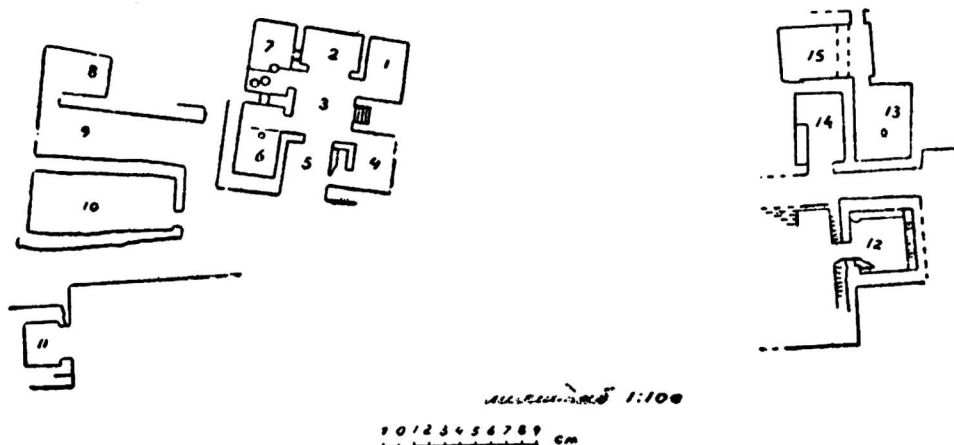


Рис. 1. Чиль-Духтарон. Сооружение I, план раскопа (1960—1961 г.).

Раскопки были начаты с помещения № 6. Оно расположено к юго-востоку от центрального зала № 3. Дневная поверхность помещения была сильно задернована, содержала много камней. После очистки верхнего слоя в завале стали попадаться керамические обломки. Завал здесь состоял из щебня и лесса. Начиная с глубины 70 см от дневной поверхности южного угла стали попадаться обломки жженных кирпичей (размеры $19 \times ? \times 3$, $20 \times ? \times 3$, $20,5 \times ? \times 3,5$ см), найден фрагмент крышки от хума, сделанной из светлой глины с примесью дресвы. В этом же втором ярусе найдены фрагменты донца поливного сосуда с белым фоном и широкой зеленой полосой, 2 обломка донца стеклянного сосуда.

Начиная с конца второго яруса завал помещения резко изменился, камни исчезли, участились находки обломков жженных кирпичей ($19 \times ? \times 3$, $19 \times ? \times 3,5$, $19,5 \times ? \times 3$, $20 \times ? \times 3,5$, $21 \times ? \times 3$, $21 \times ? \times 3,5$ см) и их целые образцы ($19 \times 19 \times 3$, $20 \times 20 \times 3$ см). Видимо, все кирпичи были квадратными. В начале третьего яруса найден обломок поливной чаши (на кроваво-красном фоне имеются жирные черные полосы с белым пунктиром, черные точки вокруг белой округлой полосы). В конце того же яруса в южной части помещения найден фрагмент венчика кухонного котла, сделанный из темно-серой глины, фрагмент железного гвоздя, а также обломки поливной керамики (на белой поливе проведена широкая горизонтальная красная полоса с процарапанными белыми и темными полосками, на светло-салатном фоне проведены полосы табачного цвета с красными каплями).

В начале четвертого яруса в южной же части помещения обнаружена бронзовая монета плохой сохранности; у северо-западной стены, около дверного проема, найдена косточка абрикоса.

Помещение № 6 в плане продолговатое, в северо-западной стене имеет проем, как уже указывалось выше, выходящий в центральный зал № 3. В юго-западной стене помещения сделан оконный проем, который

выходит в помещение № 7. Стены помещения аккуратно сложены из рваного камня, они сохранились до 180 см высоты. Поверхность стен заштукатурена несколькими слоями, которые сохранились во многих местах. Общая толщина штукатурки достигает 6,5 см. Обмазан тем же зеленоватым глиняным раствором и пол помещения. Штукатурка стен плавно переходит в обмазку пола. Пол помещения выше пола центрального зала на 40—42 см.

На полу в центре помещения обнаружены фрагменты керамической орнаментированной жаровни, заполненные золой и древесным углем. На полу же у северо-восточной стены находился слой сгоревшей соломы, травы и древесного угля толщиной в 20—30 см. Под этим слоем были обнаружены фрагменты кухонного котла с овальными ручками.

Для выяснения характера фундамента и конструкции пола в юго-западной части помещения был заложен шурф размером 265×155 см. Непосредственно под обмазкой пола начинается настил из щебенки и более крупных камней, а несколько ниже, на глубине 65 см в среднем, — выходы сланцевой породы, лежащие наклонно. Вдоль юго-западной стены помещения под полом обнаружен выходящий (на 55 см) за поверхность стены ее фундамент, сложенный из того же рваного сланца.

В шурфе сделан ряд находок. На глубине 30—35 см были найдены фрагменты очажка с выпуклым орнаментом, фрагменты крышки и другой поливной керамики. На полуметровой глубине обнаружен кухонный котел лепной работы, изготовленный из темно-серой зернистой глины. В котле были лесс, древесный уголь и зола.

К юго-западу от описанного помещения расположено помещение № 7, также связанное с центральным залом № 3 входным проемом. Помещение это тоже продолговатое в плане, стены из того же камня, были также заштукатурены. Сохранившаяся высота стен 180 см.

В северо-западной стене внизу имеется лаз в комнату № 2 шириной 55 и высотой 67 см. Перекладина лаза состоит из деревянных брусков и крупных каменных плит. В юго-восточной стене, на высоте 78 см от пола, имеются две небольшие шишки, расположенные на одной высоте. В них осталась древесная труха и кусочки сгнившего дерева. У дверного проема имеется низкая площадка размером 107×153 см. Пол остальной части помещения приподнят на 27—30 см щебневой забивкой и последующей глиняной обмазкой и загорожен у входной площадки каменной стеной, заштукатуренной глиняно-саманным раствором. Длина этой перегородки 218, ширина 67, высота 16 см. При частичном разборе каменной перегородки в северной ее части в глиняном шве была найдена бронзовая цепочка с суровой ниткой на конце. В восточном секторе помещения под пол были вкопаны два хума, нижние части которых сохранились *in situ*. Первый из них (восточный) сохранился на высоту 68 см, диаметр тулова 57,5, диаметр дна 23 см; второй (северный) крупнее первого: диаметр дна внутри 29, диаметр тулова внутри 56 и высота 68 см. Во втором хуме были найдены обломки монет. Хумы были отгорожены от остальной части комнаты широкой каменной закладкой, отделяющей этот восточный сектор в виде закромка.

В завале помещения сделано значительное количество находок. Дневная поверхность помещения была сильно задернована и заброшена камнями. Ниже дернового слоя завал состоял из камней, щебня и лесса. На глубине 30—45 см стали встречаться фрагменты толстостенной керамики, битый жженный кирпич (19×?×3, 21×?×3,5 см). На глубине 65—80 см от дневной поверхности (южный угол) в западном секторе по-

мещения найден фрагмент бронзового браслета, украшенное кольцами фигурное стеклянное горлышко от сосуда, обломок дна стеклянного сосуда, фрагменты поливной керамики. В завале все меньше встречаются большие камни, он теперь в основном состоит из лесса, щебенки и обломков жженого кирпича. На глубине около 1 м зафиксирована горизонтально лежащая с юга на север древесная труха от балки длиной около 3 м и толщиной 30—40 см.

В пределах третьего яруса завала (100—150 см) найдены обломки стекла, венчики от горшка, фрагмент толстостенной керамики с гребенчатым волнистым орнаментом, фрагмент венчика хума с оттогнутой наружу закраиной. У северо-западной стены лежало несколько больших камней, в северном секторе помещения около дверного проема найдены фрагменты разбитого стеклянного кубка с фигурной ручкой, над полом у юго-восточной и юго-западной стен помещения было обнаружено сгнившее дерево. Попадаются фрагменты и поливных сосудов: дно от чаши, исполненное в желтых, зеленых и темно-коричневых тонах; фрагмент другого донышка со стилизованным геометрическим орнаментом: на белом фоне проведены темно-коричневые, красные и табачного цвета полосы. В южном секторе помещения, над полом, в трухе сгнившего дерева найдено железное навершие какого-то предмета, немного ниже — длинный железный гвоздь. Над полом около указанной каменной перегородки найдены два каменных точила, в северном и восточном секторах обуглившееся дерево и фрагменты хумов. В небольшом шурфике у северо-восточной стены помещения шел также культурный слой, в котором на глубине 15—20 см и ниже найдены фрагменты поливной керамики со стилизованным растительным орнаментом.

Помещение по всем признакам носит явно жилой характер. К юго-востоку от описанной выше первой «секции» (помещения № 1—7) расположена крайняя вторая «секция», состоящая из четырех разнохарактерных по своей планировке помещений. Сохранность их в целом хуже, чем предыдущих помещений. Стены сохранились на небольшую высоту, местами разрушились почти донизу. Вход в «секцию» также из северо-восточного двора.

В самом южном углу этой группы расположено небольшое помещение № 8, лучшее во всей «секции» по сохранности. Стены ныне достигают высоты 1 м. Кладка из тех же рваных камней на глиняном растворе произведена довольно аккуратно. В нижних частях север-западной и юго-западной стен местами сохранился один ряд облицовки их из жженных плит, положенных плашмя к поверхности стен.

По своим размерам кирпичи облицовки юго-западной стены (19,5×19,5×3,5, 20×20×3 см) несколько отличаются от кирпичей северо-западной стены (24×24×3—3,5 см). Кирпичом были облицованы, видимо, и другие стены помещения: при раскопках и у других стен в завале попадалось очень много обломков таких кирпичей. Были облицованы и щелевые стены проема помещения: один из облицовочных кирпичей (размера 24×24×4 см) сохранился *in situ* и здесь.

Место помещения до раскопок представляло собой сильно задернованную поверхность со слабо выраженными прямоугольной формы линиями каменных стен. Сразу же с первого штыка начался завал камня, щебня и лесса. Начиная с глубины 40—45 см от дневной поверхности стали попадаться фрагменты поливной керамики ярко-зеленых тонов и с различным орнаментом, обломки неполивных толстостенных сосудов, иногда с волнистым гребенчатым орнаментом, битые (21—22×?×3—

3,5 см) и целые (18×16×3 см) кирпичи. На глубине 60—70 см в восточной части помещения обнаружена поливная чаша с геометрическим орнаментом по голубому фону. Ниже продолжали попадаться обломки поливных сосудов с зелеными и коричневыми полосами, грубой неполивной керамики, кости животных. Около дверного проема помещения замечены кусочки сгнившего дерева.

Шурф, заложенный у северо-восточной стены, показал, что сразу же ниже обмазки пола выходы коренных пород скалы.

Проем в восточном углу помещения № 8 ведет в следующее помещение № 9. Оно длинное и прямоугольное в плане и вытянуто с юго-востока на северо-запад. Стены сохранились на высоту 1 м и ниже, из них хуже сохранилась северо-восточная. Пол помещения № 9 на одном уровне с полом предыдущей комнаты, за исключением северо-западной части помещения, где плохо сохранившиеся каменные ступеньки ведут вниз. Верх помещения был завален камнями и задержан. При расчистке завала у юго-восточной стены на глубине 30—35 см были найдены фрагменты орнаментированной чаши. В помещении обнаружено большое количество неполивной керамики, в том числе много обломков кухонных котлов, а также бронзовая трубочка хорошей сохранности и два обломка бронзового сосуда. Встречено много жженных кирпичей: квадратных (19×19×3 см), прямоугольных (30×14,5×3, 25×21×6 см) и в обломках (25,5×?×5,5, 21×?×3—3,5, 19,5×?×3,5 см).

В западном углу помещения № 9 зачищен проем очередного еще не раскопанного помещения этой «секции». Оно расположено между помещениями № 7, 8 и 9. Ширина проема 112 см, толщина юго-восточной щековой стены 1 м.

Широкий проем (180 см) в северном углу помещения № 9 выводит в северо-восточный двор.

К южной «секции» примыкает прямоугольное длинное помещение № 10, расположенное между помещением № 9 и северо-восточным двором. Оно вытянуто с юго-востока на северо-запад. Сохранность его плохая: более или менее четко прослежены юго-западная и юго-восточная стены, а остальные сохранились лишь небольшими отрезками. Из-за разрушенности этих стен обнаружить дверной проем помещения не удалось, но, видимо, он находился в северо-западной стене и выходил в коридор второй «секции» сооружения.

Завал помещения аналогичен предыдущим. Начиная с почти полуметровой глубины и до уровня пола встречено много обломков керамических сосудов, среди них неполивные со штампованным орнаментом, лепные кухонные котлы. Найден обломок керамической бусины, покрытой голубой поливой. Пол помещения № 10 на 20—25 см ниже пола других помещений этой «секции».

В северо-западной половине помещения под уровнем пола на глубине около 25—30 см обнаружены два впускных захоронения. Первое из них детское. Скелет лежит на спине по направлению с северо-запада на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища, голова резко повернута на юг.

Могильная яма (длина 122, ширина 36 и глубина 30 см) по краям выложена сырцовыми кирпичами (40×20×6 см) и каменными плитами. Второе, принадлежащее взрослому человеку захоронение расположено восточнее первого, рядом с ним. Обряд труположения такой же: скелет лежит на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и повер-

путой на юг головой. Могильная яма (длина 195, ширина 52, глубина 33 см) была перекрыта деревянными брусками (толщина 12—14 см), от которых сохранились полусгнившие куски. Находок в могильных ямах нет.

Захоронения, видимо, мусульманские и были сделаны во время функционирования здания. Не лишено вероятности и другое положение: что они были совершены еще до постройки здания. Во всяком случае оба варианта говорят за то, что захоронения раннемусульманские. Заметим также, что аналогичные раннемусульманские захоронения в могильных ямах (без лахата), обложенных по краям кирпичами и камнями и перекрытых деревом, уже встречены в ряде пунктов предгорной и горной части Усрушаны (в том же Шахристане, Зосуне и др.)⁶ и что мы теперь имеем еще одно местонахождение таких захоронений.

В юго-восточной оконечности двора, на самом краю террасы, раскопано интереснейшее по оформлению помещение № 11. Оно по своему характеру совершенно отличается от всех других помещений комплекса. Квадратное в плане, небольшое по размерам, оно широким проемом (208 см) связано с двором.

Стены сложены из того же плиточного сланца и сохранились довольно хорошо до высоты 120—150 см. Внутренняя поверхность стен эффектно оформлена в виде декоративной фигурной сырцовая кладки (рис. 2). Кладка поверхности северо-восточной стены состоит из чередующихся спаренных рядов нормально уложенных ложком (длинной стороной наружу) и более широких рядов плашмя поставленных кирпичей того же размера с вертикальными вставками между ними таких же кирпичей, выходящих на внутреннюю поверхность стены тычком. Изучение конструкций этой северо-восточной стены показало, что она сложена из того же рваного камня сланцевых пород на глиняном шве, а описанная сырцовая кладка внутренней поверхности стены представляет собой ее облицовку. Причем плашмя (на ложок) уложенные ряды кладки состоят из двух кирпичей (вглубь), а кирпичи, уложенные тычком, представляют собой половинки.

Такую же систему декоративной кладки имеет несколько хуже сохранившаяся юго-западная стена помещения. Однако, в отличие от первой, нормально уложенные ложки кирпича состоят не из двух, а из трех рядов. Нижняя кладка ложков обеих стен состоит из одного ряда кирпичей. Кроме того, эта юго-западная стена вся сложена из сырца и не имеет каменного кожуха.

Иную систему декоративной кладки представляет собой поверхность юго-восточной стены: кладка над полом состоит из семи рядов нормально уложенных ложков (короткой стороной внутрь помещения). Над ней идет один ряд кладки из кирпичей, запущенных на всю длину вертикально в стену и выходящих на ее внутреннюю поверхность тычком. Выше вновь идут ряды перевязанных ложков (короткой стороной внутрь помещения). Стена эта вся из сырца, также не имеет наружного каменного кожуха.

Щековые стены широкого проема помещения № 11 сложены обычной кладкой вперевязку ложком длинной и короткой сторонами. Стены в углах помещения не перевязаны между собой. Северо-восточная и юго-

⁶ См. А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Верхне-Зеравшанского отряда в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР, в. 11, 1954, стр. 33—34; Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. Археол. раб. в Таджикистане в 1956 г., Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. XXVII, 1961, стр. 138—139.



Рис. 2. Чиль-Духтарон. Помещение № 11, система облицовки стен.

западная зажаты между двумя другими. Поверхность северо-восточной и юго-западной стен постепенно наклоняются наружу, т. е. помещение расширяется кверху, что характерно для помещений со сводчатым перекрытием. Поверхность юго-восточной стены прямая, не имеет наклона.

Завал помещения, в отличие от предыдущих, состоял исключительно из сырца и лесса, принадлежащих упавшему своду. Примерно посреди проема помещения в завале были отмечены, видимо, остатки упавшего трюпа, которые тут же рассыпались.

В завале обнаружено значительное количество находок. В северо-восточной части на глубине 45 см от поверхности были найдены бронзовая поделка (пряжка?) в виде четырехлепестковой розетки, половинка бусины из стеклянной пасты, а на глубине около метра в северной части — железный наконечник стрелы, во время расчистки проема — керамическое пряслице, сделанное из дна сосуда, покрытого зеленой поливой. У юго-западной стены на полу *in situ* был обнаружен совершенно целый кухонный котел с сильно закопченной поверхностью и каменной крышкой (кусок рваного сланца). На дне его хорошо сохранились остатки кашеподобной пищи. В завале у северо-восточной стены обнаружено множество обломков ганчевого изделия в виде плит толщиной в 3,5 см.

Для выяснения характера северо-восточного двора комплекса была произведена зачистка прилегающего к помещению № 11 участка. В результате выяснено следующее. Двор этот состоит из двух «террас»: более широкой (около 8 м) нижней, куда выходит проем помещения № 11, и более узкой (в среднем 2,5 м) и высокой (1,8 м) верхней. Эти две «террасы» неровной линией тянутся на всю длину 60-метрового двора. По-видимому, в определенных местах двора, скорее всего у входов в отдельные секции, были ступеньки. От верхней «террасы», тянущейся вдоль всего фасада комплекса, идут проемы в отдельные секции, а ее концы через коридорообразные проходы ведут наружу, на юго-восточный и северо-западный выезды. Расчищены оба эти прохода. Юго-восточный проход худшей сохранности, шириной около 2 м, плохо сохранилась его северо-восточная щека.

При расчистке двора не удалось понять назначения одной детали. На высоте около 40 см от поверхности двора и около 1 м к северу от помещения № 11 вдоль его внешней стены обнаружен довольно беспорядочный настил из жженных кирпичей протяженностью около 5 м (с востока на запад). Кирпичи лежат в наклонном (на север) положении. Их размеры: квадратные — $19 \times 19 \times 3$ —3,5, 20 — $20,5 \times 20$ — $20,5 \times 3$ —4, $21 \times 21 \times 3,5$ —4 см и прямоугольные— $31 \times 19 \times 4$ см.

Противоположную северо-западную сторону двора завершает вскрытое помещение № 12. Поверхность помещения до раскопок была скрыта дерном, под ним завал состоял из камней, щебня и лесса, в нем обнаружен и ряд находок. Среди них фрагменты неполивной сероглиняной штампованной керамики, обломки белофоновой поливной посуды с орнаментом в виде линий салатного цвета и красных пунктиров, фрагменты поливной чашы, косметическая каменная палочка, обломок каменного пряслица, бронзовая бочонковидная поделка (почти на полу), кости животных. В южном углу помещения на глубине около 1 м зафиксировано большое скопление золы и древесного угля, которое уходит также в углубление, сделанное в стене. Здесь прилегающая часть поверхности стен сильно обожжена. В завале помещения найдены также кирпичи ($19 \times 19 \times 3$ — 3,5, $20 \times ? \times 3$, $21 \times ? \times 3$, $24 \times 24 \times 4,5$ см).

Помещение квадратной формы (328×378 см) и неплохой сохранности. Стены сложены из мелкого камня и были заштукатурены глиной, которая местами еще прослеживается. Помещение углами ориентировано по странам света. Вдоль стен зачищены остатки узких суф разной высоты (размеры: сырцовая юго-западная суфа — высота 28, ширина 46 см, каменная на глиняном растворе северо-западная — соответственно 44—52 и 46 см, такая же северо-восточная—44—48 и 40—51 см, юго-восточная — ширина 38 см). Пол комнаты довольно гладкий, обмазан глиной.

В середине юго-восточной стены сделан узкий (91 см) проем, имеющий с внешней стороны деревянный порог, от которого сохранились место бревна (ширина 25, высота 37, длина 104 см) и бесформенные нишки в обеих щеках проема. За бревном порог выложен камнем. Высота выкладки порога 17 см. Толщина юго-восточной стены помещения равна 90 см. Проем помещения выводит прямо во двор, часть которого (площадью 3,6×10 см) также нами открыта.

Двор и здесь состоит из нижней и верхней террас, сообщающихся между собой ступеньками. Во дворе вдоль стены помещения № 12 сторонам от указанного дверного проема имеются суфы (высота 35—44, ширина 47—65 см), выложенные из камня и обмазанные сверху глиной. Пол нижней террасы двора более или менее гладкий. Верхняя «терраса» двора выше нижней на 90 см, ширина ее 2 м. Подъем на нее осуществлялся двумя каменными ступеньками, сохранившимися в одном месте довольно отчетливо. К юго-западу от помещения № 12 раскрыт второй из уже отмечавшихся коридорообразных проходов, ведущий в верхнюю террасу двора комплекса с северного склона горы. Длина коридора-прохода 5,65 при ширине в юго-восточном конце 1,43, а в северо-западном — 1,73 м. Пол прохода под небольшим уклоном повышается к его юго-восточному концу до уровня верхней террасы двора. По другую, юго-западную, сторону этого прохода расположено помещение № 13, сохранившееся в целом довольно посредственно. Стены сложены из разноразмерного рваного камня на глиняном растворе без определенной системы в кладке. Они местами искривились под напором верхних частей и при разрушении в результате пожара. Верхняя часть юго-восточной стены на высоте 92 см от уровня пола помещения выступает на 14 см, причем этот выступ в северо-восточном конце стены постепенно сходит на нет. Выше него стена сложена из более крупного камня. На других стенах такого выступа нет.

Верхний, подерновый слой помещения был завален большими камнями и лессом. Начиная с 20—35 см глубины начали попадаться фрагменты хумов и других крупных сосудов, обломки жженных кирпичей (25×?×5, 20×?×3 см).

Во втором ярусе (0,5—1,0 м) и ниже состав завала резко изменился, перестали попадаться крупные камни. Дальше шли мелкий сланцевый щебень, лесс, зола, древесные угли и много обгоревшего дерева. Завал имел красновато-черный цвет. Помещение сильно пострадало и совершенно разрушилось от пожара. Видимо, после пожара оно было заброшено и изолировано от остальных помещений. Дверной проем в южном углу, ведущий в соседнее помещение № 15, был грубо заложен камнями и обломками сырцового кирпича и обмазан глиной. Щековые стенки сохранились довольно плохо. Некогда щеки проема были оформлены специальными стойками, от которых остались пазы в кладке. Диаметр пазов 12—15 см, ширина проема между ними 62—65 см.

Пожар и разрушение помещения были настолько неожиданными, что его обитатели не сумели унести свои домашние вещи. Поэтому помещение оказалось чрезвычайно интересным в смысле находок.

Еще во втором ярусе встречались обломки венчиков глиняных кухонных котлов, другой толстостенной неполивной керамики и фрагменты поливных сосудов. В следующем, третьем, ярусе (1,0—1,5) встречены венчики от котлов, горловина кувшина с горизонтально прочерченными линиями, 1 фрагмент покрытого красным ангобом и лощенного сосуда, обломок поливной чаши с темно-зеленым фоном и темными круговыми линиями. В южном углу помещения в юго-восточную стену был замурован хум.

В середине помещения № 13, ближе к северо-восточной стене (в 160 см от нее), сохранилась полуобгоревшая и частично сгнившая нижняя часть колонны квадратной в разрезе формы (стороны ее равны 31 см). Колонна была вкопана в пол на 26 см. Пол помещения сохранился в восточном секторе: он гладкий и обгорелый — весь в саже, в разрушенных частях пола выступают камни горной породы. В северном углу в пол были вкопаны (на полметра) два хума и один сероглиняный круглодонный котел, в западном углу — другой хум, средних размеров, а в середине помещения в пол вкопан другой круглодонный глиняный котел. Заполнение этого последнего сосуда состояло из золы и древесных угольков. Около северо-восточной стены на полу были найдены 2 бронзовых блюда. Один из них хорошей сохранности, богато орнаментирован медальоном по середине, арочками по краям и ребристой закраиной. Другое блюдо обнаружено в обломках, также орнаментировано прочерченными острым инструментом геометрическими линиями. Рядом со вторым блюдом, севернее, находился не менее ценный почти целый, но худшей сохранности бронзовый кувшин.

В западном секторе помещения, под западной стеной, на глубине до полуметра ниже уровня пола был сделан ряд других интересных находок, в том числе бронзовый сосуд баночной формы, целый, сильно коррозировавшийся железный топор, другой не совсем ясный железный предмет с отверстием на конце, совершенно новый чираг, еще не бывший в употреблении, и 2 темноватых камня, один из которых имеет овальную форму и поперечную выемку. К сожалению, недостаток места нам не позволяет подробнее остановиться на всех этих замечательных находках из помещения № 13. Кроме того, они еще требуют тщательного изучения.

Юго-восточнее расположено помещение № 14, связанное широким дверным проемом с верхней террасой двора. Оно продолговатое в плане, вытянуто с юго-запада на северо-восток. Кладка стен произведена из разноразмерного рваного камня на глиняном растворе, ряды кладки неровные, стены местами покосились и искривились. Стены сохранились в среднем на высоту 1,5 м. Под северо-западной стеной для ее укрепления был подложен брус из арчи, значительная часть которого сохранилась в полусгнившем состоянии. Конец бруса был запущен в юго-западную стену — здесь отчетливо сохранилась ниша от бруса. В северо-восточной стене прорублен дверной проем, выводящий в уже не раз упоминавшийся дворик. Вдоль юго-восточной стены сохранилось суфоподобное возвышение, сложенное из сырцового кирпича. Размеры суфы: длина 257, ширина 85, высота 62 см.

Завал помещения, как и в большинстве случаев, — камни, щебень и лесс. Находки начали встречаться уже в первом ярусе (0—0,5 м)

—обломки неполивных сосудов и жженных плит (19×?×2,5—3—3,5 см). Во втором ярусе (0,5—1 м) обнаружены разбитый сероглиняный хум, квадратные жженные плиты (22×22×3,5 см). На границе второго и третьего ярусов найдены керамические фрагменты с красным ангобом и лощением. В третьем ярусе (1—1,5 м) встречены обломки поливных сосудов, среди которых преобладают покрытые поливой красных тонов. В северном углу помещения находился частично вкопанный в пол фрагментированный крупный хум без верхней части (диаметр тулова в широкой части 55, диаметр дна 25 см). Около суфы в восточном углу помещения лежали обломки кухонного лепного котла и жженные кирпичи (21×21×3,5, 22×22×4 см).

Западнее находится последнее раскопанное в отчетном полевом сезоне помещение № 15. Его завал сверху состоял из многочисленных больших камней, ниже шел более мелкий камень, щебень и лесс темноватого оттенка. В нем часто встречались керамические обломки—фрагменты сфероконического сосуда, обломки неполивных крупных сосудов с волнистым гребенчатым орнаментом, ручка от крышки хума, такая же, как и в помещении № 13, фрагменты поливной посуды с белым фоном и темно-коричневыми и зелеными точками по нему, со сплошной зеленой поливой. В западной части на полу обнаружено несколько изделий из железа: рукоятка кинжала, обломок заостренного конца ножа, украшения от конской сбруи и др.

Сохранность стен (толщина в среднем 1 м) помещений худшая, чем в предыдущих случаях. Юго-восточная из них, видимо, была полностью разрушена еще в древности: ее точно проследить не удалось. Как уже отмечалось выше, это помещение было связано дверным проемом с помещением № 13, впоследствии заложенным наглухо. Эта закладка, может быть, была сделана для изолирования от разрушившегося еще во время жизни здания помещения № 15. В западном углу помещения расчищен дверной проем шириной 88 см, ведущий в следующее, еще не раскопанное, помещение.

Помещение внутри разделено на две части невысокой (54 см) и неширокой (72 см) каменной перегородкой, сложенной из таких же ровных сланцевых камней на глиняном растворе.

Таким образом, в полевом сезоне 1961 г. на сооружении I комплекса Чиль-Духтарон было вскрыто полностью 10 помещений, а всего за два полевых сезона раскопано 15, т. е. примерно половина всего сооружения I. Раскопки 1961 г. здесь были наиболее результативными: наряду с довольно простыми по своей конструкции каменными помещениями, в этом году нами было вскрыто одно помещение (№ 11) с очень интересной уникальной для своего времени декоративной кладкой стен. Сделано много превосходных металлических и керамических находок: бронзовые блюда, кувшины, другие бронзовые сосуды, железные предметы, целые хумы, глиняные котлы, жаровня, много поливной посуды (чаши, блюда различной формы и орнаментации и пр.),—которые в предварительном порядке могут быть отнесены к X—XI вв. Среди керамики обнаружено несколько черепков античной посуды с красным ангобом и лощением.

Пока, до завершения раскопок, было бы преждевременно говорить о роли и значении Чиль-Духтарон среди памятников Средней Азии указанного периода, равно как и подробно рассматривать все раскопочные данные и находки.

Е. Д. САЛТОВСКАЯ

РАСКОПКИ НА ТУДАИ-КАЛОН В 1961 г.

Основным объектом работы Аштской группы Северо-Таджикистанского отряда ТАЭ являлся холм Тудан-Калон (Кизил-Тепа), где были продолжены раскопки предыдущих лет.¹

За два прошлых полевых сезона (1959—1960 гг.)² на поселении было вскрыто 5 помещений и предположительно выявлено несколько строительных периодов, близких, судя по керамическим находкам, друг другу по времени (рис. 1).

Раскоп решено было продолжить с зачистки сводчатого проема в западной стене так называемого «айвана», небрежно заложеного снаружи сырцовыми кирпичами, а сверху обмазанного глиняной штукатуркой.

При расчистке закладки проема оказалось, что он ведет в новое помещение № 6. Вход в помещение из проема был оформлен невысоким, пристроенным к северной стене проема барьерчиком с округлыми перилами (размеры: длина 180, высота 165 см, ширина 28—30 см). Барьерчик был сложен из одного ряда сырцовых кирпичей размером 44—46×28—30×9—10 см, уложенных короткими сторонами, и гладко обмазан гонким слоем серой глиняной штукатурки.

У основания барьерчика расчищен кусок камышовой циновки, видимо, лежавшей на полу. Помещение оказалось прямоугольным в плане, угловым, замкнутым. Южная стена комнаты, являющаяся как бы продолжением южной стены проема, выложена очень небрежно из обломков и целых кирпичей, без перевязки, с чередованием коротких сторон с длинными. Размеры кирпичей 41—42—43×30×9—10, 47—48×26—27×? см. Поверх кирпичей нанесено несколько слоев глино-саманной штукатурки толщиной от 5,5 до 10 см, а облицовка сделана тонким слоем серой глины.

Восточная и северная стены комнаты лучшей сохранности, сложены из целых кирпичей, сверху покрытых гладкой серой штукатуркой. Между северной и западной стенами, как и в помещении № 2, угол тоже разошелся, образовав заполненную рыхлой землей широкую щель, вначале принятую нами за световой люк. Видимо, перекрытие, как и во всем здании, было плоским, так как не замечено нигде признаков перехода к своду. Четкого пола в этом новом помещении № 6 не оказалось. Из-за плохой сохранности пола почти невозможно понять, находился ли он на одном уровне с полом проема, или там были ступени.

¹ Группа работала в мае—июне в составе Н. Негматова, Е. Д. Салтовской, А. Исакова и др.

² Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Ашта. Археол. раб. в Таджикистане в 1959 г., Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXXI, 1961, стр. 163—166; Она же, О раскопках на поселении Тудан-Калон в 1960 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1960 г. Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXXIV, 1962.

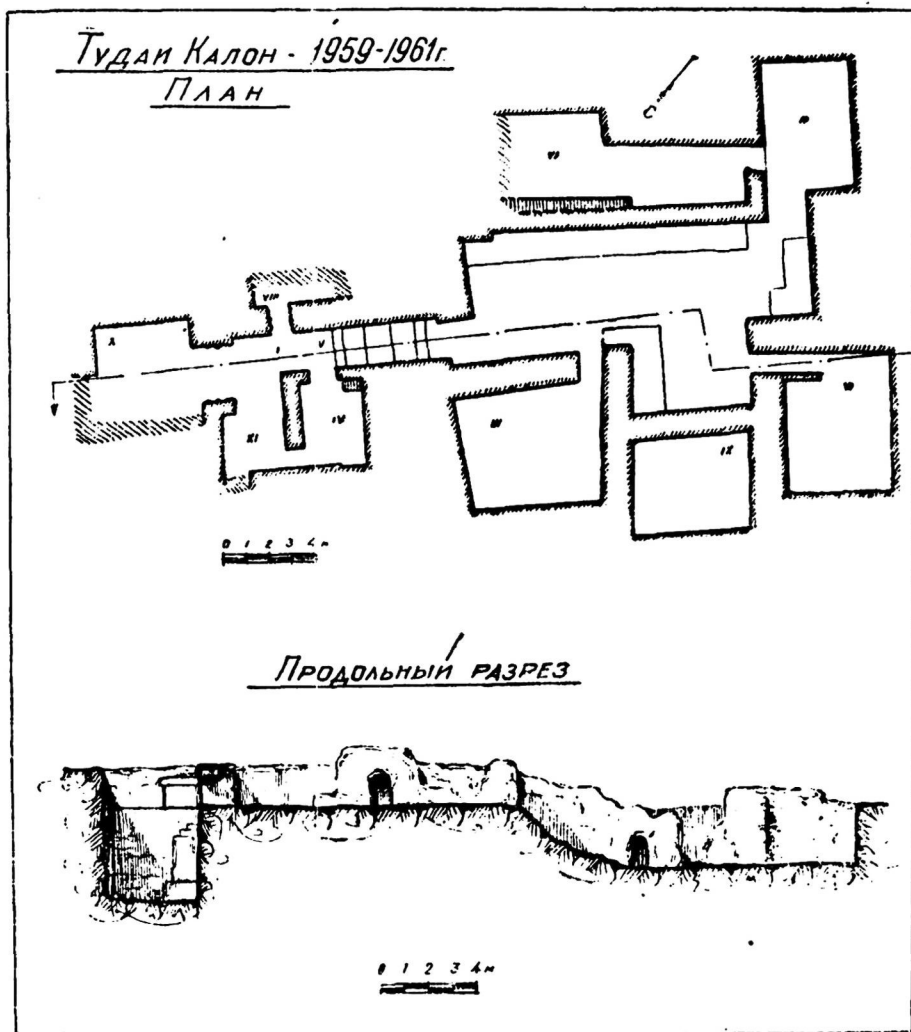


Рис. 1. Тудан-Калон. План (1959—1961 гг.).

Помещение было заполнено рыхлым завалом, в верхнем слое много сырцовых кирпичей, упавших со стен, зольные прослойки, кости, горелое дерево.

Находки: несколько ладьевидной формы каменных зернотерок, маленькая каменная палочка, фрагменты сосудов баночной формы с прочерченными по красному ангобу зигзагообразными линиями и треугольниками, заштрихованными внутри, верхние части сосудов типа горшков с прочерченным «даваньским» орнаментом (рис. 2).

Среди находок лепной посуды очень интересна ручка небольшого сероглиняного с кальциевой примесью в тесте кухонного сосуда, оттянутая наружу в виде округлого неширокого карнизика со сквозным горизонтальным отверстием, предназначавшимся, по-видимому, для подвешивания.

Чтобы проверить, действительно ли помещение № 6, как и угловое помещение № 2, раскопанное в прошлом году, построено на завале более ранней постройки, решили углубиться ниже уровня предполагаемого гола. Под ним начался довольно плотный завал из сырца, местами — закладка. В западной стене, в центре, расчищено скопление некрупных камней, галечник, тоже с целью закладки. Стены идут ниже, но начиная от уровня так называемого пола они отличаются от верхних клад-

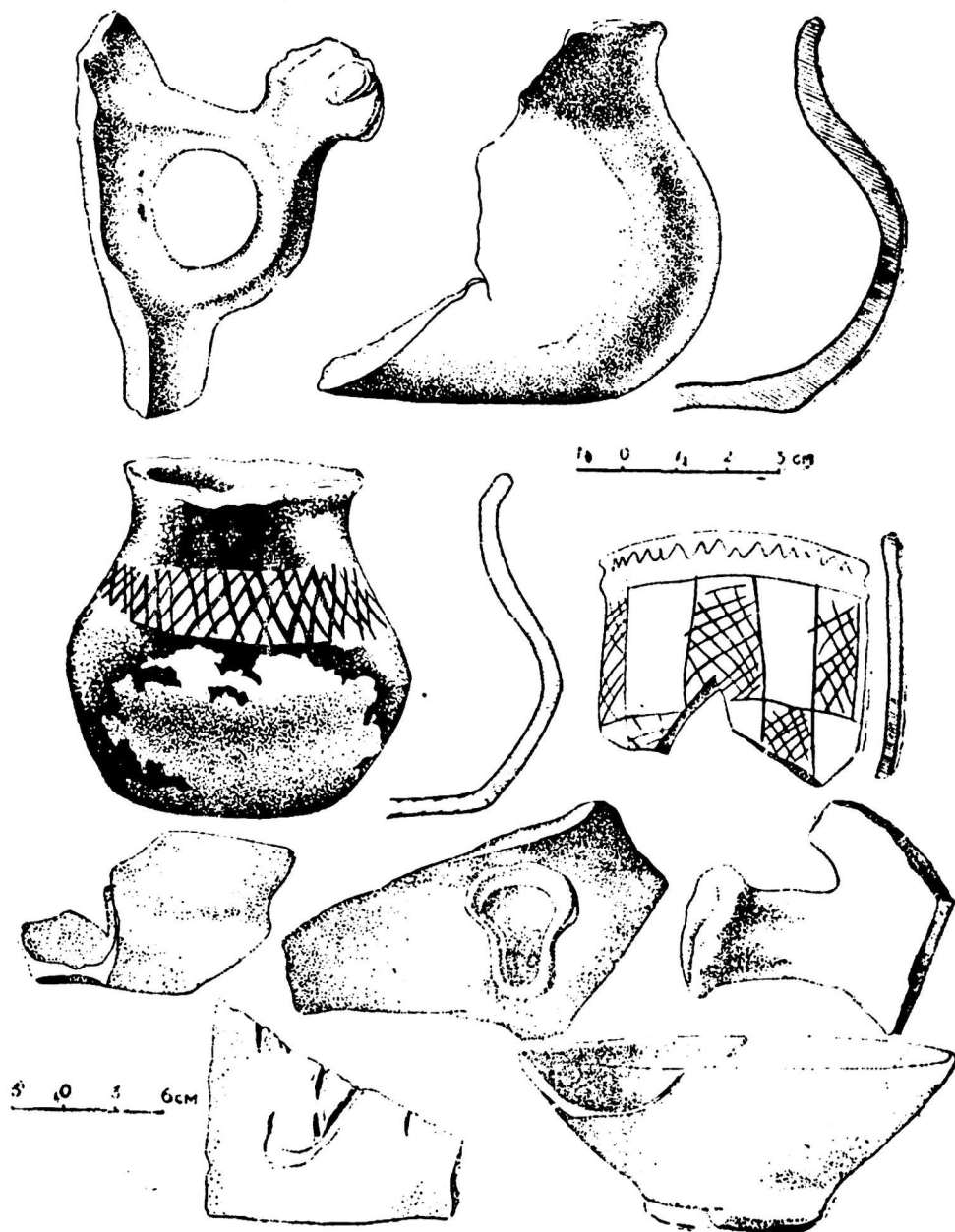


Рис. 2. Тудан-Калон. Керамика.

кой и отсутствием облицовки. По-видимому, действительно помещение № 6 построено на развалинах помещения № 6-а, относившегося к более раннему строительному периоду. Под основанием описанного выше барьерчика огромное скопление золы. При углублении у восточной стены появилась выкладка из сырцовых кирпичей, оказавшаяся в дальнейшем поверхностью контрфорса-тодпорки, поддерживающего восточную стену нижнего помещения.

Сложен контрфорс на всю высоту стены из сырцового кирпича с большой примесью галечника, ничем не облицован. В наружных (западной и северной) стенах помещения на высоте до полутора метров от уровня пола прямоугольной формы отверстия (высота 30, ширина 10 см). Видимо, они сквозные, назначение их непонятно, возможно, выполняли роль бойниц или световых люков.

Размеры нижнего помещения: по линии З—В—4,30 м, по линии С—Ю—5,05 м. Пол помещения неодинаковой сохранности, лучше сохранился вдоль стен, где сложен из двух-трех рядов сырцового кирпича.

При расчистке завала в помещении № 6-а обнаружено большое количество керамических изделий, существенно не отличающихся от найденных в верхнем помещении № 6.

В северо-восточном углу помещения № 6-а на уровне пола было расчищено заброшенное некрупными камнями погребение ребенка; ориентация могилы север—юг, костяк лежал на спине, черепа не было. По-видимому, погребение было совершено во время запустения здания.

Сопровождающий погребальный инвентарь: белая бусина из раковинистого мелового происхождения вещества в форме колесика с орнаментом, состоящим из глубоких точек на одной из плоских поверхностей; маленький лепной закопченный сосудик с остатками ручки и непонятным прочерченным на поверхности орнаментом, 2 миниатюрных темно-ангобированных горшка, один из них со срезанной ножом нижней частью тулова. Материалы погребения очень тесно перекликаются с находками расположенного недалеко от поселения Тудай-Калон Аштского кочевнического могильника первых веков нашей эры.

При расчистке ямы углубились ниже уровня пола и обнаружили северную, восточную и южную стены неширокого помещения, идущего в направлении запад—восток, с плоским перекрытием из круглых деревянных балок, от которых в стенах сохранились гнезда с остатками деревянной трухи. Поверх балок было положено 3—4 ряда кирпича. Размеры 44—45×27—28×8—9 см; 39—40×27—28×8—9 см. Кладка стен вперевязку, кирпичи не оштукатурены. Как соотносятся остатки этой постройки с помещением № 6-а, выяснится в ходе работ. Возможно, это помещение самого нижнего, первого, строительного периода, пол которого находится намного ниже уровня современного горизонта.

В 1960 г. в юго-западном углу комплекса раскапывалось помещение № 2. Небольшим шурфиком, заложенным в юго-восточном углу его на уровне пола помещения № 1, было выяснено, что погибшее от пожара помещение № 2 было построено на развалинах более раннего помещения № 2-а. Пол, как и в комнате № 6, не сохранился. Видимо, уровень его был одинаков с уровнем центрального зала № 1. Помещения № 1 и 2 соединялись между собой проемом, позже заложенным и превращенным в неглубокую нишу в помещении № 1. Находки из помещения № 2 были подробно описаны в прошлогоднем отчете. После того, как выяснилось, что под полом комнаты № 2 находятся остатки помещения № 2-а, решено было его расчистить. При расчистке завала комнаты оказалось,

что в ее внешних стенах (западной и южной) на разной высоте от пола, как и в помещении № 6-а, тоже имеются узкие прямоугольные отверстия высотой 30, шириной 10 см. Возможно, они являлись бойницами. Стены комнаты покрыты гладкой глиняной штукатуркой. Заполнено помещение рыхлым горелым слоем, золой, угольками, косточками персика, костями животных. Размеры помещения: по линии С—Ю—4,9, З—В—3,07 м.

В восточной стене комнаты располагался проем, заполненный рыхлым завалом и кусками сырца. Ширина его 1,5, высота приблизительно 2,5 м. Проем сильно разрушен, по-видимому, он был сводчатый. В южной стене комнаты на высоте 50 см от пола отверстие трапецевидной формы, видимо, сквозное, высота его 75, ширина 50 см. К восточной стене помещенная начиная с северо-восточного угла пристроен чуть наклонный контрфорс длиной в 2 м. Внизу он из сырцового кирпича, сверху из сырца с галечником, высота его 3,5 м, т. е. на высоту стены. В контрфорсе в северо-восточном углу расчищен узкий невысокий проем, заполненный рыхлой землей. Он ведет в новое помещение, которое, видимо, существовало одновременно с описанным помещением № 6-а. Пол очень плохой сохранности, удалось проследить его только вдоль стен.

Находки: фрагмент закраины корчаги с ручкой, верхние части крупных сосудов с шаровидным туловом, украшенным широкими темными полосами по светлому ангобу, несколько почти целых мисок с прочерченными на внешней поверхности дна крестами, много сосудов так называемого даваньского типа, верхняя часть светлоангобированного хума с прочерченными по валику венчика крестиками. Как уже отмечалось выше, пол помещения № 2-а неважной сохранности, особенно в северной части. При расчистке ниже уровня пола было обнаружено гнездо и фрагменты крупной деревянной балки, рядом фрагменты керамики, кости; на глубине 80 см от поверхности пола несколько слегка наклонно лежащих сырцовых кирпичей.

Видимо, описанное выше помещение № 2-а с контрфорсом построено на культурном слое, возможно, на развалинах самой ранней постройки, остатки которой прослежены в смежном помещении № 6-а на этой же глубине, в виде узкого коридора с балочным перекрытием.

Построенное на завале помещения самого раннего строительного периода, помещение № 2-а, в свою очередь, тоже разрушилось, и на его развалинах было возведено помещение № 2, симметричное ему угловое помещение № 6 с барьерчиком, центральный зал № 1, являющийся как бы связующим звеном всех помещений этого строительного периода, погибших, по всей видимости, от пожара.

Как уже отмечалось выше, восточная стена помещения № 2 была построена над проемом нижнего помещения № 2-а. Завал был, видимо, неплотным, в силу чего стена через какой-то промежуток времени немного осела, накренилась внутрь, и ее пришлось укрепить специально пристроенным контрфорсом, облицованным глиняной штукатуркой. Эта восточная стена комнаты № 2 являлась одновременно и западной стеной смежного с ней нового помещения № 7, не соединенного проемом. Его начали раскапывать сверху, отступив на предполагаемую толщину стен (от южной стены центрального зала № 1 и от восточной стены помещения № 2). Оно также было перекрыто остатками стен самой верхней постройки (III строительный период) из 5—6 рядов сырцового кирпича в направлении запад—восток. Размеры кирпича: 47—48×29—30×8,9; 46—47×26—27×8,9 см. Заполнено помещение рыхлым слоем. Расчищена

часть слегка наклонного к северу пола с глиняной обмазкой. На нем натечный слой сантиметров 8—10 толщиной. Керамические находки существенно не отличаются от встреченных в более нижних слоях: фрагменты грубой кухонной посуды, обломки сосудов с прореченным по ангобу орнаментом, фрагмент стенки хума с остатками глубоко прореченного знака—тамги, напоминающего букву «у», и др.

Ниже идет неширокая гумусная прослойка, а под ней оконтурились стены помещения № 7, тоже, по всей видимости, погибшего от пожара: внутри помещения очень рыхлый горелый слой, угольки, кости животных, ниже, над полом довольно плотный сырцовый завал. Пол прекрасной сохранности, выложен сырцовым кирпичом, поверх него несколько слоев тонкой глиняной обмазки. Уровень пола одинаков с уровнем пола центрального зала № 1. Сохранившаяся высота стен 2,5—2,7 м. Ширина помещения 2,4—2,5 м. Кладка стен вперевязку из сырцового кирпича размером 46×30×8—9 см. Поверх кирпичей нанесен слой штукатурки толщиной в 2—3 см из глины с саманом, мелких угольков, сверху тонкий слой желтовато-серой глины.

Перекрытие, вероятно, было плоским. Толщина северной стены помещения, являющейся одновременно и южной стеной помещения № 1, 85 см. К ней начиная, примерно, с середины и к востоку на всю высоту пристроен слегка наклонный контрфорс из одного ряда кирпича толщиной 42 см, очень небрежно сложенный, неоштукатуренный. Южная стена помещения, дойдя до длины 6,05 м, повернула на юг, образуя что-то вроде айвана глубиной в 1,4 м. Айван прекрасной сохранности, стены его покрыты сероглиняной штукатуркой. Помещение, видимо, очень длинное (более 7 м), восточная, поперечная, стена еще не найдена.

Находки: каменная косметическая палочка с отверстием на конце, сильно профилированное, покрытое коричневым ангобом пряслице, несколько фрагментов стенок кружек с ручками, несколько почти целых мисок, 2 фрагмента стенок сосуда, покрытые ярко-красным лощеным ангобом очень тонкого помола, который оплавился под влиянием высокой температуры. Черепок в изломе довольно грубый, с примесью мелкозернистого песка. Поверхность же черепка яркая, блестящая, напоминающая по своему внешнему виду знаменитые египетские лаки.

В 1960 г. в восточной части объекта были начаты раскопки очень длинного коридора № 5 с плоским балочным перекрытием. Следы трухи балок сохранились в отверстиях в верхней части стен. Над рядом балок положено несколько рядов сырцовых кирпичей. Выше кирпичей был отмечен уровень пола самой верхней постройки III строительного периода со стоящими на нем остатками деревянной колонны и несколькими целыми хумами.

При расчистке завала из сырцовых кирпичей в западной части коридора над полом был найден большой кусок шлака, оказавшийся в результате анализа отходом керамического производства, и 2 железных черешковых трехгранных наконечника стрел с прямыми жальцами (длина 8 см). Под завалом оказалась лестница из 5—6 не совсем четких округлых невысоких ступенек шириной от 0,8 до 1,2 м, сверху покрытых глиняной обмазкой. Первоначально эта лестница вела из коридора в зал № 1, позже вход был заложен кирпичом, оштукатурен, и коридор № 5 и зал № 1 оказались изолированными друг от друга.

Вначале на месте заложенного входа в восточной стене зала № 1 была устроена неглубокая нишка (глубиной 20—25 см), а затем и она была заложена вровень со стеной. При разборке этого заложенного поз-

же входа в обресе видно, что западная стена коридора № 5 основная: она толще, кладка аккуратнее, а восточная стена зала № 1 сложена небрежно и пристроена к ней. Когда функционировала лестница, стены коридора № 5 вдавались в проем, образуя небольшие уступы и сужая вход.

Несколько проемов вели из коридора № 5 в другие помещения.

Один проем, тоже в северной стене, заложенный сырцом, с контрфорсами-выступами с обеих сторон вел из коридора в помещение № 11 с хорошей сохранности оштукатуренными стенами, на северной стене над полом следы копти, в западной стене вырублен округлой формы очаг (на 30 см выше уровня пола).

С соседним смежным помещением № 4 оно соединялось невысоким проемом с плоским перекрытием, позже заложенным кирпичами. В северо-восточном углу помещения расширен еще один проем шириной 93 см. Заполнен рыхлым лессом. Размер кирпича в проеме 51—52×32—33×8—9 см. Возможно, проем является выходом во двор, так как дальше, с севера, обрыв холма.

Помещение заполнено плотным завалом и кирпичной закладкой. Находки: несколько кусочков керамического шлака, обломки кухонных котлов, рог козла со следами обработки.

Открытый в прошлом году проем в южной стене коридора ведет в носое помещение № 8. Размеры проема: ширина 96 см, высота 1,85 м, глубина 1,2 м. Стены проема оштукатурены, перекрытие плоское, на деревянные балки вперевязку положены кирпичи размером 43—44×28—29×9—10 см. Оба внутренних угла проема скруглены, видимо, стерлись.

Проем был заполнен рыхлым завалом, обломками кирпича. Входная часть помещения завалена крупными камнями, галькой. Помещение недокопано. Находки в проеме: куски керамического шлака, кости животных, круглое черноангобированное керамическое пряслище.

Восточная часть коридора была небрежно заложена кирпичами. При расчистке оказалось, что здесь тоже был проем: в южной стене коридора сохранились следы от деревянных балок плоского перекрытия, в основании стены отверстия, по-видимому, от деревянного порога. Проем соединял коридор с новым помещением № 10. Стены этого помещения неважной сохранности, неоштукатурены, кое-где обвалились. Размер кирпича: 47—48×29—30×8—9 см. Помещение заполнено сверху рыхлым слоем, внизу сырцовым завалом. Оно недокопано: найдены только западная, южная и восточная стены. Находки: штырь из необожженной глины, фрагменты стенок красно- и черноангобированной керамики, стенки кружки с расписным орнаментом.

Между помещениями № 6 и 3, раскопанными в прошлом сезоне, оставалась довольно значительная площадь, которая, по всей видимости, заключала в себе новое помещение; чтобы вскрыть его, сверху был заложен небольшой раскоп.

Новое помещение № 9 оказалось с самого верха заполненным рыхлыми зеленоватыми прослойками с костями и углем. Южная и западная стены комнаты хорошей сохранности, восточная, отделяющая комнату № 9 от соседней № 3, очень небрежно сложена в основном из обломков кирпича. Интересно, что в южной и западной стенах имеются отстоящие одно от другого примерно на одинаковом расстоянии (1—1,3 м) длинные, узкие, стреловидной формы, по-видимому, сквозные отверстия, сделанные с целью вентиляции и освещения. Пола на уровне пола соседнего помещения № 3 не оказалось, очевидно, он гораздо ниже.

На этом вскрытие комнаты было приостановлено до следующего года.

Очень много находок различных изделий. Среди них каменная гиря и фрагмент, представляющий собой нижнюю часть бокаловидного сосуда с вертикальными стенками, чуть скругляющимися к более утолщенному дну, из бледно-зеленого стекла хорошего качества, без видимых пузырьков в изломе. Внешняя поверхность украшена волнистыми рифлеными линиями. Среди керамических находок несколько пряслиц конических, биконических, округлых, много кухонной посуды, венчижи хумов, на одном из них следы стершегося углубленного штампа, верхние части корчаг—хумча с прикрепленными к венчику ручками, почти целые кружки с зооморфными ручками, верхняя часть красноангобированного сосуда с полочкой-выступом для крышки.

На этом раскопки поселения в отчетном сезоне были закончены.

В результате раскопочных работ предварительно намечено 3 основных строительных периода, которые, судя по керамическим находкам, укладываются в хронологические рамки трех-четырех столетий, т. е. период жизни на поселении охватывает время начиная примерно с III в. н. э.

I. К первому строительному периоду относятся угловые помещения № 2-а и б-а с отверстиями-бойницами во внешних стенах. Очевидно, здание этого периода существовало довольно долго, так как к стенам комнат в качестве подпорок были пристроены высокие контрфорсы.

Затем по какой-то причине здание приходит в упадок, забрасывается, об этом свидетельствует найденное на полу помещения человеческое захоронение с сопровождающим инвентарем, который находит самые близкие аналогии в материалах Аштского могильника.

II. Через какой-то, видимо, небольшой промежуток времени было сооружено верхнее здание, включающее центральный зал № 1, помещения № 2, б, 3. 7и ряд помещений в восточной части комплекса. Причем помещения № 2 и б были присоединены к этому второму строительному горизонту путем надстройки нижележащих помещений № 2-а и б-а.

III. Следы самого верхнего строительного комплекса, перекрывающего развалины помещений II строительного периода, были отмечены на небольшой глубине от дневной поверхности холма в помещениях № 1, 5, 7 и др.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

РАБОТЫ ПЕНДЖИКЕНТСКОГО ОТРЯДА В 1961 г.

В 1961 г. во время раскопок на городище древнего Пенджикента был проведен впервые опыт комплексного применения ряда механизмов — бульдозера, экскаватора, транспортера и самосвалов. Результаты оказались весьма удовлетворительными, и общий объем раскопок при сравнительно ограниченных средствах на рабочую силу был значительно больше, чем в предшествующие годы. В частности, в отчетном году благодаря применению механизмов было положено начало изучению городской уличной сети, задачи, давно поставленной всем ходом исследования городища. В ближайшие годы вопросы, связанные с топографией города, бесспорно должны стать ведущими при изучении его в целом. Опыт, проделанный в отчетном году, в этом отношении следует признать вполне успешным.

В 1961 г. сезон раскопочных работ продолжался в течение трех месяцев (июль—сентябрь). Раскопки производились на восьми объектах, расположенных на территории Шахристана: VI, VII, XII, XIII, XV, XVI, XVII и XVIII. Последние три объекта начаты изучением в отчетном сезоне. На остальных работы ведутся уже в течение ряда лет. Кроме того, как отмечено выше, начаты раскопки уличной сети города.

Ниже следует суммарное описание проделанной работы по отдельным объектам.¹

Объект VI (руководитель Б. А. Ставиский). На этом крупном объекте, изучаемом с 1951 г., работы производились в основном в северо-восточной его части, где постройки примыкают непосредственно к крепостной стене. Здесь завершены раскопки помещения № 63, начатого исследованием еще в предыдущем сезоне. В этом помещении было обнаружено весьма интересное канализационное сооружение типа современного ташнау. То обстоятельство, что на городище такое устройство открыто впервые, заставляет считать его связанным, как предполагает Б. Я. Ставиский, с каким-то специальным, возможно, производственным помещением, которое находилось в помещении второго этажа. Сохранившееся сооружение состояло из трех крупных хумов, двух кубуров и сосуда типа тагоры. Полностью раскопано помещение № 65, бывшее забутованным вертикально уложенными кирпичами (45×25×9 см). На одном из кирпичей обнаружена согдийская надпись, прочерченная пальцем. Забутовка помещения, надо полагать, была связана с работами по укреплению городской крепостной стены. Помещение это прямоугольное в плане, имеет в длину 7,8 м при ширине 2,7 м. В южном конце вос-

¹ Помимо руководителей раскопок на отдельных объектах, в работе Пенджикентского отряда в 1961 г. принимали участие: ст. научный сотрудник архитектор В. Л. Воронина, мл. научный сотрудник Е. Зеймаль, О. И. Дворкина, Л. Волкова, Л. Казаковцева, Б. Чистяков, В. Кузнецов, Ю. Ионов, И. Розенбаум, А. А. Иванов, Е. Кондратенко и группа реставраторов под руководством художника П. И. Кострова в составе М. П. Винокуровой, Ю. Начинкиной, И. Цыпиной, Л. Демидовой.

точной стены имелась ниша глубиной в 1,8 при ширине в 1,0 м. Стены сложены из пахсовых блоков. Вход находился в западной стене и вел во дворик, который был исследован в предшествующие годы. Среди находок этого помещения обращает на себя внимание крупный, тщательно обработанный жернов, возможно, от водяной мельницы (диаметр 96 см).

В сезоне 1961 г. раскопано также помещение № 66, находящееся в центре объекта, под ранее раскопанными помещениями второго этажа. Пол лежит на 4,7 м ниже уровня помещений верхнего этажа. Размеры помещения 4,8×2,5 м. Начиная с высоты 2 м стены оштукатурены ганчем. Два прохода — один в северной, а другой в южной стенах соединяли это помещение с помещениями нижнего этажа — № 4 и 6.

Находки на объекте VI, помимо фрагментированных керамических изделий, представлены монетами, отдельными железными поделками, бусиной и пр.

Объект XIII (руководитель И. Б. Бентович). На этом объекте, составляющем вместе с объектом VI один строительный массив, раскопки производились в северо-западной части. Одновременно вскрыт и участок улицы, идущей вдоль западного фасада. В отчетном сезоне раскопано 4 помещения (№ 26, 27, 28 и 29), из них наиболее интересно помещение № 27. Оно представляет собой почти квадратный зал размером 6,45×6,25 м с перекрытием, покоившимся на 4 колоннах. Следы от баз колонн прослежены на полу в виде квадратных мелких углублений (100—120 см). Кроме того, в завале соседнего помещения найдены крупные обломки алебастрового плитня. Вдоль всех стен идет суфа шириной около 1 м, при высоте в 40—45 см. Проход в этот зал, в отличие от других аналогичных четырех колошых зал этого объекта, пробит в восточной части южной стены (обычно дверные проемы в таких залах находятся в центре одной из стен). Завал помещения, состоящий из мягкого лесса и битого сырцового кирпича, содержал значительное количество костей мелких домашних животных, фрагментов крупных хумов, отдельных бронзовых изделий, монет с согдийскими и арабскими надписями. Из остальных помещений следует отметить два небольших смежных, почти одинаковых по своим размерам (помещение № 28 размером 3,85×2,20 м и помещение № 29 — 3,40×2,20 м). Они соединяются между собой проходом и, кроме того, имеют отдельные выходы на улицу, образуя, таким образом, самостоятельную небольшую секцию, не связанную с другими помещениями этой части объекта.

Объект XV (руководитель О. Г. Большаков). Общий объем раскопок в этом сезоне на объекте был сравнительно невелик. Здесь завершено исследование крупного сводчатого помещения № 2, начатое в 1960 г. На уровне первоначального пола шли суфы, обрамлявшее помещение вдоль северной, западной и южной стен.

Раскопано второе сводчатое помещение, смежное с помещением № 2 (10), размером 10,3×3,00 м, вытянутое с запада на восток. Как и помещение № 2, оно погибло от пожара. В завале было найдено большое количество кусков глиняного лепного орнамента, происходящего из домашнего святилища (помещение № 2-а), раскопанного в прошлом году. Севернее помещения № 7, также исследованного в 1960 г., раскопано помещение № 11 размером 4,4×1,95 м, оказавшееся сплошь забутованным кирпичом. Кладка стен состоит из чередующихся слоев пахсы и кирпича. Проход в западной стене также оказался заложённым кирпичом. Помещение это, как и помещение № 7, после забутовки слу-

жило основанием для помещений верхнего этажа, где жизнь продолжалась, судя по монетным находкам, еще в середине VIII в.

Объект XII. На нем в отчетном сезоне продолжались исследования здания нижнего горизонта (руководитель Б. И. Маршак), а также возобновлены раскопки здания верхнего горизонта (руководитель В. И. Распопова). На нижнем горизонте продолжались работы в помещениях № 19, 20, 26, 27 и 28. Заново начаты раскопки двух новых помещений — № 30 и 31. Все эти помещения принадлежат зданию V века. Как показало тщательное исследование остатков стен, многочисленных забутовок и наслоений, помещения этого здания уже в течение этого века подвергались существенным перестройкам. Удалось выяснить наиболее ранний его план, который существенно отличается от последующего. Это расчленение строительных остатков V века на более ранние и более поздние, представляющие значительный интерес для восстановления истории развития планировки отдельных строительных комплексов, имеет существенное значение для уточнения и общей истории города в целом. Как и в прошлые годы, найдено значительное количество керамических изделий, среди которых имеется ряд новых интересных образцов.

Раскопки здания верхнего горизонта производились в северной части объекта, где раскопано три помещения — № 14, 15 и 16, примыкающих к помещениям, раскопанным в 1954 г.

Помещение № 14 сводчатое, вытянутое с севера на юг, длиной ок. 3,50 при ширине 2,40 м. Стены оштукатурены двуслойной саманной обмазкой снизу и тонким слоем тщательно заглаженной бессаманной обмазки сверху. На отдельных участках сохранились следы ганчевой подгрунтовки и красной краски. Помещение имело три дверных проема — два в южной стене и один в западной. Последний вел на улицу или во двор. В дверных проемах сохранились гнезда от деревянных стояков дверной рамы, а в одном из них также углубления от устройства деревянного замка. В западной стене, вблизи от дверного проема, врезан очаг без дымохода в виде нишки шириной 60 при высоте 40 и глубине 45 см. Для устройства очага характерно наличие по краям дна двух специальных приступков для котлов. В завале помещения найдены остатки керамических и стеклянных изделий, а также монеты.

Помещение № 15 представляет собой пандус, пол которого ниже пола двора и помещения № 14 на 1,30 м, что, как полагает В. И. Распопова, свидетельствует о его более раннем возведении, чем помещения № 14. Вход в пандус с севера. Пандусная клетка сохранилась на высоту ок. 3,30 м. Направление винтообразно идущих маршей — против часовой стрелки. При повороте нижнего марша имеется четко оформленный перспективный трехарочный троп.

К востоку от помещения № 14 расположено сводчатое помещение № 16. Оба помещения соединены между собой проходом и имеют общую северную стену. Но уровень пола в помещении № 16 несколько ниже пола помещения № 14.

В пазухе свода над восточной стеной помещения № 16 были вкопаны два рядом стоящих хума, сохранившихся почти целиком. Их горловины на 10 см возвышались над полом помещения второго этажа, которое располагалось над помещениями № 14 и 16.

Все указанные помещения, включая пандус и помещение верхнего этажа, составляли, очевидно, особый комплекс или секцию, входившую в состав всего здания верхнего горизонта.

Объект VII (руководитель А. Исаков). Раскопками, проведенными в 1960 г., на данном объекте была выявлена внутренняя планировка строительного комплекса, который рассматривается как здание типа особняка или дворца. Всего было вскрыто 11 помещений, причем помещение № 11, расположенное в северной части объекта, полностью не было раскопано ввиду того, что в нем оказалось большое количество обуглившегося резного дерева, что задержало исследование как самого помещения, так и всей этой части объекта. Обработка резного дерева в помещении № 11 не закончена в отчетном сезоне. Основные работы в 1961 г. были направлены на установление наружного контура здания— с восточной, южной и западной его сторон (рис. 1).

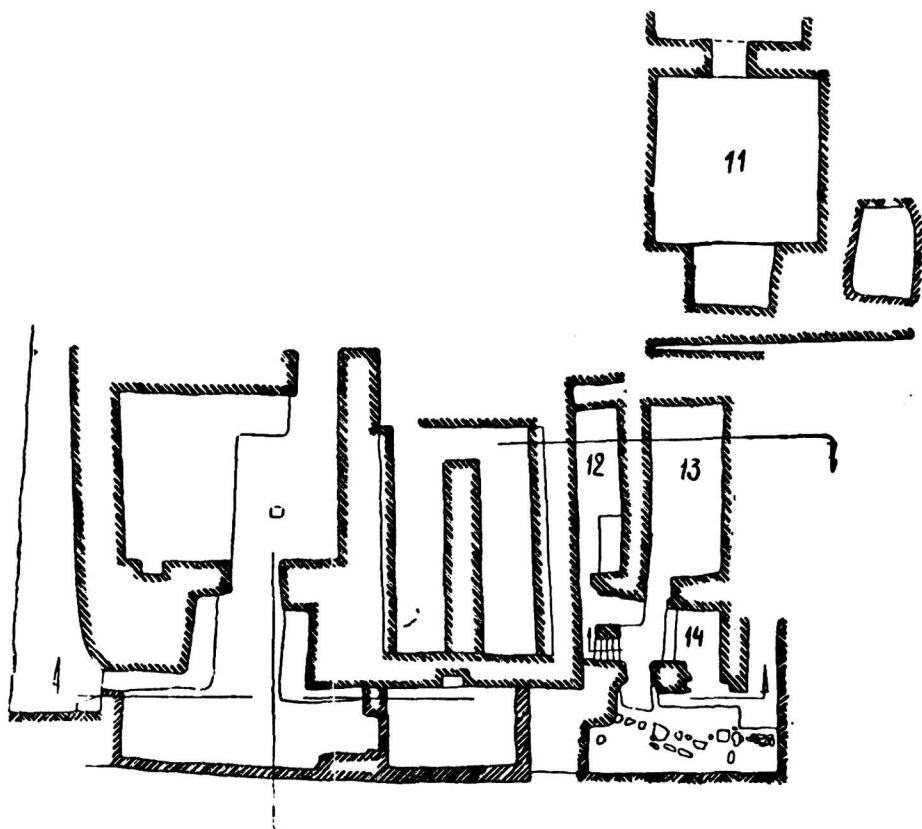


Рис. 1. Объект VII. План раскопа 1961 г.

В результате проведенных работ в 1961 г. выяснено следующее. Главная фасадная сторона здания обращена на восток. В восточной стене находится дверной проем (1,80 м), боковые стены которого сильно утолщены (до 4,0 м) и образуют мощные пилоны. Вдоль стен пилонов тянутся суфы. К сожалению, верхняя часть оформления входа не сохранилась. Однако, учитывая размеры пилонов, можно с уверенностью говорить о наличии помещения типа болоханы над перекрытием входа. Дверной проем вел на улицу, отделяющую объект VII от объекта VI. К северу от прохода вскрыты невысокие стенки (до 0,80 м), ограждающие пло-

щадку перед стеной размером 4,80×2,75 м. Эта ограда, очевидно, имеет определенную связь с высокой, хорошо оформленной нишей, находящейся снаружи в стене здания, в которой, как можно полагать, некогда находилась скульптура.

Интересной деталью предвходного устройства является бортик высотой 0,20 см, отделяющий площадку перед входом от улицы. Стены севернее ниши, а также к югу от прохода глухие. Также глухой на всем своем протяжении оказался наружный фас южной стены, обращенной на улицу, тянувшейся с востока на запад. Наружный фас этой стены, очень сильно разрушенный, в западном конце делает небольшой выступ к югу, в той части, где находится южная лестничная клетка здания.

Что касается западного наружного фаса, то он оказался лучшей сохранности. Небольшой айван, находящийся в северной части этой стены, был раскопан в 1960 г. Вся остальная поверхность стены глухая.

Помимо работ по оконтуриванию наружных фасадов здания, в северо-восточной части объекта, восточнее помещения № 11, были вскрыты 3 помещения (№ 12, 13, 14), принадлежавшие, очевидно, зданию более раннего периода жизни городища. Полы этих помещений находятся ниже уровня полов основных помещений объекта VII на 2,0 м. Все эти помещения сводчатые, по своей планировке и взаимному расположению несколько отличаются от планировки зданий верхнего горизонта. На этой же глубине прослеживается и первоначальный уровень проходящей здесь улицы, на которую вели дверные проходы из этих помещений. Сильно разрушенная ступенчатая лестница вела из помещения № 14 на крышу здания или в помещение некогда существовавшего второго этажа. Не исключена, однако, возможность и того, что помещениями нижнего горизонта пользовались и жители здания верхнего горизонта, для которых они служили подвалами. Среди находок обращают на себя внимание кости животных, в том числе и черепа собак, коровы, обычно очень редко встречающиеся на городище. Впервые здесь найдены фрагменты полихромных стеклянных сосудов, которые следует датировать более ранним временем, чем массовые находки верхнего горизонта.

Объект XVI (руководитель Ю. Якубов) расположен к западу от объекта VII, от которого он отделен узким переулком. Северный участок последнего был раскопан в 1960 г., причем одновременно была вскрыта наружная поверхность части стены восточного фасада здания объекта XVI, в том числе и дверной проем в ней, ведущий внутрь здания. Раскопками отчетного сезона установлено, что ряд помещений объекта XVI пострадал от пожара, после которого были произведены ремонтные работы, затронувшие, однако, не все сгоревшие помещения. Здание это, как и соседнее (объект VII), было двухэтажным.

Всего на этом объекте раскопано 13 помещений (некоторые не полностью) нижнего этажа и 4 помещения верхнего этажа (рис.2).

Необходимо особо отметить редкую для городища археологически очень хорошую сохранность стен отдельных помещений второго этажа, позволяющую установить их планы и внутреннее устройство.

На основании проведенных в 1961 г. раскопок дать развернутую характеристику плана всего здания не представляется возможным, однако уже сейчас очевидно, что оно было, как и здание объекта VII, монументальной постройкой типа особняка или дворца.

История последнего периода этого здания весьма наглядно прослеживается по помещениям, погибшим от пожара. В этом отношении осо-

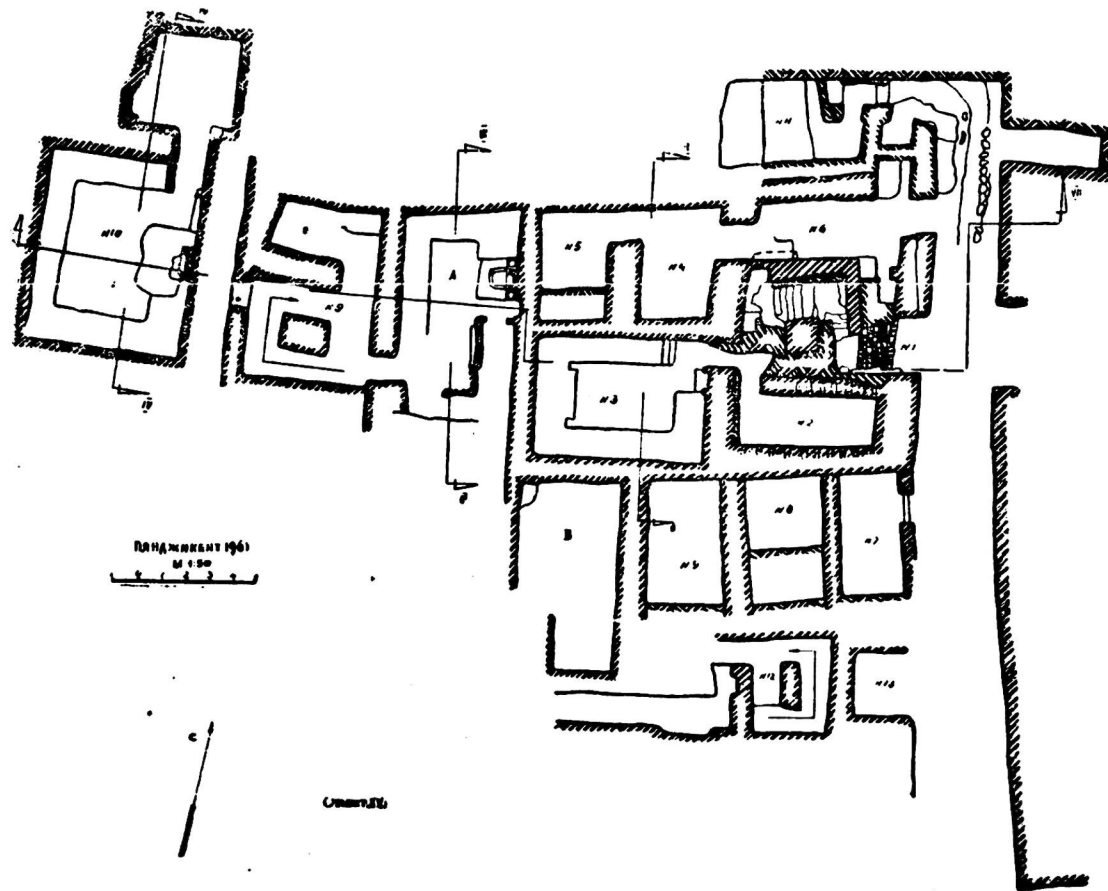


Рис. 2. Объект XVI. План и разрезы.

бенно характерны помещения № 1 и 2, вместе с лестницей расположенные сразу за входным проемом (рис. 3).

Помещение № 1—перекрытый сводом вестибюль с тремя проходами, ведущими соответственно на улицу, в помещение № 2 и на лестницу. Помещение № 2—коленчатая сводчатая комната, огибающая с запада и юга вестибюль. Лестница расположена к северу от вестибюля. Она имеет два неодинаковых по длине марша, из которых короткий начинался внутри вестибюля, а длинный шел вдоль его северной стены. Лестница была перекрыта, очевидно, наклонным сводом, нижняя арка которого перекрещивалась с арками сводов дверного проема и вестибюля, образуя технически весьма сложный переплет кривых конструкций.

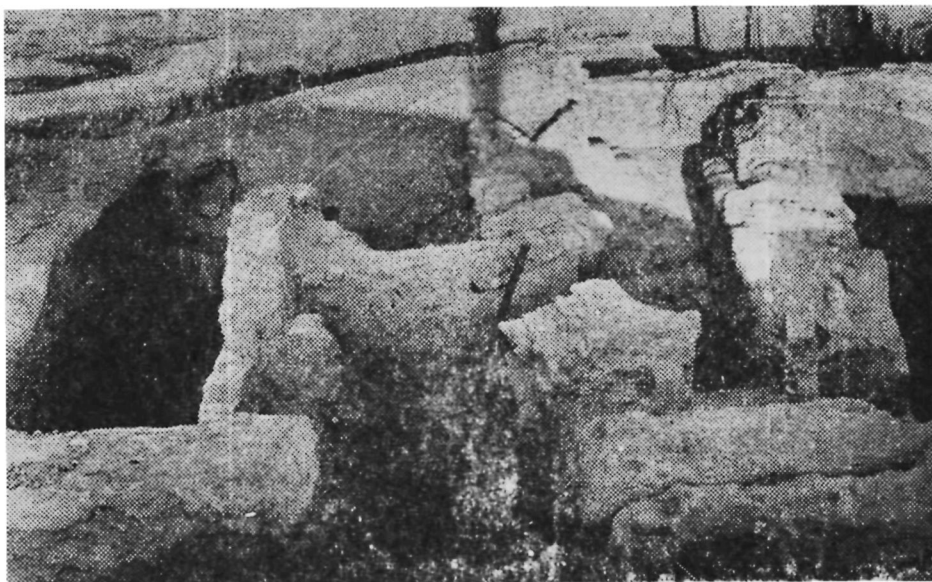


Рис. 3. Объект XVI. Помещения № 1 и 2.

Весь этот блок, который следует дополнить сооружениями не дошедших до нас помещений верхнего этажа, появился в результате перестройки после пожара крупного помещения, как можно предполагать, типа зала или большого холла. Его стены после пожара были первоначально укреплены приставными стенками, вслед за чем и были сооружены указанные помещения № 1 и 2 вместе с лестницей.

До того, как зал сгорел, дверной проем в западной его стене вел в помещение № 3, которое также погибло от пожара, очевидно, одновременно с залом. Однако дальнейшая история этого помещения оказалась иной. Обрушившееся в результате пожара перекрытие вместе с частью стен, заполнив собой нижнюю половину помещения на высоту приблизительно до 1,0—1,5 м, в дальнейшем не было потревожено. Вместе с тем над завалом какое-то время продолжалось пребывание людей. Заполненные помещения содержало значительное количество золы, много костей животных и фрагменты керамических изделий. Кроме того, в стенах были пробиты очажные ниши, сделанные, впрочем, весьма небрежно. Можно, очевидно, утверждать, что при этом перекрытие не было восстановлено. Таким образом, после пожара пребывание в помещении людей

носило сугубо случайный характер. Вполне возможно, что значительная часть культурных остатков накопилась за счет отбросов, которые сбрасывались в это запустевшее помещение.

В плане помещение № 3 представляет собой удлиненную, прямоугольную комнату размером 7,0×5,0 м. Высота сохранившихся стен достигает 4,25—4,5 м. Входной проем находится в восточной стене, непосредственно у северо-восточного угла помещения. Вблизи дверного проема в восточной стене устроены две ниши, расположенные одна над другой.

Тщательно устроенная суфа, которая тянется вдоль всех стен помещения, имеет характерное расширение у западной стены. Суфа заканчивается у северной стены, на расстоянии 1,5 м от дверного проема. Здесь у края суфы возвышается перпендикулярно к стене помещения узкая невысокая одноступенчатая стенка (высотой 1,20 м), образующая как бы небольшой тамбур при входе в помещение.

Как выше было отмечено, упавшее во время пожара перекрытие не было впоследствии потревожено. Обнаруженные благодаря этому обстоятельству остатки деревянных конструкций потолка и крыши, хотя и в сильно искаженном и обугленном состоянии, позволяют восстановить его устройство. Особо большой интерес представляет большое количество фрагментов деревянных конструкций с замечательно выполненной художественной резьбой (см. ниже). Перекрытие было плоским и опиралось непосредственно на стены помещения.

Общая планировка, а также наличие большого количества орнаментированных резьбой деревянных конструкций позволяют полагать, что помещение это было парадным, но имело какое-то особое назначение. В этом отношении характерен и состав находок, обнаруженных под упавшим перекрытием. Так, следует отметить почти полное отсутствие в надпольном слое бытовой керамики. На суфах и вблизи их прослеживался слой сажистого перегара от сгоревших тканей, небольшие обрывки которых удалось извлечь и закрепить. Были обнаружены обуглившиеся тонкие прутья от плетеных предметов, очевидно, корзин.

Пожар, как можно полагать, произошел в обстановке, когда у жителей не было возможности вынести все или во всяком случае часть находившихся в этом помещении вещей. Об этом особенно наглядно свидетельствует находка более четырех десятков глиняных булл с оттисками различных печатей. Находка эта говорит о том, что в помещении хранился какой-то весьма крупный архив. Наличие последнего позволяет предположить, что само помещение, вероятно, являлось канцелярией скорее всего государственного учреждения.

Из других раскопанных помещений нижнего этажа на объекте XVI большой интерес представляет помещение № 10, расположенное на западном конце объекта. Связь его с другими помещениями нашего объекта пока неясна. Помещение это размером 7,8×6,5 м в плане имеет вытянутую прямоугольную форму. Северная и южная стены сильно срезаны наклонно с востока на запад. Вся западная стена сохранилась на высоту всего ок. 10 м. В лучшем состоянии восточная стена, имеющая высоту до 3,0 м. Перекрытие помещения было, несомненно, плоским, покоившимся на столбах, однако на полу следов столбов не было обнаружено.

По своей планировке помещение это сходно с помещением № 3. Так же как в последнем, дверной проем пробит у восточного края северной торцевой стены, где устроен небольшой тамбур.

Особенностью его внутреннего устройства является большая приставная ниша с очажной площадкой в центре восточной стены. Помещение это было, безусловно, весьма парадным, предназначенным для торжественных собраний, о чем свидетельствуют остатки росписей на стенах. К сожалению, росписи на большей части поверхности дошедших до нас стен или вовсе не сохранились, или же сохранились в виде отдельных пятен красок с сильно стертymi изображениями. Исключение составляет юго-восточный угол помещения. Здесь росписи сохранились в удовлетворительном состоянии на высоту около 1 м от поверхности суфы протяжением 3,5 м по восточной стене и ок. 1,5 м по южной. Судя по ним, а также по отдельным деталям росписей на других участках стен, весь нижний ярус росписей был занят однородной по сюжету сценой пиршества (см. ниже).

Отметим превосходно сохранившуюся сверху донизу лестничную клетку помещения № 9, связанную с помещениями верхнего этажа. Открытие последних следует признать особо большой удачей раскопок в отчетном сезоне.

Исключительный интерес представляет помещение А второго этажа. Сохранившиеся на высоту до 1 м стены позволяют восстановить впервые устройство комнат верхнего этажа. Обращает внимание прежде всего фундаментальная кладка стен, толщина которых (ок. 1,0 м) не уступает толщине стен помещений нижнего этажа. Помещение погибло от пожара. При этом, как и в описанном выше помещении № 3 нижнего этажа, обрушившееся перекрытие в значительной части помещения оказалось непо тревоженным, несмотря на то, что стены сохранились на небольшую высоту.

Помещение это прямоугольное в плане, имеет в длину 7,0 м при ширине 4,75 м. Оно соединялось одним проходом в западной стене с упомянутой лестничной клеткой и другим, в южной, с расположенными южнее помещениями второго этажа.

Внутренняя планировка помещения характеризуется наличием суф, сохранившихся вдоль северной и восточной стен и частично западной. Археологически превосходно сохранилась приставная ниша с очажной площадкой у восточной стены. Ниша оформлена весьма тщательно. По сторонам ее стенок имелись лепные колонки, от которых сохранились базы и значительная часть стволов с характерным яблоковидным утолщением снизу. На полу около ниши был найден фрагмент упавшего лепного профилированного прогона арки.

Помещения с аналогичными приставными нишами хорошо известны в зодчестве древнего Пенджикента. Они признаны помещениями, имеющими культовое назначение, — домашними часовнями. Особый интерес описываемого помещения заключается в том, что в нем впервые для помещений верхнего этажа открыты стенные росписи. К сожалению, из-за пожара и общей разрушенности стен содержание живописи восстанавливается с трудом (см. ниже).

Остатки обрушившегося перекрытия, которые состояли из обуглившихся различных деревянных конструкций потолка и обгорелой глиняной обмазки крыши, говорят о том, что само перекрытие было плоским, что, очевидно, было характерно для помещений верхних этажей.

Что касается остальных помещений, раскопанных в отчетном сезоне на объекте XVI, то их планировка и взаимная связь полностью не выявлены. В основном это служебные помещения типа коридоров со сводчатыми перекрытиями.

Объект XVII (руководитель Х. Курбанов) расположен к югу от объектов VII и XVI, от которых он отделен проходящей с востока на запад улицей (рис. 4). Раскопки в 1961 г. ограничились частичным вскрытием 6 помещений. Первое помещение представляет собой лестничную клетку

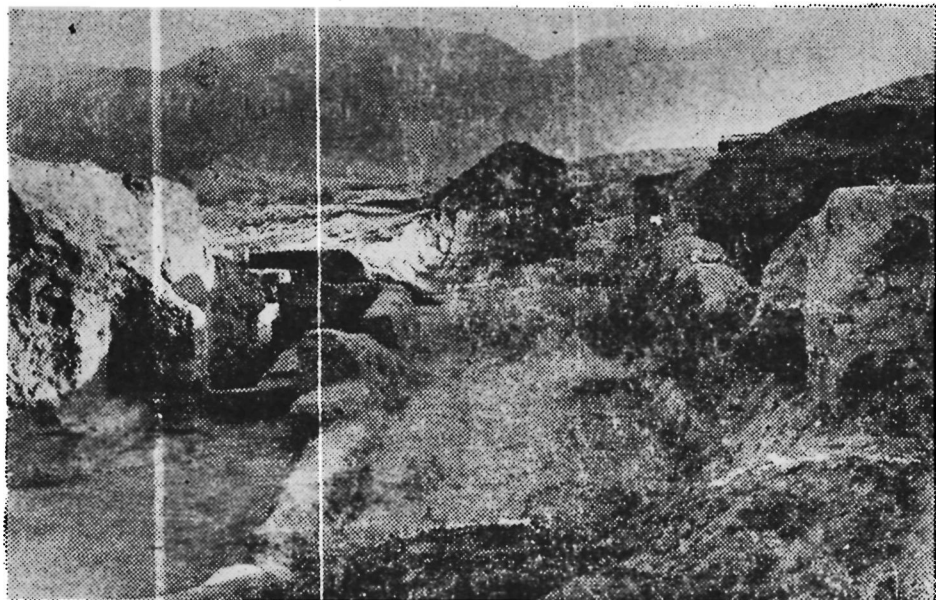


Рис. 4. Раскопки улицы между объектами VI, XIII и VII.

с пандусным подъемом обычного для Пенджикента типа. Следует лишь отметить наличие двух проходов в южной стене лестничной клетки, расположенных один над другим. Оба прохода вели в помещение № 2, необычное по своим габаритам. Сводчатое, при ширине в 3 м оно имеет в длину 10 и высоту в 6,7 м. Такая непомерная высота объясняется тем, что помещение это имело по всей длине антресоли, вход на которые осуществлялся через упомянутый верхний проход в южной стене лестничной клетки. От устройства антресолей сохранились ряды гнезд от балок настила, идущих по всей длине несущих стен помещения на уровне 3,25 м от пола. В ряде гнезд обнаружена труха от самих балок. О назначении таких балок, гнезда от которых были обнаружены и в других помещениях, были высказаны различные предположения, в частности, что они служили лишь для настила лесов при возведении сводов. Приведенные детали устройства помещения № 2 говорят в пользу того, что настилы эти служили для устройства, по-видимому, жилых антресолей постоянного пользования.

Заслуживает внимания наличие в помещении № 4, расположенном к северу от лестничной клетки, крупного углового трюма, очевидно, от купольного или полукупольного перекрытия этого помещения в виде пяти перспективных арочек.

Объект XVIII (руководитель В. Г. Луконин). Раскопки на этом объекте, расположенном в северо-западной части шахристана, имели реког-

носцировочный характер. Ставилась цель выяснить особенности застройки, а также время заупустения этого района городища. Проведенными раскопками вскрыто 3 помещения, принадлежащих жилому дому. Два из них сводчатые, со стенами, сложенными вперемежку из сырцового кирпича обычных для Пенджикента размеров и пахсовых блоков. Третье помещение оказалось лестничной клеткой с пандусным подъемом, т. е. также обычного для Пенджикента устройства. Таким образом, по материалу и по строительным приемам постройка, которой принадлежат раскопанные помещения, очевидно, не отличалась от таковых в других исследованных районах города. Находки (керамические изделия и монеты) датируют последний период жизни на этом объекте временем заупустения городища в целом, т. е. серединой VIII в. н. э.

Исследование уличной сети. Как выше было отмечено, в 1961 г. благодаря применению ряда механизмов оказалось возможным начать изучение уличной сети на городище. Однако общий объем проделанной работы в отчетном сезоне в целом сравнительно невелик. Исследование улиц производилось лишь в районе расположения основных раскапываемых объектов.

Так, был раскопан отрезок улицы, которая пролегает между объектами VI, XIII и VII, к востоку от последнего. Улица вскрыта на протяжении около 50,0 м до уровня полов зданий верхнего горизонта. На этом горизонте улица оказалась сравнительно хорошо выровненной и утрамбованной. Толща наслоений над этой поверхностью, исключая остатки от разрушившихся стен, была стерильной. Уровень этот, однако, не является первоначальным. Ниже его, на глубине ок. 2,0 м, был установлен более ранний уровень улицы с остатками булыжной вымостки, соответствующий горизонту полов помещений № 12—15 объекта VII (см. выше). Толща слоя между верхним и нижним уровнями улицы заполнена напластованиями различных культурных остатков.

Полностью раскопан сравнительно узкий переулок, проходящий с запада от объекта VII и отделяющий последний от объекта XVI, длиной около 30,0 м. Ширина переулка 2,75 м. Здесь выявлен облик переулка на уровне входов в примыкающие к нему здания. При указанной небольшой ширине переулка выделяются по обеим сторонам булыжные вымостки («тротуары») для пешеходов. Серединная часть между вымостками имеет вид узкой канавки. Толща напластований, заполнявшая переулок на всю его длину, достигала 4,5 м. В верхней части толща напластований мощностью 2,5 м состояла из строительных остатков от разрушенных стен, в то время как ниже шли сплошные наслоения мощностью 1,8—2,0 м различных культурных остатков: фрагментов керамики, костей животных, зольников и очень большого количества перегнивших органических веществ. Переулок, в сущности, превратился в место свалки отходов и, очевидно, перестал функционировать в качестве дороги. Произошло это после пожаров, от которых погибли главные помещения объектов VII и XVI.

Одновременно с указанными двумя улицами была начата расчистка широкой улицы к югу от объектов VII и XVI, на протяжении ок. 40,0 м. Здесь были удалены лишь частично верхние напластования наносного лесса и остатков от разрушенных стен прилегающих зданий. Уровень собственно улицы прослежен лишь вблизи южной стены здания VI, где была прокопана траншея шириной ок. 1 м.

НАХОДКИ

В 1961 г., как и во все предыдущие годы, в результате раскопок получено значительное количество прежде всего керамических изделий и монет. Последних найдено 160 экз. Металлические изделия занимают сравнительно скромное место и представлены в основном железными вещами и мелкими бронзовыми предметами украшения. К числу редких находок следует отнести фрагмент костяного гребешка с резной пластинкой. Впервые найдена согдийская двусторонняя надпись, сделанная тушью на плоском камне, но, к сожалению, буквы надписи сильно стерлись.

Наиболее важной находкой в отчетном раскопочно-мусорном сезоне является коллекция булл, обнаруженная в помещении № 3 объекта VII. Всего найдено 47 булл. Все они представляют собой относительно однообразные уплощенные, округлые по форме глиняные «цилиндрики», сделанные от руки. Размеры колеблются по диаметру от 0,5 до 2,0 и в высоту — от 0,5 до 1,2 см. По низу обычно вдоль длинной оси проходит продольный желобок — след от шнура, продевавшегося в боковые отверстия, при помощи которого булла прикреплялась к документу.

За исключением 3—4 экз. все они обгорели в огне и приобрели черный закопченный цвет. Буллы, судя по необгорелым экземплярам, изготовлялись из светлой, вероятно, специально отмученной розовой глины. Четкость оттисков на буллах не одинакова.

На ряде булл оттиски полностью исчезли или прослеживаются с трудом. Две группы булл, одна в 22 экз., а другая — в 6, имеют оттиски, сделанные одной и той же для каждой группы печаткой. На остальных буллах оттиски не повторяются, сделаны различными печатками. Всего в коллекции, таким образом, из числа булл, на которых видны оттиски, последние сделаны 10 различными печатками. Иначе говоря, в архиве владельца помещения были документы, скрепленные печатями минимум 10 лиц.

В настоящем отчете касаться всего комплекса вопросов, который возбуждает находка данной коллекции булл, не представляется возможным, и мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями. В последние десятилетия в археологии Средней Азии находки булл имели место уже неоднократно.

Так, прежде всего следует упомянуть находку на горе Муг 4 булл вместе с документами, которые были ими закреплены. Как известно, эти документы происходят из Пенджикента и, несомненно, синхронны с нашей коллекцией.² Близки по времени буллы, найденные при раскопках буддийского храма в Ак-Бешиме в Семиречье.³ К более ранней эпохе принадлежат буллы, найденные в Нице, которые датируются I—II вв. н. э.⁴

К этому следует добавить постоянные находки самих перстней с печатками при раскопках памятников древностей на территории Средней

² А. А. Фрейман. Находки согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. Согдийский сборник, 1934, стр. 15. См. также статьи В. А. Лившица.

³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., Тр. Киргизск. археолого-этногр. эксп. АН СССР, т. II, 1959, стр. 175, рис. 22.

⁴ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ, № 4, 1954, стр. 159 и др.

Азии, в том числе и в самом Пенджикенте. Таким образом, в самом факте находки булл в Пенджикенте нет ничего неожиданного.

К сожалению, сами документы, которыми были скреплены буллы нашей коллекции, безвозвратно погибли, сгорев при пожаре, и поэтому не представляется, естественно, возможным судить о содержании самого архива.

Можно лишь высказать следующее предположение: наличие в нашей коллекции двух групп булл с одинаковыми оттисками, быть может, говорит в пользу того, что лицо, которому принадлежал архив, вероятно, было связано с государственной властью или, точнее, что перед нами остатки архива государственной канцелярии. В последней естественнее всего ожидать документы или письма от одного и того же адресата, сохранение которых представлялось необходимым. Впрочем, об этом же говорит и общее значительное количество корреспондентов, документы от которых некогда были скреплены нашими буллами.

Каких-либо опорных данных для решения вопроса о том, откуда происходят буллы, за исключением одной или двух из них, о которых будет сказано ниже, не имеется. Известный мне материал по среднеазиатской сфрагистике не содержит образцов для идентификации отпечатков с самими печатями. Опять-таки в виде предположения можно считать, что в основном коллекция булл по происхождению согдийская или во всяком случае среднеазиатская. Об этом говорит однообразная в общем форма самих булл и некоторые наблюдения над стилистическими и иконографическими особенностями изображений на них. По своим сюжетам оттиски на нашей коллекции булл могут быть разделены на три группы—с изображениями человеческих голов и фигур, с изображениями животных и с изображениями тамг или знаков.

В первой группе имеются следующие изображения.

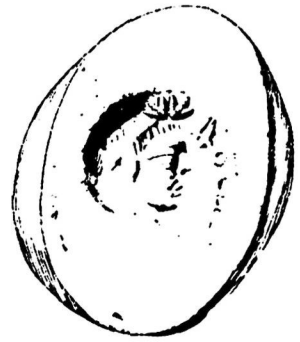


Рис. 5. Оттиск буллы. Прорисовка.

1. Мужская голова в профиль, вправо. Лицо с крупными чертами, усатое, но безбородое. Зачесанные назад волосы скреплены повязкой с надельным веерообразным, линейно выполненным украшением. Справа перед лицом надпись (рис. 5). Всего таких оттисков 6 экз.

2. Женская (?) голова в профиль, вправо. Волосы длинные, зачесаны назад, повязаны лентой, украшенной перлами (1 экз.).

3. Женская (?) голова в профиль, вправо. Гладко причесанные волосы на затылке обозначены завитками. Черты лица тонкие. Шея длинная, украшена двумя валиками (ожерельем). В отличие от остальных оттисков, сделанных круглой или овальной печаткой, на данной булле оттиск сделан квадратной печаткой (1 экз.) (рис. 6).

4. Мужское лицо в профиль. Черты лица слабо прослеживаются. Надпись справа и слева от головы.

5. Мужская фигура в полный рост. Лицо безусое, повернуто в $\frac{3}{4}$. Длинные, зачесанные назад волосы собраны пучком (?) над лбом. В левой руке, согнутой в локте, пальмовая (?) ветка. Покрой костюма неясен, но позади развеваются полы плаща, обозначенного тонкими закругленными линиями. Талия затянута поясом в виде двух валиков, ко-



Рис. 6. Булла. Увеличена.

торыми охвачена и опущенная книзу правая рука. С левого бока с пояса (?) свешивается какой-то предмет (рис. 7).

Профильные изображения человеческой головы на печатях обычны для сфрагистики Средней Азии кануна арабского завоевания. В частности, они представлены и на материалах Пенджикента (печати и оттиски от них на керамике), а также на буллах с горы Муг. Что касается фигуры в полный рост, то такие изображения более характерны для печатей более раннего времени.

Ко второй группе принадлежат следующие оттиски.

1. Два льва (?), стоящие на задних лапах таким образом, что туловища их перекрещиваются, а головы повернуты назад мордами друг к другу. Хвосты закинута над спиной (22 экз.) (рис. 8).

Близкой параллелью к такой композиции может служить изображение двух пар львов на стенках серебряного кувшина, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже.⁵ В неопубликованном подробном описании этого сосуда Я. И. Смирнов в качестве параллели этой композиции приводит изображение львов в сцене охоты на серебряной чаше из дер. Вереино Пермской области,⁶ которую К. В. Тревер включила в число памятников искусства греко-бактрийского времени.⁷ Однако на чаше из Вереино, в отличие от кувшина, у львов головы обращены нормально вперед.

На кувшине и на нашем оттиске печати поза львов имеет ярко выраженный геральдический характер, и поэтому полагать, как это делает Я. И. Смирнов, что поза львов на кувшине из Национальной библиотеки является деталью такой же охотничьей сцены, как и на чаше из дер. Вереино, мне кажется неверным. Впрочем, полагать, что на булле Пенджикента изображена именно геральдическая эмблема или знак в поздне-средневековом смысле, мы не можем. Отметим лишь, что в рассматри-

⁵ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909.

⁶ Там же. Ср. Архив ЛОИА, дело № 330, папка № 85, без пагинации.

⁷ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, табл. 22—24, ср. текст стр. 87.

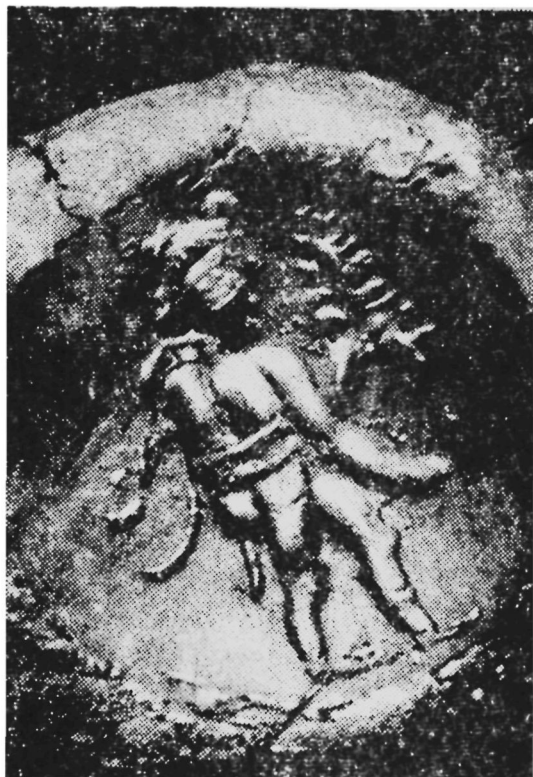


Рис. 7. Булла. Сильно увеличена.

ваемое нами время симметричные расположения парных фигур животных в качестве орнаментального мотива получили весьма широкое распространение. Особенно это относится к текстильному орнаменту на тканях среднеазиатского происхождения.⁸ В Пенджикенте такая геральдическая поза засвидетельствована на интересном фрагменте глиняной скульптуры с изображением двух драконов.⁹ Таким образом, находка нашей буллы дает основание считать, вопреки мнению Я. И. Смирнова, считавшего кувшин Национальной библиотеки произведением искусства сасанидского Ирана, что он скорее всего принадлежит к изделиям среднеазиатского художественного ремесла.

2. Протома (голова и передние ноги) кабана, туловище которого скрыто тремя стеблями камышевидного растения (рис. 9). Голова кабана — сюжет очень распространенный в домусульманском искусстве на всем Ближнем и

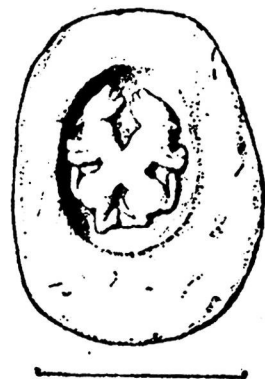


Рис. 8. Булла. Прорисовка увеличена.

⁸ А. М. Беленицкий и И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, № 2, 1960, стр. 66 и др. рис. 1, 3, 4.

⁹ Скульптура и живопись Древнего Пенджикента. М., 1959. коткачества. СА, № 2, 1960, стр. 66 и др., рис. 1, 3, 4.

Среднем Востоке, включая и Среднюю Азию. В Пенджикенте был найден перстень с печатью, изображающей голову кабана.¹⁰ Встречается изображение головы кабана в живописи в качестве орнаментального мотива тканей,¹¹ а также и на самих тканях.¹² Что касается всего сюжета на оттиске нашей буллы, то он напоминает изображения кабанов в камышовых зарослях на известном серебряном блюде из дер. Керчева со сценой охоты.¹³



Рис. 9. Булла. Прорисовка увеличена.

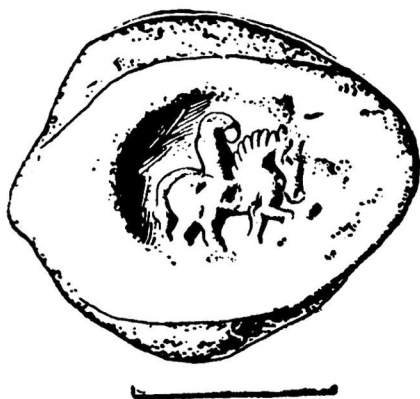


Рис. 10. Булла. Прорисовка увеличена.

3. Крылатый конь с поднятой правой передней ногой, идущий вправо (рис. 10). Изображение крылатого коня — пегаса также хорошо известно в изобразительном искусстве Средней Азии и других стран Ближнего Востока. Стилистически изображение коня на нашей булле представляется весьма близким к изображению коня на костяной пластинке, найденной в 1954 г. С. К. Кабановым на городище Кафир-Тепе в Каршинской области.¹⁴ Тяжелая голова, изгиб шеи, поднятая правая передняя нога животного на кафир-тепинской пластинке живо напоминают наш отпечаток на булле. Не происходит ли последняя именно из этого района, связи с которым хорошо засвидетельствованы и другими (монетными) находками на Пенджикентском городище?¹⁵

Третья группа оттисков представлена двумя изображениями.

1. Тамга, почти точно повторяющая таковую на некоторых типах согдийских монет, которые, как полагает О. И. Смирнова, чеканились пенджикентскими государями (рис. 11).¹⁶

¹⁰ МИА, № 37, стр. 136, рис. 34.

¹¹ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 182, рис. 135.

¹² A. Stein. Innermost Asia, vol. III, Oxford, 1928, pl. LXXXI.

¹³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, № 53.

¹⁴ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V вв. ВДИ, № 2, 1956, стр. 170, рис. 12.

¹⁵ О. И. Смирнова. Заметки о среднеазиатской титулатуре. Эпиграфика Востока, XIV, 1961, стр. 62 и др.

¹⁶ Она же. Монеты Древнего Пенджикента. МИА, № 66, стр. 280, табл. VI, 22—25.

2. Нечетко оттиснутый знак, один из элементов которого имеет С-видную форму.

Новые памятники монументального искусства. Сезон раскопок отчетного года ознаменовался весьма значительными новыми открытиями и в области монументального изобразительного искусства. Это относится как к стенным росписям, так и особенно к резному дереву. Правда, в полной мере они смогут стать достоянием науки лишь после камеральной обработки, на что потребует значительное время. В настоящем отчете дается лишь их общая суммарная характеристика. Новые произведения искусства были обнаружены в 4 помещениях, исследованных в отчетном сезоне, — № 11 объекта VII, № 3, 10 и А (верхнего этажа) объекта XVI.

Помещение № 11, как уже говорилось выше, было начато раскопками в 1960 г. Среди многочисленных образцов обуглившегося резного дерева, которые были здесь найдены в первом году раскопок, наиболее замечательными были крупные фрагменты больших плах, украшенных аркатурой с различными композициями внутри каждой арки. Аналогичные резные плахи были найдены и в отчетном сезоне. К сожалению, содержание композиций на них ввиду общей сильной их попорченности пока не поддается дешифровке. С некоторой уверенностью можно лишь говорить об изображении внутри одной из арок двух человеческих голов в фас. Судя по местонахождению большей части резных плах, можно полагать, что они в виде сплошного фриза обрамляли верх стен по всему периметру помещения. Помимо резных плах, были обнаружены две круглые скульптуры — одна изображает фигуру воина в кольчужном доспехе, а другая, к сожалению, очень сильно поврежденная, — выполненную в крупном масштабе женскую (?) фигуру (рис. 12).

Помещение это некогда было богато украшено и стенными росписями, красочный покров которых почти полностью был уничтожен пожаром. Однако художнику П. И. Кострову удалось сделать контурные прорисовки росписей крупного фрагмента обгорелой живописи с изображением многофигурной пиршественной сцены, сопровождающейся групповой пляской.

В помещении № 3 объекта XVI, погибшем также от пожара, было обнаружено большое количество украшенного художественной резьбой обуглившегося дерева.

Как и в помещении № 11, это в основном широкие плахи, которые в виде фриза обрамляли некогда верх стен. Мотивы резьбы на них декоративные. Полностью восстанавливается раппорт рисунка этого фриза, состоящий из трех орнаментальных поясов: верхнего в виде ромбовидных чешуек, среднего, представляющего собой полосу полупальметок, и

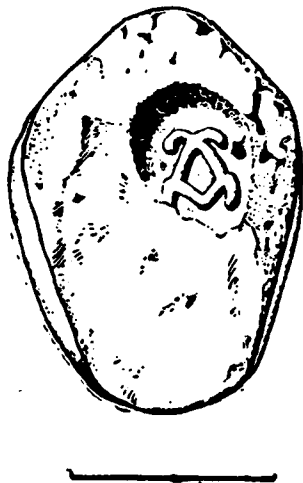


Рис. 11. Булла. Прорисовка.



Рис. 12. Объект VII, помещение № 11.
Резное обуглившееся дерево.

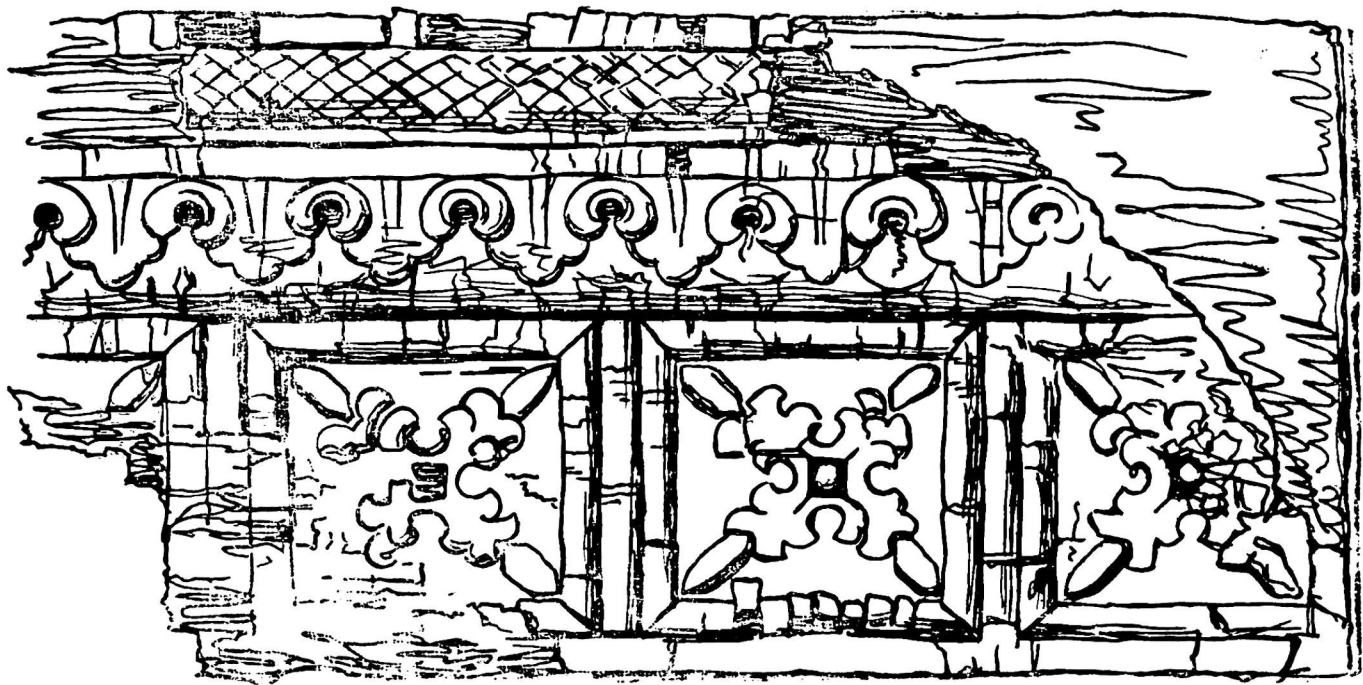


Рис. 13. Объект XVI, помещение № 3. Резное дерево. Рис. В. Л. Воронной.

нижнего в виде сплошной ленты рельефных квадратных рамок, заполненных крестовидно расположенными веточками (рис. 13).

Помимо резных плах, декоративной резьбой был украшен центральный квадратный в сечении прогон перекрытия, некогда перекинутый с восточной на западную стену. Резьбой были украшены боковые и нижняя его грани. Особо замечательными художественными достоинствами отличается резьба по нижней грани прогона (рис. 14). Мотив резьбы — раскрытые бутоны лотосовидного цветка, выполненные в крупном масштабе и в высоком рельефе. Резное дерево этого помещения представляет один из наиболее замечательных памятников архитектурного орнамента, открытых до настоящего времени на городище Пенджикента.

Помещение А объекта XVI, представляющее, судя по внутренней планировке, культовое сооружение, было украшено стенными росписями. Здесь ситуация оказалась такой же, как и в помещении № 11 объекта VII, — красочный слой живописи был почти полностью уничтожен пожаром. При этом сами стены этого помещения, расположенного на втором этаже, сохранились лишь на небольшую высоту. Здесь П. И. Кострову также удалось сделать прорисовки ряда фрагментов росписей. О сюжете росписей этого помещения можно говорить лишь сугубо предположительно. Весьма любопытной особенностью их является то, что на ряде фрагментов были изображены только женские фигуры. Характерная для их изображения деталь — однообразная для всех прическа в виде длинных кос, спускающихся на грудь. На одном из фрагментов сохранилось изображение оседланной лошади без всадника (рис. 15).

Не являлась ли вся композиция изображением сцены или ряда сцен, связанных с брачным обрядом? В таком случае паличие оседланной лошади может означать приготовление к отправке невесты в дом жениха. Это предположение объяснило бы и присутствие на отдельных фрагментах росписей одних только женщин. Несмотря на плачевное состояние росписей, судя по общему характеру рисунка и улавливаемой композиционной организации сцен, росписи этого помещения обнаруживают замечательное мастерство выполнивших их художников.

В отличие от живописи названных двух помещений (№ 11 объекта VII и А объекта XVI), стенные росписи помещения № 10 объекта XVI не подверглись разрушительному воздействию огня. Выше уже было указано, что в этом помещении в сравнительно удовлетворительном состоянии сохранился лишь участок росписей в юго-восточном углу помещения. Сюжет их не вызывает сомнений. Перед нами пиршественная сцена, в которой принимают участие одни только мужские персонажи. Полностью сохранились изображения семи фигур, но, к сожалению, лишь у одной фигуры улавливаются, и то с большим трудом, очертания головы. У всех остальных фигур головы отсутствуют. В остальном изображения участников сцены прослеживаются достаточно хорошо. Все они сидят в одинаковой позе, скрестив ноги. Положение рук различное, но каждый персонаж держит в руке по сосуду — чаше или кружке. Одна из фигур опирается рукой на посох с загнутой книзу ручкой. Все фигуры одеты в совершенно одинаковый по форме костюм, отличающийся лишь окраской и орнаментом ткани. Костюм состоит из одноцветного плаща, накинутого на плечи и предплечья рук, и плотно охватывающего фигуру кафтана. Из-под кафтана видны штаны и высокие мягкие сапоги. Костюм дополняет наборный пояс с горизонтально подвешенным к нему кинжалом в ножнах. Рукоятки кинжалов у всех персонажей украшены рельеф-

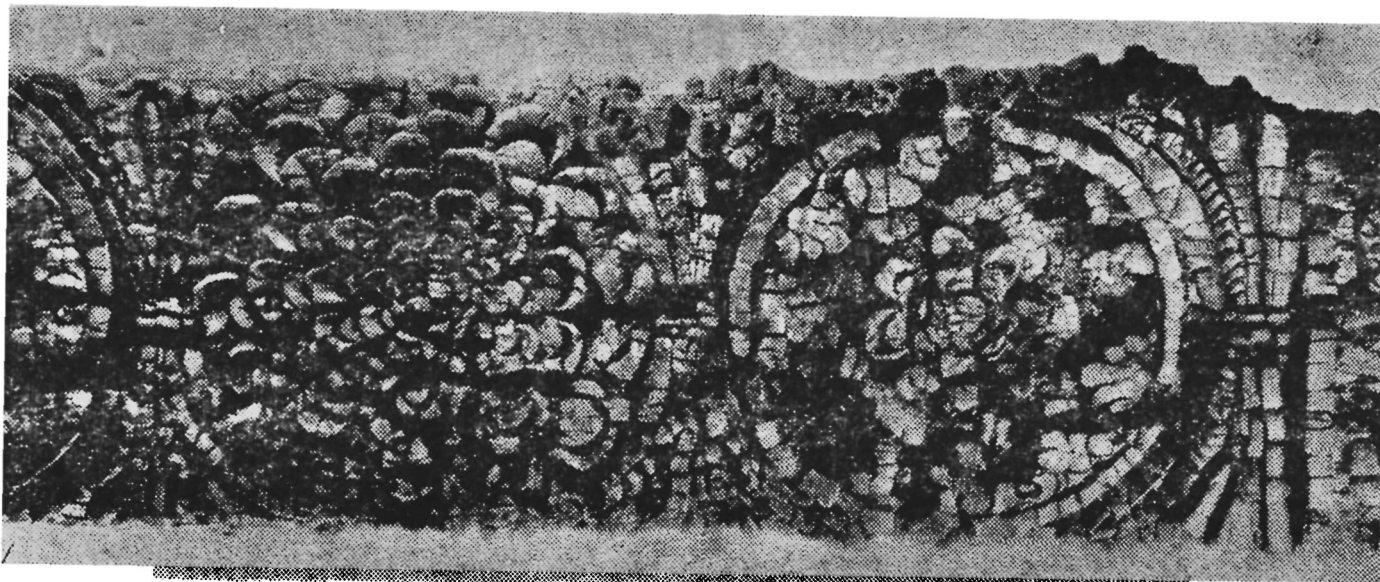


Рис. 14. Объект XVI, помещение № 3. Резное дерево после обработки в реставрационной мастерской.

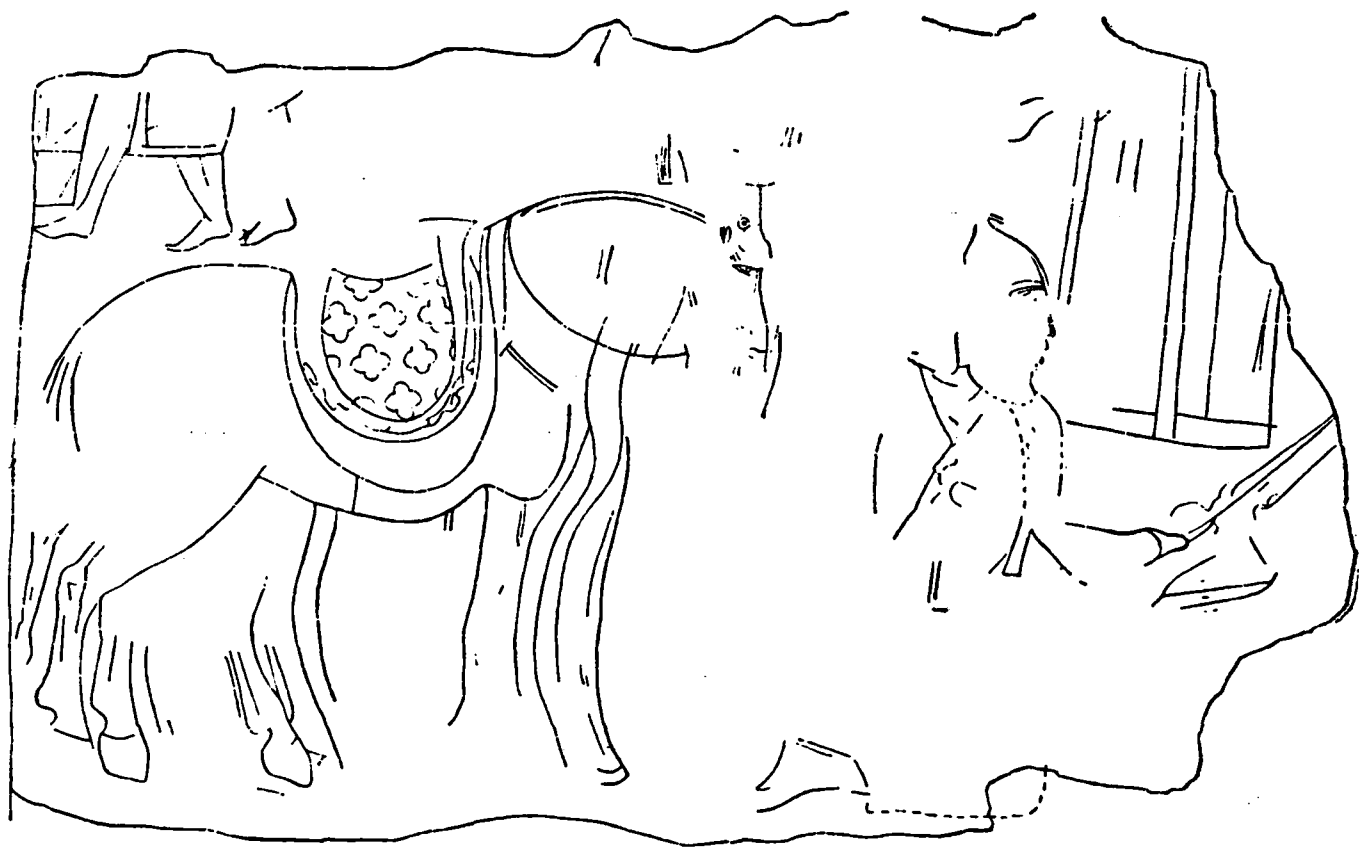


Рис. 15. Объект XVI, помещение А. Фрагмент стенных росписей. Прорисовка П. И. Кострова.

ной точечной инкрустацией (белой). Ножны различаются по своей окраске.

Чрезвычайно интересными принадлежностями всех фигур является одинаковый «гарнитурный» набор, состоящий из двух футляров и мешочка, подвешенного к поясу. Мешочек имеет характерную форму киста и, несомненно, изображает денежный мешок—«мошну». В большем по размеру футляре, уплощенного вида, судя по имеющимся археологическим аналогиям, хранились огниво, вероятно, зеркало и гребень или подобные предметы;¹⁷ а в другом, узком, удлиненном,—очевидно, тонкий ножичек или шило. Близкие аналогии «мошне» мы находим на некоторых фресках Восточного Туркестана с изображением донаторов — купцов—владельцев караванов, стоящих рядом с навьюченными верблюдами и ослами и приносящих дары перед изображением Будды.¹⁸ Вполне вероятно, что и на наших росписях художник изобразил сцену пиршества богатых купцов.

Характеризуя росписи этого помещения, необходимо подчеркнуть интерес, который представляет целый ряд орнаментальных деталей, украшающих отдельные, изображенные на них предметы. Это прежде всего относится к одежде участников пиршества. Ткань плащей у всех фигур отличается по окраске, но однотонна, без орнамента. Наоборот, кафтаны и штаны демонстрируют замечательный набор богато орнаментированных узорных тканей. Разнообразны окраска и рисунки на сапогах и футлярах, очевидно, из тонкой кожи — сафьяна.

Все участники сцены сидят на ковре, рисунок орнамента которого также поддается реконструкции.

Большой интерес представляют и изображения сосудов. Это в большинстве открытые чаши на высоком поддоне, украшенные каннелюрами. Но особо замечательно изображение золотой кружки с кольцевидной ручкой в руке одного из персонажей. Стенка кружки, обращенная к зрителю, украшена гравированным (?) рисунком мужской фигуры, стоящей в голый рост, опирающейся на длинный посох с загнутой книзу ручкой. Любопытно передан и безрукавый плащ, накинутый на плечи, как бы развеваемый ветром. Едва ли можно сомневаться в том, что художник изобразил золотой сосуд, который он, очевидно, видел в натуре. Таким образом, перед нами изображение предмета художественной торевтики Согда. Аналогичных по сюжету изображений мы не знаем.

¹⁷ См. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 541, табл. II; А. Д. Грач. Древнетюрские изваяния Тувы. М., 1961, стр. 65. Там же указания на литературу.

¹⁸ A. von Le Coq. Chotscho. Berlin, 1913, Taf. 22 u. 28. Характерно, что в имеющихся на этих фресках надписях говорится о купцах, приносящих дары. По мнению Лекока, мешочки, которые подносят купцы, наполнены золотым песком.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ и Т. И. ЗЕЙМАЛЬ

РАСКОПКИ И РАЗВЕДКИ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ В 1961 г.

В 1961 г. начал функционировать Южно-Таджикистанский отряд, перед которым была поставлена задача всестороннего изучения археологических памятников на территории юга республики. Работы проводились в весенне-летний и осенний сезоны, всего на протяжении пяти месяцев. Отряд работал в следующем составе: Б. А. Литвинский (начальник отряда), Т. И. Зеймаль (зам. начальника отряда), мл. научные сотрудники Т. Атаханов, А. Бабаев, М. А. Бубнова, Э. А. Юркевич; ст. лаборанты Х. Мухитдинов, Л. К. Сергеева, А. Юсупов, Ю. Якубов, лаборант В. И. Брагинский. В работе отряда участвовала реставрационная группа: И. И. Костров, М. П. Винокурова и Р. М. Цыпина, а также архитекторы А. Константинов, С. Неумывакин, художники Х. А. Жаба и Г. Ушаков, шофер отряда — Г. Хамраев.

РАСКОПКИ НА АДЖИНА-ТЕПА

В 1959 г. Т. И. Зеймаль в процессе разведок в Вахшской долине впервые обследовала район в окрестностях усадьбы совхоза им. Кирова (в 12 км на восток от г. Курган-Тюбе). В 1960 г. здесь были заложены шурфы на небольшом двухчастном городище Аджина-Тепа. На основании материала из шурфов городище было датировано VII—VIII вв.¹ Своеобразие плана Аджина-Тепы, обнаружение в шурфах скульптурных фрагментов—все это заставило при составлении программы работ на юге Таджикистана обратить внимание именно на это городище. Развертывание здесь стационарных раскопочных работ диктовалось необходимостью получения материалов по истории и истории культуры Тохаристана VI—VIII вв.,—как известно, именно эта эпоха, столь важная в историческом отношении для юга Средней Азии, в целом изучена все еще недостаточно.

Основной раскоп (раскоп I) был заложен на южном углу юго-восточной половины городища. Раскопки производились и в северной части городища, причем раскоп II был значительно меньшим по объему.

Раскоп I. Он включает южный угол и примыкающие участки юго-восточного и юго-западного вала, а также небольшую часть дворища. Раскоп имеет Г-образную форму, он охватывает территорию от южного угла до середины каждой из примыкающих сторон. Площадь раскопа ок. 500 м² (рис. 1).

Обвалованный периметр городища, как выяснили раскопки, не скрывал под собой городской стены, что можно было бы предполагать

¹ Т. И. Зеймаль. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г., Археол. раб. в Таджикистане в 1959 г. Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXXI, Душанбе, 1961, стр. 150.

Аджина-тепе
-1961г-

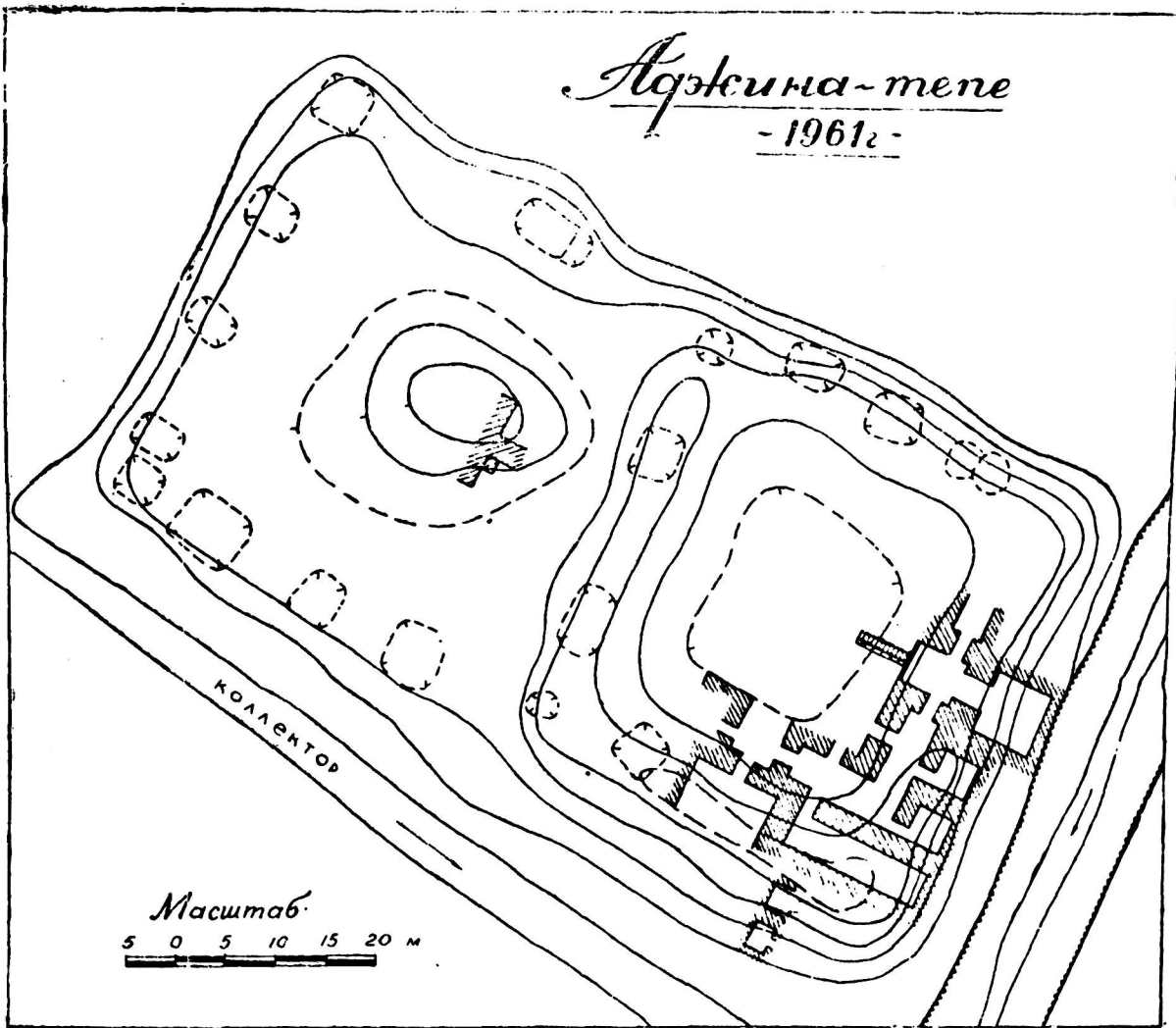


Рис. 1. Аджина-Тепе. План.

на основании наружного осмотра. Оказалось, по крайней мере в пределах раскопа, что вал образован в результате оплывания сложной системы кирпично-пахсовых помещений. В середине каждой из двух раскапываемых сторон находился квадратный зал, связанный с глубоким айванном помещением, открытым во двор. Эти двухчастные помещения были центральными элементами композиционно-планировочного решения памятника. Пространство между ними занято сложной системой больших коридорообразных и маленьких квадратных помещений, соединенных проходами друг с другом, с центральными помещениями и двором.

Помещение № 1 — квадратная целла двухчастного юго-восточного центрального помещения. Широким проемом в северо-западной стене целла соединяется с вестибюльным помещением. Фланкирующие проем выступы-пилоны поставлены совершенно симметрично в отношении длинной оси помещения. Пол целлы значительно (на 50 см) выше пола вестибюля, ступенчатый подъем располагался между пилонами.

Стены целлы сохранились плохо, особенно в юго-восточной части. Штукатурка прослеживается на высоту 1 — 1,5 м. Вдоль боковых и задней стен целлы располагались постаменты. Форма и размеры их примерно одинаковы. Это двухступенчатые фигурные сооружения. Нижняя ступень — невысокий плинт, выступающий с фасадной стороны и с торцов или же только с фасадной стороны. Верхняя (основная) ступень имеет вид параллелепипеда, внешние углы которого оформлены в виде врезанных четверть-куполков. Форма и размеры этих четверть-куполков разные. Верхние части постаментов сбиты, так что их высота не может быть определена точно, судя по сохранившейся штукатурке, она превышала 0,9 м.

На линии, соединяющей передние торцы боковых постаментов, в центре помещения располагался центральный постамент (?), который был также двухчастным. Он значительно меньше боковых, в плане подпрямоугольный.

В пространстве между передними торцами боковых постаментов и пилонами на обеих стенах находятся узкие невысокие суфы. Нижние части стен помещения № 1, а также поверхности суф и постаментов сохранили остатки росписи, в том числе сюжетной. На фасадных сторонах боковых суф рельефные налепы, быть может, являющиеся нижними частями складчатых одеяний каких-то крупных скульптур, располагавшихся на постаментах.

Горельефные изображения украшали также поверхность стен между постаментами. Их остатки в виде осыпавшихся со стен фрагментов встречаются в завале южного и восточного углов зала. Скульптурная панель, по-видимому, так же как роспись, имела сюжетный характер. Среди найденных обломков есть изображения мужской головы, повернутой в три четверти, головы (точнее, черепа) верблюда, частей человеческого тела, растительных побегов и др. Вблизи южного угла, между двумя постаментами, найдена часть головы большой скульптуры. От нее сохранилась лишь верхняя часть, с наклепными завитками волос в виде спиралей, покрытых сверху синей краской. Отпавшие завитки волос в большом количестве встречаются по всей площади зала. Размеры головы (диаметр ее ок. 85 см) позволяют предполагать, что в целле храма находилась очень большая (около 7 м высотой) фигура какого-то божества. Обломки его тела, задрапированные в складчатые одежды красного цвета с многолучевыми золотыми звездами встреча-

ются в восточной половине целлы храма. Вероятно, фигура первоначально располагалась (в сидячем положении?) на восточном постаменте, напротив входа в храм.

Помимо кусков, принадлежавших большой фигуре, в завале были найдены части голов нескольких мелких скульптур (в натуральную величину и в половину ее) (рис 2), также изображавших какие-то боже-ства. Эти скульптуры отличаются друг от друга внешним видом, прической, цветом раскраски. Возможно, часть этих изображений была



Рис. 2. Аджина-Тепе. Фрагмент скульптуры из храмового помещения № 1.

выполнена как объемная скульптура, а часть техникой горельефа. В завале (особенно около входа в целлу храма) в большом количестве встречаются штампованные изображения стилизованных листьев лотоса, украшавших постаменты со скульптурой.

Завал со скульптурными остатками покрывает толстым слоем (до 75 см) пол помещения. Его расчистка еще не закончена. Плотность завала и его насыщенность позволяют предполагать преднамеренный характер его образования. Скульптура, стоявшая на поста-ментах, была сброшена на пол и

разбита, причем были сбиты и верхние части постаментов. Роспись на стенах сохранилась *in situ* только ниже уровня образовавшегося завала. Спустя некоторое время (возможно, очень короткое) здание с разбитой скульптурой было обжито, о чем говорит слой из плашмя лежащих кирпичей, выравнивающий поверхность завала, и зольник (или, точнее, группа зольников на одном уровне), идущий по всей площади помещения.

В пределах этого помещения 2-й этап жизни в нем не связан ни с какими строительными работами. Правильней всего назвать его этапом обживания развалин, причем не постоянного, а периодического; слои, содержащие остатки жизни, чередуются с натечно-надувными прослойками времени запустения. Выше этих слоев завал из обломков кирпича и пахсы. Местами кирпич лежит целыми монолитами, напоминая собой сползший свод.

От помещения № 2 отходят на северо-восток и юго-запад два симметричных коридорообразных помещения. Северо-восточное (помещение № 4) раскопано частично, не на всю длину. Тем не менее, удалось выяснить, что здесь есть сводчатые проходы наружу, во двор, и в противоположную сторону, по-видимому, в какое-то помещение.

Горелый слой 2-го периода заходит и в коридор IV, становясь тоньше по мере удаления от помещения № 2. Слой лежит почти непосредственно на полу, соответствующем 1-му периоду. При расчистке его поверхности найдено несколько керамических пряслиц (как специально сформованных, так и сделанных из черепков глиняной посуды), не-

сколько выше уровня пола, у прохода в вестибюльное помещение, была найдена бронзовая чашечка полусферической формы с выступом-шишкой в центре, бронзовая ложка, маленькая бляшка, прикреплявшаяся с помощью штырей к ремню, медная монета (рис. 3).

Юго-западное помещение № 3 коленчатым поворотом переходит в помещение № 5. Эти два коридорообразных помещения прилегают ко двору, одно на юго-, другое — на северо-западе, со двором они соединяются арочными проходами. На юго-восточной стене помещения № 3 два арочных прохода — один в центре, другой — в южном углу. Эти проходы ведут в небольшие квадратные комнаты (3,3×3,40 м) № 7 и 8. Параллельно помещению № 5 идет вытянутое помещение № 6, причем его юго-восточная шипцовая стена является продолжением юго-восточной стенки келий. Это помещение первоначально сообщалось с помещением № 5. Однако на последних этапах существования комплекса в помещении № 5 была выстроена дополнительная (ремонтная ?) стена, возведенная вплотную к стене, разделявшей эти помещения, и закрывшая этот проход. На длинной юго-западной стене помещения № 6 сводчатая ниша.

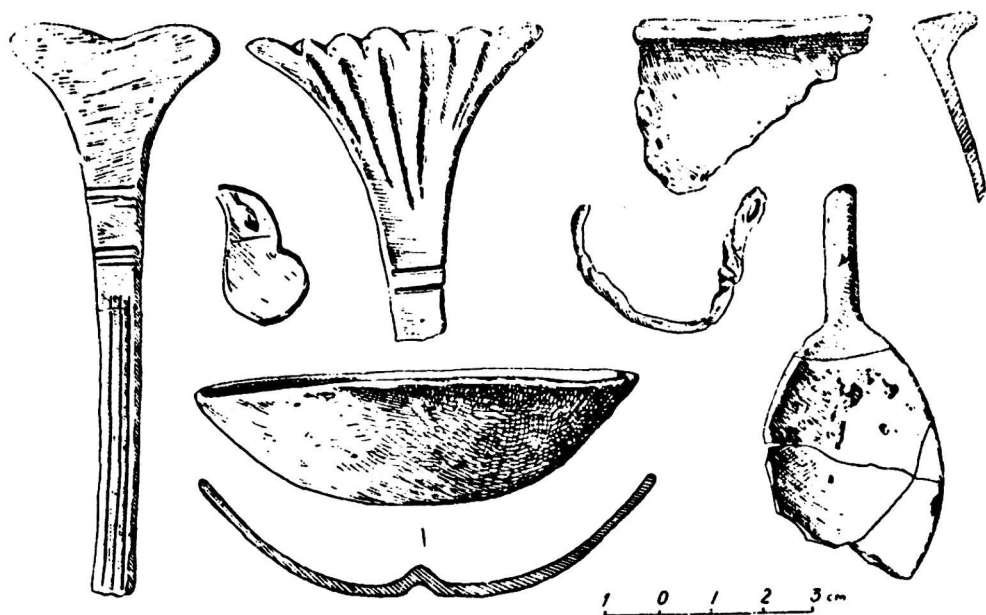


Рис. 3. Аджина-Тепа. Бронзовые изделия.

Проход в шипце связывает помещение № 5 со вторым двухчастным помещением, точнее, с его айванной частью (помещение № 11). Это помещение несколько меньше айванного помещения № 2, но совершенно аналогично по плану. Из айвана попадали в квадратный зал № 12, который удалось раскопать лишь частично (северо-восточная часть). Его примерные размеры — 9×9 м, следовательно, площадь этого зала значительно больше площади зала № 1.

Помимо вскрытия вышеуказанной площади, была заложена траншея, проведенная перпендикулярно помещению № 6, на юго-запад, по

наружному склону теча. Траншея выявила наличие группы помещений по внешнему контуру памятника: часть коридорообразного помещения и квадратную комнату с проемом, обращенным на юго-запад.

Вернемся к двухчастному центральному помещению юго-восточной стороны. Стены вестибюльного помещения № 2 были раскрашены: на полу встречаются куски упавшей штукатурки с несколькими слоями покраски красного и синего цвета, нанесенной на ганчевую основу. Судя по найденным фрагментам, роспись была одноцветной. Вместе с тем в нижней части шпильчатых стен пилонов есть остатки каких-то многоцветных композиций.

По-видимому, богато был украшен проход из вестибюльного айвана в целлу храма: в завале над его полом найдены куски штукатурки с рельефными изображениями переплетающихся жгутов, окрашенные в яркий красный цвет.

В айванном помещении не было скульптуры, поэтому при разрушении храма не образовывалось на полу толстого слоя завала, как в целле храма, и уровень обживания развалин здесь намного ниже. Он отделяется от уровня пола вестибюля храма 25-сантиметровым слоем, состоящим из тонкого слоя гумусных отложений на поверхности пола и комьев глины.

Мощный слой (до 40 см) угля, золы, горелых комьев глины со следами красной и синей краски и какого-то ошлакованного вещества ярко-желтого цвета покрывает уровень верхнего пола помещения, соответствующего 2-му периоду жизни здания. С этим слоем связаны основные находки: куски железной крышки, фрагменты стеклянных сосудов, керамический шлак, обломки толстостенных хумов, жженный кирпич. Характер слоя и находки в нем позволяют предполагать, что бывшее вестибюльное помещение храма использовалось как производственное.

Внутреннее заполнение коридорообразного помещения также говорит о двух периодах жизни в нем. В 1-й период коридор был как бы связующим звеном для всех помещений, вскрытых I раскопом. Непосредственно соединяя храмовый комплекс помещения № 1 и 2 с аналогичными по планировке помещениями № 11 и 12, он представлял собой часть храма. Не случайно поэтому стены коридора были покрыты росписью (остатки ее расчищены на участке стены между входящим углом помещения и проемом, ведущим во двор) и, возможно, рельефными украшениями. Обломки последних найдены при расчистке завалов над полом, в проходах коридора (в помещениях № 2, 7, 11), а также во дворе.

Поверхность пола 1-го периода весьма неровная. Ее покрывает слой гумусных отложений зеленого цвета, заходящий на суфу вдоль восточной стены коридора (северное колено) от проема в комнату № 7 до проема в помещении № 8. Ширина суфы 70—75 при высоте 35 см. Местами ее края обожжены пожаром, поверхность нечеткая, сильно испорчена обвалившимся сводом. Низ паховых стен коридора носит следы ремонта: к поверхности стены были примазаны куски сырцового кирпича (половинки), сверху покрытые толстым слоем саманной штукатурки. Возможно, ремонт стен был вызван разрушительным действием почвенных солей на их основания.

На полу были найдены обломки стенок и венчики хумов, монеты (с отверстием), бусины, обломки железных изделий, часть светильника на высокой конической подставке.

2-му периоду жизни соответствуют остатки 3 крупных печей в виде тонуров, возведенных на завале над нижним полом помещения. Видимо, в этот период (или в конце 1-го) был заложен проход в помещение № 2. Один тонур стоял справа от заложеного входа, в 30 см от западной стены помещения, два других располагались рядом вдоль восточной стены. Тонуры обмазаны снаружи глиняным раствором, содержащим большое количество гальки (особенно тот тонур, что стоял отдельно у западной стены помещения), и облицованы сырцовым и жженым кирпичом.

Лучше сохранились тонуры у восточной стены помещения. На уровне своего основания они имели маленькие отверстия для тяги, может быть для вставления сопла (диаметром 15 см). Они сделаны из сырцового кирпича, поставленного на ребро. Расчистка тонуров показала, что здесь вмазаны специально сделанные сосуды без дна высотой 70 см с равномерно расширяющимися книзу стенками и закраиной-венчиком сверху. Тонуры оказались заполненными золой, угольками, обломками верхних частей стенок и тонуров. Внутри одного был брошен сосуд (почти целый) в виде кувшина с уплощенной ручкой, шаровидным туловом и крутыми плечиками. По ним проведен орнамент гребнем в виде крутой волны и горизонтальной полосы.

Рядом с тонурами невысокая (около 15 см) суфа, доходящая почти до самого проема в стене, ведущего в комнату № 7. На ее поверхности зола, обломки посуды.

2-му периоду соответствует толстый слой золы толщиной около 20 см по всей площади коридора. При его расчистке были найдены ладьевидная зернотерка (рядом с тонуром), бронзовая серьга, фрагменты узкогорлого кувшина, часть чироба в форме плоской чашечки, донце маленькой пиалы на сплошном поддоне, обломки больших сосудов типа хумов и хумча, куски шлаков, монета (без отверстия), арабская серебряная монета 731 г.,² куски жженого кирпича.

В завале выше горелого слоя 2-го периода встречаются монеты с отверстием, обломки (мелкие) металлических сосудов, фрагменты керамики. Сам завал состоит из обломков сырцового кирпича и разложившейся кирпичной массы. Обрез завала дает четкую картину его образования и говорит о том, что здание было окончательно заброшено и вплоть до наших дней его развалины больше не обживались.

2-й период жизни на Аджина-Тепе фиксируется не во всех помещениях. Так, например, четкого его уровня не удается установить в помещениях № 2 и 8, где плотный кирпичный завал начинается от самого пола. По-видимому, эти помещения к моменту вторичного пожара оказались в значительной степени разрушенными. Как будто бы нет второго жилого горизонта в помещении № 6 (оно расчищено до пола не по всей площади).

Таким образом, кажется возможным предположить, что, во-первых, между 1-м и 2-м жилыми периодами был некоторый промежуток запустения здания, во-вторых, что во 2-й период обжитой была только часть помещений и двор (мощные горелые слои заходят и в распанную часть двора, примыкающую помещениям № 2, 3, 5 и 11). Правильность этого предположения будет проверена при дальнейших работах.

² Определение Е. А. Давидович. Остальные монеты, найденные в Аджина-Тепе (130 экз.), пока еще не определены.

Все эти помещения построены из пахсы и сырцового кирпича. Массивные стены (толщина внутренних 2,20, наружных—до 3 м) на всем протяжении имеют паховые основания. Это три ряда паховых блоков с четкой вертикальной перевязкой швов. Высота блока пахсы 0,85—0,9, ширина — 0,75—0,95 м. Общая высота паховых частей стен — 2,5—2,6 м. Над ними в коридорообразных помещениях № 3, 4, 5, 6 несколько рядов горизонтальной кирпичной кладки (сырцовый кирпич размером 50×25×10—12 см). Эта лента горизонтальной кладки, состоящая из 5—7 рядов кирпича, положенного вперевязку, является «полочкой», на которую поставлен свод. Для того, чтобы сократить пролет, каждый вышележащий слой кирпичной кладки выступает над предыдущим. Общее «нависание» полочки достигает 9—12 см с каждой стороны.

Выше начинается свод, выложенный способом наклонных отрезков. Сам свод лучше всего сохранился в помещении № 6. Здесь он выложен из трапециевидного кирпича. Продольная сторона этого кирпича 0,5, торцовые стороны 28—29 и 21—22 см. Свод опирается на северо-западную щипцовую стену. Примыкание осуществлено постепенным наращиванием отрезков дуги. Первый отрезок состоит из двух, второй — из трех, третий — из пяти кирпичей. Полный отрезок был пятым или шестым. Устройство самого свода хорошо прослеживается в юго-восточной трети помещения.

Трапециевидные лекальные кирпичи положены в своде так, что обращены внутрь помещения то широкой, то узкой торцовой стороной. Кладка свода велась таким образом, что каждая пара смежных трапециевидных кирпичей образовывала прямоугольный блок. На этом участке свод облицован двумя слоями штукатурки общей толщиной 3,5—4 см. Штукатурка двуслойная, внутренний слой коричневый, внешний зеленоватый, снаружи закопченный.

По вопросу о примыкании свода к противоположному, юго-восточному, щипцу можно отметить следующее. Щипцовая стенка здесь сохранилась на незначительную высоту, ненамного превышающую основание свода, поэтому можно судить лишь о нижней части этого сопряжения. На расстоянии ок. 1,5 м от щипцовой стены наклон отрезков начинает резко уменьшаться, причем у самой торцовой стенки он становится минимальным, приближаясь к вертикали. Нижняя часть последнего отрезка была «впущена» в плоскость щипцовой стенки. При минимальном наклоне вершина этого отрезка должна была отклоняться от вертикальной плоскости сравнительно незначительно. Но шель должна была образовываться. Возможно, что верхняя часть торца выкладывалась с таким нависанием, чтобы закрыть эту шель. Такой прием обычно применялся в среднеазиатских памятниках VI—VIII вв. Не исключено, однако, что выше были введены дополнительные (неполные) дуги отрезков.

Само по себе перекрытие коридорообразных помещений при их относительно больших пролетах (до 3,25 м) являлось довольно сложным делом, требовавшим от строителя большого мастерства и умения. Еще более сложные проблемы возникали перед ним при решении перекрытия над коленчатым поворотом в помещениях № 3 и 5.

В Средней Азии, по данным В. Л. Ворониной, в постройках рассматриваемой эпохи применялось несколько вариантов поворотов. Более примитивное решение дает Ак-Тепе, где «поворот галереи срезан, ширина ее значительно уменьшена и углы закруглены». Одновременно

применялся и другой прием: устройство трюпа на выходящем углу, пересечение оболочек свода, смыкание «в елочку» и др.³

Как же был осуществлен поворот на Аджина-Тепе? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нами была тщательно расчищена кирпичная кладка полочек и сводов не только со стороны помещений, но и сверху, так сказать, «в плане». Наши наблюдения и соображения можно суммировать следующим образом.

1. На выходящем углу располагался трюп. Сохранилась лишь та его часть, которая находится на юго-восточной стене помещения № 3, точно над проемом, ведущим в комнату № 8. Над аркой проема здесь два ряда горизонтальной кирпичной кладки. На них пять семи вписанных друг в друга концентрических арок. Внутренняя арочка состоит из трех кирпичей, начиная от нее наружу крылья арок становятся все более пологими. Кирпичи, образующие арки, положены тычком, что давало возможность большего выступления за плоскость стены. Длина трюпа ок. 1,25 — 1,3, высота 0,75—0,8 м.

2. На хорошо сохранившейся стене помещения № 3 основание свода на расстоянии 1,10 м от трюпа исчезает. Пространство между сводом и трюпом заполнено несколькими рядами горизонтальной кладки, положенной с нависанием, причем, судя по сохранившимся остаткам, свод, по-видимому, здесь имел «ступенчатый» характер, поднимаясь на трюп.

3. При одновременной расчистке кирпичей свода сбоку и в плане выяснилось, что последние отрезки свода близ трюпа, там, где начинается горизонтальная кладка, положены не по нормам к стене, а под некоторым углом. Еще более убедительно это удалось проследить при параллельной расчистке сверху и сбоку сводов, покоящихся на входящем углу. Сначала основания отрезков выложены там по нормам к стенам, по мере же приближения к углу кладка приобретает веерообразный характер.

Сопоставляя все эти наблюдения, можно предложить следующий вариант реконструкции свода. Соседние с трюпом кирпичи горизонтальной кладки по мере приближения к трюпу все больше выступали за плоскость стены, так что они были заподлицо с трюпом, а сверху заходили на него. Получалось скругление на очень большом пространстве. Вместе с тем пролет суживался и становился незначительно более широким, чем пролет основной части помещений. Недалеко от входящего угла отрезки переставали класться по нормам. Отрезки тут становились все более перекошенными по отношению к длинной оси, это достигалось, очевидно, путем расшивания швов. Таким путем заполнялась часть «мертвого» пространства, в результате оно приобретало вид неправильной трапеции. На выходящем углу отрезки опирались на опisanное выше скругление, идущее к трюпу и на самый трюп. Их пять должна была быть выше пяти других частей свода. Близ же самого входящего, противоположного трюпу, угла отрезки должны были выклиниваться. Получалась своеобразная веерная кладка.

Следует отметить большую смелость в решении свода на этом участке. По-видимому, у строителей был значительный опыт и большая традиция в сооружении сводов в Г-образных помещениях. Лишь поэтому они рискнули соорудить именно здесь высокий арочный проем, а

³ В. Я. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурн. наследство. 3, М., 1953, стр. 20 — 21.

над ним посадить, на большей высоте, чем это было бы необходимо, тропы, что вызвало дополнительные сложности.

Своды помещений № 3 и 5 имели наклон в одну и ту же сторону, по существу это был как бы единый свод, изломанный под прямым углом. Высота сводчатых помещений вместе с полочкой 3,0 — 3,1 м, предполагаемая высота до вершины свода — ок. 5 м.

В помещениях № 7 и 8 перекрытие было купольным. Стена состояла из трех рядов паховых блоков. Над ними идет полочка из трех—четырёх рядов горизонтально положенного кирпича. В углах были небольшие кирпичные тропы.

Лучше других сохранился тропы в северном углу помещения № 8. По каждой из стен тропы занимает 0,85 м. В центре несколько горизонтальных кирпичей, на них опирались три вписанные друг в друга арочки. На уровне этих арок начинается кладка свода горизонтальными дугами.

Кроме того, были обнаружены сводчатые коридорообразные помещения второго (верхнего) яруса. Их основания лежат на 0,5 м выше пят сводов основных помещений. Высота этих сводов второго яруса равна ок. 1 м, ширина 1,20 — 1,40 м. Их основания опираются на своды основных помещений. Кладка сводов верхнего яруса велась из лекального кирпича. Удалось проследить эти своды на юго-восточной стене помещения № 3, на стене, смежной между помещениями № 3 и 5, на внешней длинной стене помещения № 5. Назначение их абсолютно ясно — это разгрузочные своды. Дело в том, что пространство между смежными сводами и куполами должно было обязательно заполняться, иначе в эти пазухи попадала бы и застаивалась бы вода. Прием заполнения пазух комьями глины, кирпичом или пахсой, как это широко практиковалось в раннесредневековом строительстве Средней Азии, был в общем целесообразен, при его помощи, помимо прочего, достигалась большая жесткость конструкций.⁴ Нельзя не учитывать и другого — давления забутовки на свод и его разрушительного эффекта. Как известно, это давление в нижних частях свода равно весу нависающей части забутованного объема, причем оно должно было быть довольно значительным. Такое давление могло приводить к деформации свода. Поэтому строители Аджина-Тепы облегчили работу сводов, сделав часть пазушного пространства полым.

Шелыги сводов помещений и разгрузочных коридоров находились примерно на одном уровне. Судя по некоторым наблюдениям, над сводами шел слой пахсы, по-видимому, наверху была горизонтальная площадка. Над ее уровнем поднимались стены и перекрытия центральных помещений. Это вытекает из того, что оштукатуренные стены помещения № 12 поднимаются до нынешнего дневного уровня, почти на полметра выше уровня шелыг сводов.

Что касается арочных проемов, то они также представляют бесспорный интерес. Однако на их описании мы не имеем возможности остановиться. Отметим лишь, что все они выполнены клинчатой кладкой с замковой частью, выложенной «в елочку».

⁴ Известно, что в римских сводах по каркасу из кирпичей, уложенных плашмя, боковые части свода-каркаса надо было забутовать, иначе из-за недостаточной жесткости получался изгиб свода и его разрушение под влиянием собственного веса — О. Шугази. Строительное искусство древних римлян. М., 1938, стр. 52, рис. 28—29. Хотя и в значительно меньшей степени, этот фактор действовал и в сводах типа введенных на Аджина-Тепы.

Датировка Аджина-Тепы и отдельных периодов его существования сейчас может быть дана лишь суммарно, так как нумизматическая коллекция еще не обработана. В целом памятник может датироваться VI—VIII вв., может быть, нач. IX в., причем граница между первым и вторым периодом проходит на рубеже первой и второй четверти VIII в. н. э.

Итак, раскопки Аджина-Тепы поднимают множество проблем, которые при нынешней изученности памятника не могут быть решены, а порой даже освещены с достаточной обстоятельностью и убедительностью. Укажем лишь на некоторые.

Чрезвычайно существенен вопрос об общей планировочной схеме восточной половины Аджина-Тепы. По-видимому, она была строго симметричной.

Изучение микрорельефа заставляет предполагать, что по главным осям, в середине каждой стороны, располагались центральные, открытые в сторону двора глубоким вестибюлем-айваном помещения. Они были соединены между собой сложной системой вытянутых и квадратных помещений, группировавшихся вокруг квадратного двора. Если эта догадка подтвердится, то Аджина-Тепы явит собой ранний пример дворово-айвановой композиции, столь широко распространенной в средневековом зодчестве Средней Азии.

Архитектурно-строительные приемы и решения, примененные строителями Аджина-Тепы, неразрывно связаны со среднеазиатским зодчеством VI—VIII вв. Однако их нельзя отождествить с применявшимися в согдийско-усрушанской, ферганской, хорезмской или северно-хорасанской архитектурных школах. Свообразие прослеживается как в отношении планировочно-композиционных решений, так и в части отдельных конкретных архитектурно-строительных приемов. Проиллюстрируем это одним примером. В Хорезме своды выводились из специального трапециевидного кирпича, причем примыкание к исходной щипцовой стене осуществлялось путем постепенного наращивания наклонных частей дуги.⁵ В Чаче для выкладки сводов применялся кирпич прямоугольного формата, но в некоторых случаях у вершины кривой он стесан до клинчатых очертаний.⁶ На Мунчак-Тепе своды выложены из такого же кирпича, что и стены,⁷ аналогичную картину дают и шахристанские памятники,⁸ причем на Мунчак-Тепе отрезки у щипцовой стены наращивались постепенно.⁹ На Афрасиабе зарегистрировано перекрытие помещения сводами, сложенными из подтесанного кирпича, имевшего слегка клиновидную форму,¹⁰ в Пенджикенте же «у шельги вперемежку с прямоугольным шел в кладку и трапециевидный кирпич»,

⁵ В. Л. Воронина. Строительная техника Древнего Хорезма. Тр. Хорезмск. археолого-этногр. эксп., I, М., 1952, стр. 94 и сл.; Она же. Древняя строительная техника..., стр. 18—19.

⁶ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Тр. Ин-та ист. и археол. АН Уз. ССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 148.

⁷ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника..., стр. 19.

⁸ Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1957 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. СШ, 1959, стр. 104.

⁹ В. Л. Воронина. Архитектурные памятники Древнего Пенджикента. МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 121—122.

¹⁰ В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе (раскопки В. Л. Вяткина, в мае—июле 1925 г.). Изв. УзФАН, Ташкент, № 12, 1940, стр. 66, рис. 4.

причем к исходной щипцовой стене здесь примыкает сразу полный отрезок свода.¹¹

Конструкция сводов VI—VIII вв. в памятниках Южного Туркменистана в интересующем нас отношении в литературе отражения не получила.¹² Таким образом, характерного для Аджины-Тепа сочетания в сводах кладки из трапецидальных кирпичей и примыкания свода к щипцовой стене наращиванием отрезков не отмечено ни в одном из районов Средней Азии.

Еще более существенно наличие разгрузочных сводчатых коридоров, до сих пор не известных ни для одного из среднеазиатских памятников VI—VIII вв. Это открытие существенно и в другом отношении, ибо дает ключ к решению вопроса о генезисе «карликовых галерей» некоторых средневековых памятников Средней Азии и Ирана. В трудах архитекторов сейчас обычно излагается теория, согласно которой эти карликовые галереи выводятся из культовых обходных галерей доисламских культовых сооружений Средней Азии.¹³ Эта теория, однако, не подкреплена конкретной аргументацией. Представляется более рациональным видеть исходный прототип этой средневековой формы в чисто конструктивных карликовых разгрузочных галереях Аджины-Тепы, которые, как показывают раскопки, гроходили и по внешнему контуру сооружений.

РАЗВЕДКА

В отчетном году производилось дальнейшее изучение археологических памятников, расположенных в зоне действия древнего канала Кафыр. Южнее Чор-гуль-тепинской группы, обследованной в 1960 г., трасса древнего канала шла, прижимаясь к подножию Ак-Газинского плато; создавался тем самым необходимый для магистрального канала более высокий уровень к орошаемой им территории. В настоящее время сохранился хорошо видимый в рельефе участок канала во 2-м отделении совхоза им. Кирова, врезающийся в край плато. С перерывами канал прослеживается далее на участке от пос. Вахшстрой до места пересечения современного канала Кумсангир с УЖД. Особенно четко он виден к югу от пос. Вахшстрой, где край плато не занят современными постройками. Здесь канал врезается в плато, имеет только один правый вал. Дно плоское, заросшее травой. — видимо, его неоднократно возделывали в недавнее время. Высота правого вала (со стороны ложа) 1,93—1,5 м, ширина ложа до 5 м.

Далее на юг канал в целом следует рельефу плато, отклоняясь от него только там, где имеются глубокие западины. Однако на таких участках не сохранилось достаточно четких остатков канала, позволяющих сделать надежные промеры, но направленные его трассы хорошо видно.

Постепенно канал отклонялся от возвышенности Ак-Газа. На планшетах аэрофотосъемки, сделанной в 30-х годах, хорошо видны валы древнего канала на этом участке. В настоящее время здесь сохранились два отрезка канала: северный (около 100 м) и южный (300 м) в

¹¹ В. Л. Воронина. Древняя стропильная техника..., стр. 19, рис. 18; Она же. Архитектурные памятники Древнего Пенджикента, стр. 121.

¹² Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 125 и сл.; Она же. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 224—225.

¹³ В. Л. Воронина, К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXVII, 1954, стр. 45; Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 320—322. Повторяется без дополнительной аргументации в других работах.

виде невысокого (до 2 м) уплощенного вала, имеющего максимальную ширину по основанию около 12 м.

Примерно от места, где современный канал Кумсангир пересекается с узкоколейной железной дорогой, магистральный канал Кафыр снова хорошо прослеживается. До этого места вся трасса канала имела общее направление с севера на юг. Здесь канал поворачивает в сторону Кызыл-Тумшука (северной оконечности Ак-Баша), пересекая урочище Кара-Алан в направлении восток—запад (с отклонением от этой ориентации на отдельных участках). Общая протяженность этого участка канала около 8 км. Сохранность трассы канала здесь неодинакова на разных отрезках. К востоку от кишлака Беш-Копа отвалы канала частично заняты полотном УЖД, изменившим облик остатков канала настолько, что мы можем только наметить направление его трассы. Далее на запад на отвалах канала располагаются постройки современного селения Беш-Копа.

Хорошо сохранился канал в 4—5 км к юго-западу от кишлака Беш-Копа, на подходе к Кызыл-Тумшуку. Поскольку эта часть урочища Кара-Алан довольно пониженная, древним ирригаторам пришлось строить насыпную дамбу и уже по ней проводить канал. Остатки дамбы и канала выглядят в настоящее время как мощный вал, тянущийся на протяжении нескольких километров по местности, заросшей камышом и колосниками. Общая высота отвалов канала вместе с дамбой около 8 м, ширина дамбы по основанию до 50 м, ширина ложка канала 13—15 м. Неподдалеку от железнодорожного столба с отметкой 163—164 км сохранился древний отвод от магистрального канала, идущий к современному кишлаку Таш-Рабат, также проложенный по насыпной дамбе. Сохранившаяся высота его отвалов вместе с дамбой равна 3 м, ширина дамбы по основанию равна 16,5 м, ширина русла канала—6 м.

Близ селения Беш-Копа расположена группа древних поселений. Она состоит из нескольких памятников, в числе которых два городища—Кафыр-Тепе¹⁴ и Кухна-Шахр явились объектами работ в 1961 г.

Оба городища расположены в непосредственной близости от древнего Кафыра. Валы канала хорошо видны под постройками кишлака. На северо-восток от Беш-Копы, вниз по течению канала, сохранился участок отводного рукава магистрального канала, подводившего воду к небольшому поселению, остатки которого в виде двухчастного тепе¹⁵ расположены в 2 км от кишлака. Сохранность отводного рукава канала очень плохая (его перерезают железная и шоссеная дороги) и потому удалось определить только примерную высоту его отвалов (вместе с насыпной дамбой?)—3,5 м.

Для более точного определения возраста поселений Беш-копинской группы были заложены стратиграфические шурфы на обоих городищах, доведенные до материка.

Место для шурфа на городище Кафыр-Тепе¹⁶ было выбрано на одном из крупных всхолмлений внутри городских стен. Шурф прорезал остатки постройки из крупных пахсовых блоков и прямоугольного сырцового кирпича, возведенной на выравнивающем древний уровень слое плотной глины с примесью золы и мелкого угля. Толщина этого фунда-

¹⁴ Впервые обследовано А. М. Беленицким в 1947 г.—см. А. М. Беленицкий. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 142—143.

¹⁵ См. Т. И. Зеймаль. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г.

¹⁶ Описание внешнего вида городища см. А. М. Беленицкий. Уж. соч., стр. 142—143.

мента от 50 до 70 см. Под ним тонкий слой коричневатой глины и материк. Пол помещения на 70 см выше основания его стен, на нем толстый слой гумусных наслоений, зола и угли, обломки посуды. Там же найдена медная монета с круглым отверстием, что позволило датировать здание (а вместе с ним и все городище, поскольку оно однослойное, как показал шурф) VII—VIII вв. Не противоречит этой дате полученный из шурфа керамический материал, как собранный на полу помещения, так и найденный в завале над ним: фрагменты стенок и венчиков крупных хумов, покрытых сверху красным или светло-желтым ангобом; обломки кувшина с вяло опущенной ручкой; фрагменты стенок и донцев небольших кувшинов, по плечикам которых проходит орнамент из прочерченных гребнем горизонтальных полос.

По другую сторону канала Кафыр, в 500 м к северу от Кафыр-Тепе, располагаются остатки крупного поселения, называемого местным населением Кухна-Шахр. Поселение не имеет четких очертаний и границ—они определяются встречающимися в большом количестве фрагментами керамики, обломками жженого кирпича на поверхности и в обрезах современных сбросовых каналов. Примерная площадь поселения равна 10 га. На территории поселения находятся два овальных высоких тепа, расположенных поблизости друг от друга. На склоне одного из них была заложена траншея-врезка, материал из которой свидетельствует о двух этапах жизни тепе: раннесредневековом (VII—VIII вв.) и средневековом (X—XII вв.). Траншея прорезала остатки постройки из пахсовых блоков, возведенной на специально сделанной платформе из битой глины (толщиной 65—70 см), поверх которой шла кладка в 1 ряд из прямоугольного сырцового кирпича, обмазанного толстым слоем коричневой глины. Платформа выравнивала поверхность древнего горизонта. С остатками постройки связываются весьма немногочисленные находки обломков керамики: венчиков хумов с подпрямоугольным в сечении профилем, крышек хумов, фрагментов кувшинов с горизонтально прочерченными полосами по плечикам, чирога-чашечки обычной для VI—VIII вв. формы, фрагменты лепных кухонных котлов.

Позже VIII в. жизнь на этом месте продолжалась. Но в пределы шурфа не попали остатков какого-либо строительного комплекса, хотя строительный мусор (обломки жженого кирпича, куски ганча и др.) в большом количестве встречается в верхних ярусах. Видимо, траншея-врезка задела часть двора. В северном обресе траншеи хорошо виден уровень верхнего жилого горизонта с выстилкой из сырцового кирпича, зольниками поверх нее и небольшой прямоугольной в сечении ямой, спущенной с этого уровня.

Находки из верхнего жилого горизонта состоят из многочисленных фрагментов поливной, неполивной и расписной посуды обычных для X—XII вв. форм.

Неполивная посуда представлена обломками крупных чаш—тагора, желтоглиняных и красноглиняных кувшинов разных размеров, кухонных котлов с полукруглыми ручками, украшенными насечками.

Значительную часть находок составляют обломки лепных светло-ангобированных расписных сосудов. Мотив росписи геометрический (ромбы, сплошь залитые треугольники, «шахматная доска» и т. п.).

Поливная посуда представлена в основном обломками открытых мисок на кольцевом поддоне. По светлому ангобу коричневой или светло-коричневой краской наносился стилизованный буквенный орнамент.

располагавшийся по краю миски или по ее диаметру. Остальные формы представлены фрагментами чироба с округлым резервуаром и петлеобразной ручкой, обломком тувака с двухсторонней зеленой поливой, маленькой чашечкой на поддоне с округлыми стенками и двухсторонней поливой бело-зеленого тона.

Представляется возможным так реконструировать жизнь на этом поселении: в VI—VIII вв. жили только на месте двух тепе, являвшихся небольшими усадьбами рядом с городищем Кафыр-Тепе; в средневековье на их развалинах и поблизости располагалось крупное неукрепленное поселение.

Остальные памятники Беш-копинской группы, судя по подъемному материалу, относятся ко времени раннего средневековья. Таким образом, эта группа памятников дает те же даты функционирования канала Кафыр, что и Чор-гуль-тепинская группа — с VI—VII по XII—начало XIII в.

Помимо работ, связанных с изучением древней ирригационной системы Кафыра, отдельными группами отряда производилось детальное обследование (с наибольшими раскопочными работами) памятников Вахшской долины, расположенных вне зоны действия древних каналов.

Небольшие разведочные работы велись отрядом в долине р. Кафирниган, в левобережной ее части. На землях совхоза им. Гагарина, в 35 км на юго-восток от пос. Кабадан до недавнего времени находилось несколько близко расположенных друг к другу тепе. При планировке хлопковых полей они были уничтожены за исключением одного небольшого (30×30×2 м) тепе близ кишлака Чимгалыш. На его поверхности и особенно вокруг на хлопковых картах собрано большое количество различной керамики, как фрагментированной, так и целых форм. В 50 м на северо-восток от тепе при прокладке арыка местными жителями был найден небольшой клад кушанских монет в количестве 10 шт. Монеты принадлежат чекану Вимы Кадфиза и Канишки.

В северо-западном углу тепе, в наиболее высокой его части, был заложен шурф (№ 1) размером 2×6 м, ориентированный длинной стороной в направлении запад—восток. Шурф прорезал остатки двух помещений, расположенных одно над другим, относящихся к разным зданиям. Однако разрыв во времени между двумя помещениями, по-видимому, невелик, так как строители верхнего здания использовали стены нижнего помещения в качестве фундамента, срезав и выровнив верха стен.

Нижнее помещение возведено непосредственно на материке. В шурф попали три стены его, сохранившиеся на высоту около 2 м, сложенные из пахсовых блоков. Помещение имело вид узкого коридора (шириной в 1 м 70 см), проходило по всей длине шурфа (6 м), продолжаясь за его пределами на восток. Стены были покрыты саманной штукатуркой, поверхность пола имела несколько слоев обмазки с выкружкой на подходе к стенам. На полу помещения стояли 2 хума.

Стены верхнего помещения целиком сложены из сырцового кирпича (размеры 40×40×10—12 см), обмазаны сверху саманной штукатуркой и слоем ганча. В шурф попала западная стена и часть южной, причем направление стен совпадало с направлением стен нижележащего коридора. Вблизи стен четко прослеживается поверхность пола. На полу помещения (у южного обреза шурфа) хум.

Почти все добытые из шурфа находки относятся к периоду обживания нижнего помещения и времени его заупустения. В пол помещения

были вкопаны 2 хума высотой 92 и 96 см с выпуклым дном (диаметр его 38 см), с максимальным диаметром венчика 50 и 64 см, с покатыми плечиками и слабо профилированным венчиком. Хумы леплены от руки с подправкой на круге лишь венчика, хорошего равномерного обжига, покрыты сверху зеленовато-желтым или розоватым ангобом. Венчики хумов уплощенные, с подтреугольным в сечении валиком, расположенным в месте перехода венчика к округлым плечикам. Один из хумов на плечике имеет знак, прочерченный до обжига в виде отрезка крутой волнистой линии (рис. 4). На полу помещения (уровень VI яруса) найдено несколько фрагментов небольших хумча, профили венчиков которых повторяют собой описанные выше.

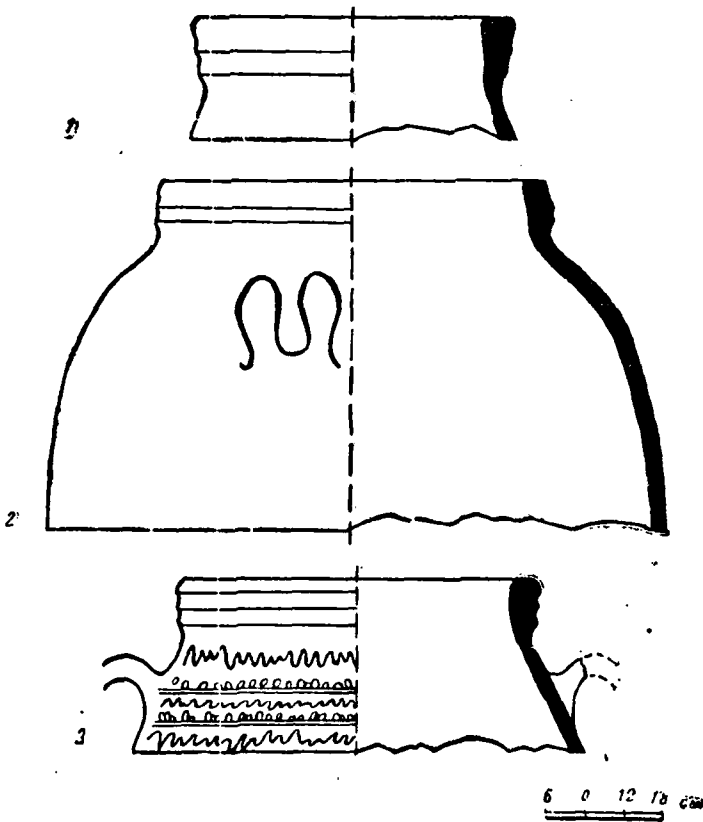


Рис. 4. Чимгалыш-Тепа. Хумы и корчаги.

К крупным формам сосудов относятся обломки больших корчаг с широким горлом и профилированным венчиком. По покату плечика проходит орнамент в виде крутой волны в несколько рядов. Черепок в изломе имеет равномерно красный цвет, сверху покрыт светлым ангобом. Тесто с примесью крупного песка. Видимо, этому типу сосудов принадлежат находимые в том же слое крупные петлеобразные ручки чуть вытянутой формы. Интересна способом своей формовки тагора—большая открытая миска с прямо расходящимися стенками, сделанная из грубого теста с примесью песка: на ее внешней поверхности заметны от-

печатки ткани. Видимо, она изготовлялась в специальной форме, в ней сушилась, а затем уже обжигалась. Край тагора отогнут горизонтально и по нему проведена глубокая волнистая борозда. Другой тип тагора имеет отогнутую закраину, стреловидную в сечении, иногда украшенную по наружному краю насечками. С внутренней стороны тагора покрывает светлый ангоб.

Значительную часть фрагментов, собранных на полу нижнего помещения, составляют обломки лепных котлов, сделанных из грубого теста с примесью дресвы, мелкотолченого кварца и извести. Котлы имеют шаровидное тулово, треугольный в сечении венчик, слегка приостренный вверху. Ручки или в виде полукруглой скобы, или в виде невысокого горизонтального выступа. Все котлы имели округлое дно, в некоторых случаях с ребром-перегибом в нижней части (по-видимому, результат отдельной формовки дна в форме, после которой донная часть котла присоединялась к тулову и на месте их стыка получалось ребро). Разные формы дают миски (стенки прямые и с перегибом), покрытые с внутренней стороны красным ангобом. Ангоб заходит узкой каймой на наружную поверхность миски.

К единичным находкам относятся обломки тонкостенной кружки (фрагмент края и стенки), покрытой снаружи красным ангобом, с петлеобразной ручкой, прикрепляющейся к тулову; обломки красноглиняного кубка с красным ангобом и полосчатым лощением поверх него.

В завале над полом нижнего помещения в основном повторяется материал, собранный с поверхности пола. Те же корчаги с петлеобразными ручками и волнистым орнаментом по плечикам (рис. 4), лепные котлы с формовочным перегибом-швом в нижней части и полукруглы-

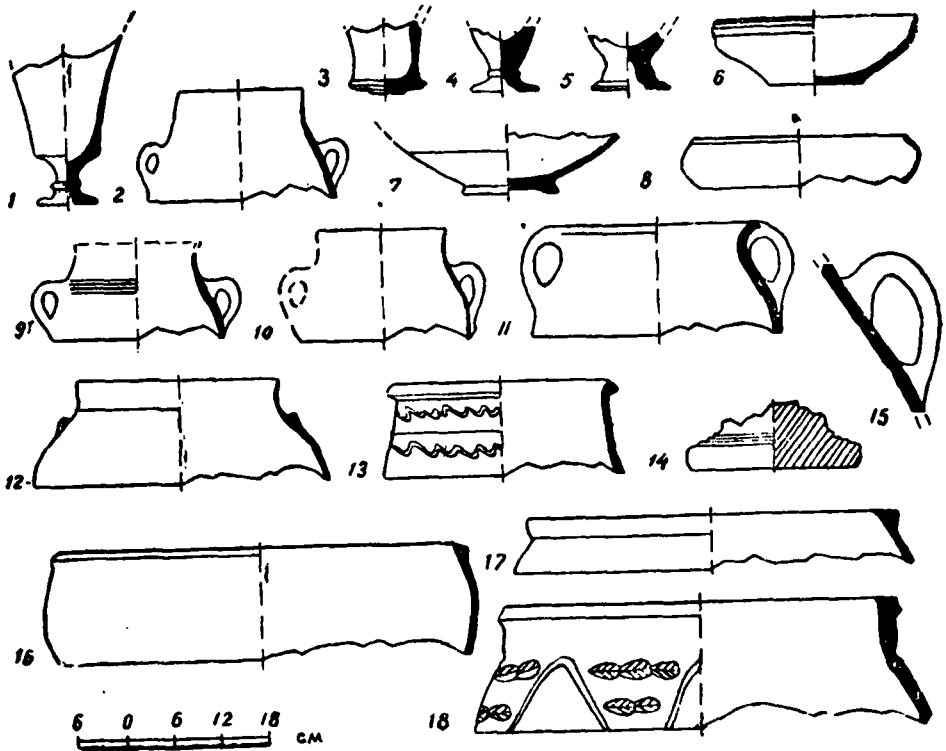


Рис. 5. Чемгалыш-Тепа. Керамика.

ми ручками, украшенными вмятинами от пальцев; фрагменты красноглиняных кубков с вертикальным полосчатым лощением по ангобированной поверхности (рис. 5). Интересна форма толстостенного кубка (?) с лощением по ангобу: стенки его вертикальны, с резко подчеркнутым перегибом в виде валика при переходе к ножке. При небольших размерах сосуд поражает своей массивностью и грубостью выделки, необычной для такого рода форм. Миски дают дополнительные формы: с вогнутыми внутрь краями, миски на плоском поддоне с углублением на зеркале, с резко отогнутыми краями (красноангобированные и сероглиняные с черным ангобом) (рис. 5).

Из новых форм в завале встречены обломки сосуда баночной формы с подтреугольным в сечении венчиком, хорошего теста и обжига, с орнаментом в виде двух прочерченных волн, проходящих под венчиком. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом, заходящим полосой на внутреннюю сторону. К единичным находкам относится основание подставки для светильника, часть сосуда с сильно покатыми плечиками, к которым прикреплена петлеобразная вытянутая ручка, чуть сужающаяся книзу. Подобные ручки несколько иной формы, но с тем же сужением в нижней части встречаются в значительном количестве по всей глубине заполнения нижнего помещения. Это одна из характерных особенностей всего рассматриваемого комплекса керамических находок. Другой особенностью является наличие красного ангоба (светлого по преимуществу тона или коричневатого) на поверхности сосудов, причем часто покрытие им бывает неполным: у сосудов открытых форм он покрывает внутреннюю поверхность, а снаружи проходит лишь узкой каймой; у сосудов закрытых форм—верхнюю половину, заходя полосой внутрь.

Отсутствие надежно датирующих предметов как на поверхности пола, так и в заполнении позволяет датировать нижнее здание и период его запустения довольно широко—I в. до н. э.—II в. н. э.

Что касается верхнего помещения, то оно возведено вскоре после того, как было брошено нижнее. Материал первого яруса целиком относится к верхнему жилому горизонту шурфа. Принципиально он ничем не отличается от нижележащего. По-видимому, правильное верхнее здание отнести ко времени I—II в. н. э.

Собранный вокруг Чимгалыш-Тепе подъемный материал очень обилен и разнообразен, что, несомненно, свидетельствует об интенсивной жизни в этом районе в первых веках нашей эры.

Помимо вышеперечисленных работ, специальная группа обследовала и начала раскопки курганов в низовьях Вахша, на его правобережье.

В местности Палван-Тугай, в 6 км севернее кишлака Якка-Писта, находится могильник, названный Вахш I. Могильник занимает площадь 250×450 м. Здесь было вскрыто ок. 20 погребений—катакомб, давших керамику, близкую по облику к мургабскому варианту Намазга VI. Обильный и своеобразный материал показывает, что здесь существовала особая культура, которую пока можно датировать в широких пределах второй пол. II тыс. — нач. I тыс. до н. э. (предлагаем ее назвать «вахшской культурой»). Ее появление следует, возможно, связывать с передвижениями позднеанауских племен. В свою очередь «вахшская культура» явилась субстратом, на котором возникла древнебактрийская культура. Возникающие сложные проблемы могут быть решены лишь с накоплением нового материала.

А. МУХТАРОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ОТРЯДА ПО СБОРУ НАСКАЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ И АКТОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В 1961 г.

В 1959 г. сектор истории средних веков Института истории им. А. Дониша приступил к систематической фиксации и сбору наскальных и надмогильных надписей и приобретению актов юридических документов у населения районов республики. Работы были начаты в верховьях Зеравшана — в Фальгаре и старой Матче. Здесь было обнаружено около 70 надписей на скалах и кайраках, датированных VI—XIV вв. х. (XIII—начало XX в). На одном из кладбищ кишлака Шамтич нам удалось обнаружить новую надпись Бабура, датированную 907 г. х.¹ (рис. 1).

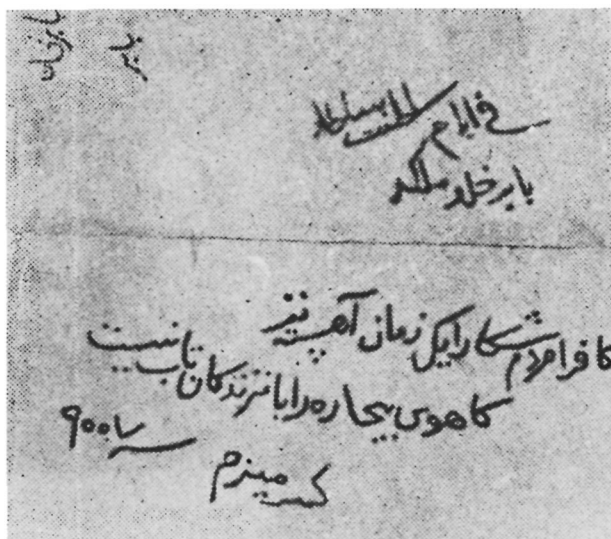


Рис. 1. Надпись Бабура 907 г. х. (1501—1502) с кладбища кишлака Шамтич.

Самые интересные из надмогильных кайраков это те, где среди прочих титулов упоминается термин «дихкан». Такие кайраки из кишлака Оббурдон (Матча) датируются 616 г. х. (1219), из кишлака Шамтич (Фальгар) 843 (1439—1440)—850 гг. х. (1446). На оббурданском кайраке значится полное имя покойника:

ابو نصر احمد بن
الشيخ الامام دهقان امام محمد ابن ابوسيد الغازي

В Шамтиче на могилу одного и того же лица было возложено два надгробия. На первом кайраке с датой 843 г. х. (1439—1440) читается:

شيخ دهقان ابن شيخ مبارك ابن شيخ حيدر شمتيجي

¹ Подробно об этом см. А. Мухтаров. Надписи с именем Бабура в верховьях Зеравшана. Докл. делегации СССР на XXV международном конгрессе востоковедов, М., 1960.

На втором, датированном 848 г. х. (1443), вырезано: *شيخ دهقان امير بن شيخ مبارك ابن شيخ محمد شميتيحي*

Кайрак, датированный 850 г. х., был возложен на могиле сына того, чье имя здесь указано: *شيخ ابو الاسحاق بن شيخ دهقان امير بن شيخ مبارك*

На кайраке, датированном 893 г. х. (1488), вырезано имя шейха Абу-л-Исхака, но уже без упоминания слова «дихкан».

В 1961 г. отряд обнаружил еще несколько кайраков, где встречается термин «дихкан», и на двух кайраках, датированных 901 г. х. (1495—1496), это слово написано во множественном числе—«дахокин» (*دهاقين*) (рис. 2).

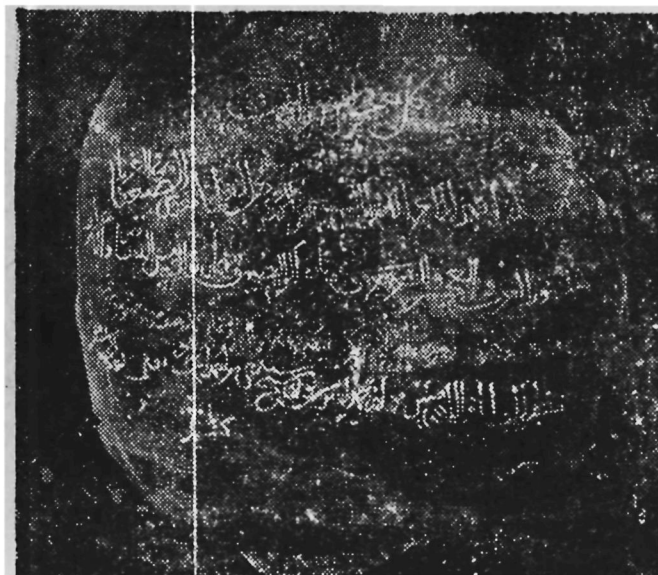


Рис. 2. Намогильный кайрак из кишлака Оббурдон с датой 901 г. х. (1495—1496) и термином «дахокин».

Кайраки с упомянутым термином требуют дальнейшего тщательного изучения. Однако некоторые предварительные выводы можно сделать уже сейчас. Во всех надписях речь идет не о простых дихканах-земледельцах, а о людях, которые на феодальной лестнице стояли выше простых тружеников. Об этом свидетельствует место обнаружения кайраков: они лежали не на общем кладбище, а в мазарах, где обычно хоронили богатых и ученых людей, и на так называемом кладбище ходжей (в кишлаке Оббурдон), где в основном похоронены привилегированные лица, возводящие свое происхождение к пророку Мухаммеду. Об этом же свидетельствуют многочисленные титулы покойных. Кроме того, простым крестьянам было, конечно, не по карману заказывать столь дорогие надгробия мастерам каллиграфии.

Из научной литературы известно, что в начале XI в. дихкане были еще в силе, даже имели собственные вооруженные отряды. Однако в течение XI—XII вв. с переходом безусловного землевладения (у дихкан) в условное (в форме икта) происходит исчезновение дихканства. По

именно Б. Г. Гафурова, дикханство растворилось в массе новых феодальных землевладельцев, которых он считает иктадарами. Существенным отличием дикхан от иктадаров было то, что они владели землей на правах милька. Постепенно дикхане слились с массой владельцев мильков, т. е. если первоначально именно дикхане были владельцами мильков, то к XII в. дикханство как особый класс крупных землевладельцев исчезает. В письменных источниках по истории Средней Азии XI—XII вв. соответствующих сведений почти не имеется. Поэтому для выяснения этого вопроса ученые обычно обращаются к истории соседних стран, в частности Ирана. Недостаток этого метода, основанного на привлечении аналогий, состоит, в частности, в том, что он не дает возможности выявить конкретные особенности развития феодализма в Мавераннахре.

Как явствует из приведенного выше, в изучении истории дикхан-феодалов большую пользу может оказать эпиграфический материал. Сейчас мы вправе утверждать, что в данные о времени существования в Средней Азии этой части класса феодалов следует внести кое-какие поправки. Предварительный, беглый анализ материалов, обнаруженных в 1959—1961 гг. в Матче и Фальгаре, показывает, что дикхане в своем первоначальном значении особого класса феодалов, очевидно, существовали в этих глухих горных районах и после монгольского периода — вплоть до XVI в.

В числе других кайраков, обнаруженных отрядом, имеются надгробия на могилах женщин и детей. Почти под всеми надписями на кайраках и скалах (за исключением вольнодумных) можно прочесть имена резчиков. Это дает возможность в дальнейшем установить генеалогию многих пока неизвестных поколений каллиграфов.

В том же 1959 г. в названных районах отряд приобрел более 200 актов юридических документов, датируемых XVII—началом XX в. Это ярлыки о назначении на разные должности, постановления об освобождении от налогов на землю, рабочий скот, рабов, мельницы, акты раздела наследства, из которых можно узнать о наличии земли у крестьян, и т. п.

В 1960 г. отряд продолжал свою работу на территории Кулябской группы районов и на Памире. Следует отметить, что надписи были обнаружены в Кулябе только на известном мазаре Сеид эмира Хамадани и (одна надпись) в кишлаке Лангари-Шо (б. Муминабадский район). Эти надписи датируются XIX в. Актовых документов здесь приобрести не удалось.

На Памире отряд собрал более 50 наскальных надписей, датируемых XVIII—началом XX в. Содержание их различно. Есть религиозные тексты. На некоторых скалах запечатлена история проведения оросительной системы, продажи земли, имеются надписи, повествующие о нужде крестьян в оросительной воде. Техника памирских каллиграфов во многом уступает зеравшанской.

Летом 1961 г. наш отряд, руководимый автором, в составе младшего научного сотрудника Н. Касимова и двух старших лаборантов — Р. Гусейновой и В. Ибрагимова продолжил свои поиски в районах Старой Матчи и Фальгара. Начав работы на территории малодоступной части Матчи в Зеравшанском леднике, отряд двигался вниз по течению Зеравшана до кишлака Урмитан. В ходе работ мы побывали почти во всех долинах, расположенных по обоим берегам Зеравшана (Гузи, Сурхат, Тагоби-Оббурдон, Дарх). Нам собрано 100 надписей и 530 актов

вых документов. В кишлаке Оббурдон удалось обнаружить кайрак с датой 484 г. х. (1091—1092) (рис. 3) и два кайрака с датой 591 г. х. (1194—1195) (рис. 4). Всех кайраков, датируемых домонгольским временем, насчитывается девять. Большинство надписей, найденных в 1961 г., преимущественно датируется XIV—XV вв. и находится в кишлаке Оббурдон. Из 40 надписей, обнаруженных здесь, можно узнать множество фактов, интересующих историков. Так, на камне, лежавшем на левом берегу Зеравшана, среди прочих стихов вырезаны даты двух этапов постройки моста от Оббурдона через Дашти-Хартарош на кишлак Камодон. Второй этап датируется 1078 г. х. (1667—1668), четвертый—1197 г. х. (1782—1783) (рис. 5). Промежуток между вторым и четвертым этапами строительства составляет 115 лет, следовательно, каждые 55—60 лет мост через реку обновлялся.

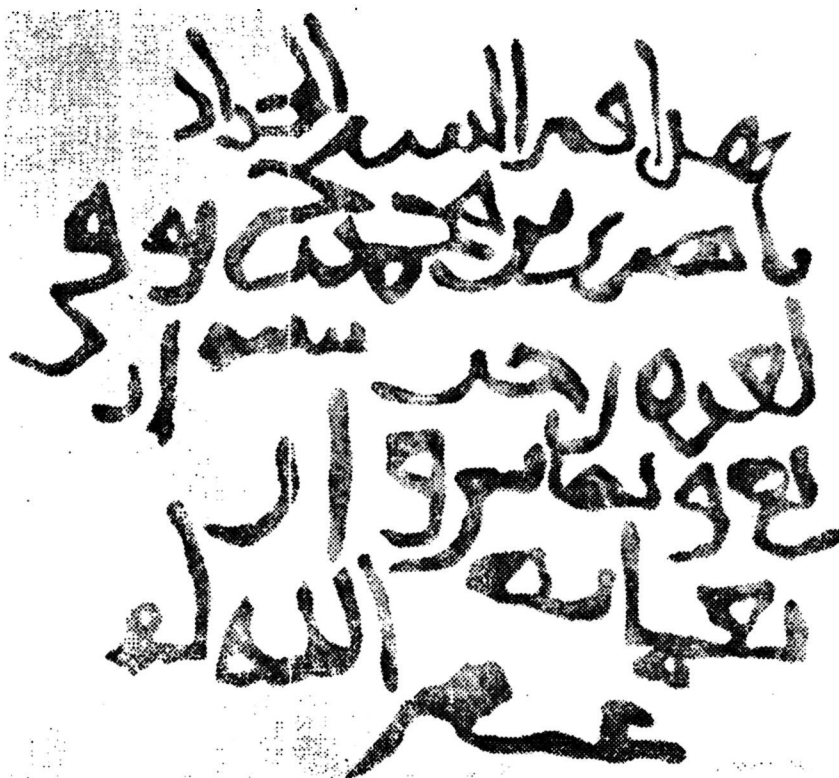


Рис. 3. Намогильный кайрак из кишлака Оббурдон, 484 г. х. (1091—1092).

Привлекают внимание пять надписей резчика Ходжи Махмуда. Вокруг Оббурдона сняты три его надписи. Одна обнаружена на мосту кишлака Камодон (8 км от Оббурдона) и одна за селением Ривомутк (20—25 км вверх от Оббурдона). Надписи Ходжи Махмуда мы находили и на кайраках. Его стихи датируются концом XIV и началом XV в.: 791—802 г. х. (1388—1389—1399—1400). Очевидно, он был одним из поэтов того времени, но этот вопрос требует дальнейшего изучения. Мы узнали имена его сына и внука. На могиле последнего найден кайрак с элегией, датируемой 892 г. х. (1486—1487). Один из его стихов, вырезан-



Рис. 4. Намогильный кайрак из кишлака Оббурдон с датой 591 г. х. (1194—1195).

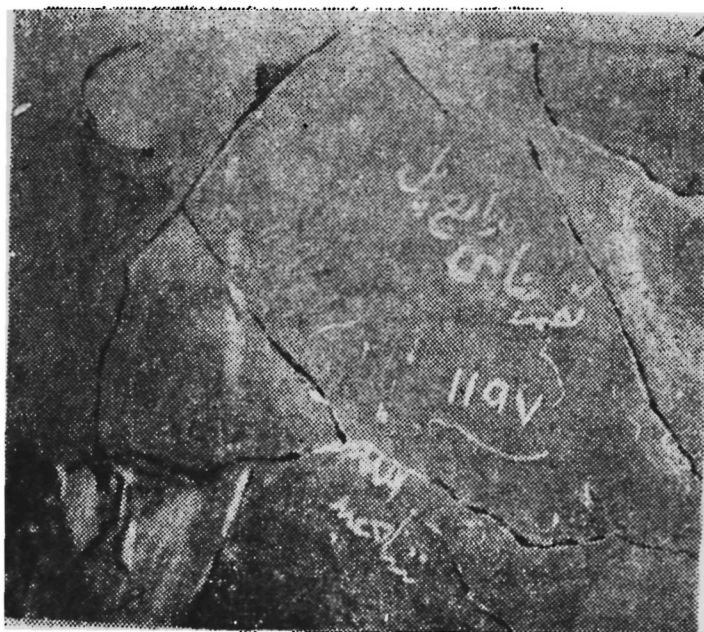


Рис. 5. История четвертой очереди постройки моста из кишлака Оббурдон в кишлаке Камодон в 1197 г. х. (1782—1783).

ный у старой дороги на границе Фальгара и Матчи, начинается словами: «Бар сари Шоҳ роҳ бар сари санг навиштам хате...—«У начала Царской дороги сделал я надпись на камне...».

Недалеко от этого места (300—400 м к востоку) имеется родник под названием Шорох. Возможно, это и есть Шоҳ роҳ. На том же камне, справа от надписи Ходжи Махмуда, вырезаны другие следующие стихи. на наш взгляд, принадлежащие Бабуру (рис. 6):

Ба ҳеч ёр мадеҳ хотиру ба ҳеч диёр,
Қи бару Баҳр фароҳасту, одами бисёр.
Г-рат хазор бадеъ ул ҷамол пеш ояд,
Ҷубин бигзару хотир ба ҳеч кас маспор.

Катабаху Мирам 907.

«Не привязывайся ни к какому другу и ни к какой стране,
Ибо суша и море просторны, а человечество многочисленно,
И если тысячи красавцев придут к тебе,
Ты посмотри (на все это и), проходи, но сердце никому не отдавай.
Вырезал (это) мирам (мой мир)».

Делая доклад о надписях Бабура (упомянутый в сноске на стр. 93), мы располагали только сведениями Дневника Искандер-Кульской экспедиции² и основывали свои выводы, беря во внимание места распо-

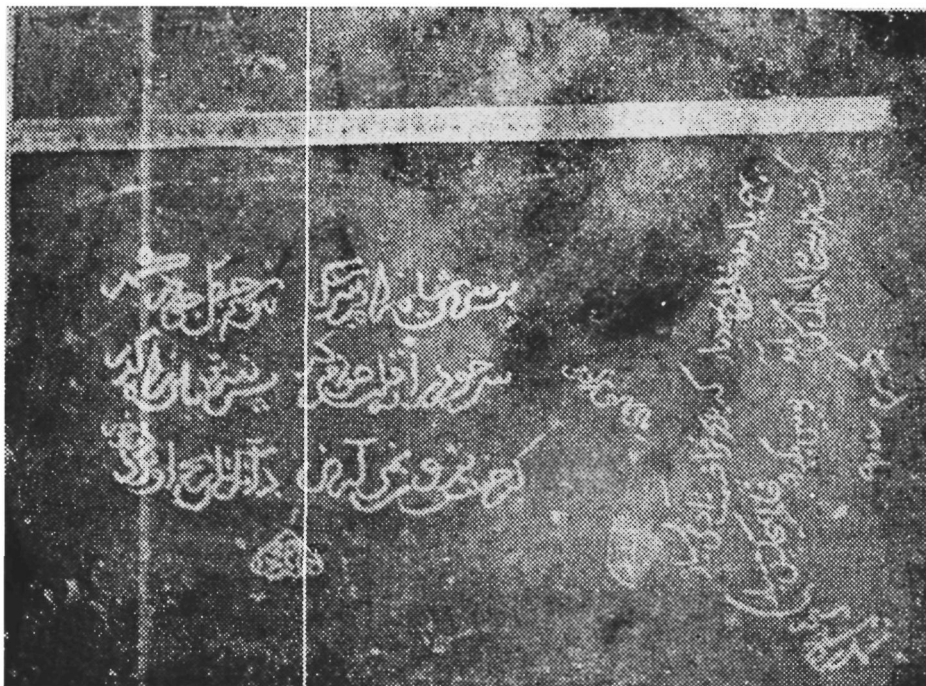


Рис. 6. Надписи Ходжи Махмуда и Бабура.

² Дневник, веденный во время Искандер-Кульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 г. См. Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения (АН СССР). Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 100—102 (мы воспользовались фотокопией рукописи, которая хранится в Институте языка и литературы АН Тадж. ССР).

ложения камня, подпись и т. д. Обнаружение последнего камня подтвердило наши предположения еще по двум признакам—почерку и дате (в дневнике надпись приведена без даты). Сопоставление почерка этой надписи с шамтичской (обнаруженной в 1959 г.), где вырезано имя Бабура, свидетельствует о том, что последняя сделана той же рукой, что и первая, т. е. Бабуром. Кроме того, надпись датирована 907 г. х. Это совпадает с датой шамтичской надписи и со временем пребывания Бабура в этих краях.

Имя Бабура мы встречаем и на другой, более поздней, надписи. Не доезжая полкилометра до матчинского кишлака Ривомутк, у старой дороги на берегу Зеравшана, есть скала со множеством надписей. Одна из них датируется 1238 г. х. (1822—1823) и сообщает о строительстве дороги на Матчу. Часть надписи сбита. А смысл оставшегося говорит о том, что факт проведения этой дороги резчик связывает с деяниями якобы справедливого правления Бабура в Матче. Отсюда ясно, кем был Бабур в Матче, и видно, что память о нем сохранялась триста лет—вплоть до XIX в. Таким образом, у нас есть сейчас три надписи Бабура и две—с упоминанием его имени (в кишлаках Шаватки-Поен и Ривомутк). Все это делает необходимым специальное исследование вопроса о Бабуре и его надписях в Матче и Фальгаре.

Проведение матчинской дороги в начале прошлого века имело определенные экономические причины. Известно, что в 1800—1802 гг. Фальгар и Матча были завоеваны эмиром Хайдаром. Ликвидация феодальной раздробленности и присоединение этих бекств к Бухарскому ханству были явлениями прогрессивными. Они способствовали сближению Кухистана с центральными городами Средней Азии, расширению экономических связей с Бухарой и т. п. Поэтому проведение благоустроенной (по горным условиям) дороги, по которой могли бы свободно пройти вьючные животные, стало жизненно необходимым.

Надписи на кайраках и скалах дают ценный материал по средневековому фольклору, знакомят нас с именами резчиков, среди которых было много прекрасных мастеров каллиграфии. Надписи сообщают нам и взгляды людей на тогдашнее общество, отношение к отдельным лицам из господствующего класса, чьи имена значатся на кайраках. Характерно, что, когда надпись сделана в критическом тоне, отсутствуют имена резчиков. Это и понятно: каллиграфам не хотелось быть объектом преследования и подвергаться наказаниям за свою смелость.

Надписи раскрывают нам имена неизвестных поэтов или же дают сведения о приблизительном времени распространения в Кухистане произведений выдающихся мастеров стиха Саади, Бедиля и др. Возможно, нам удастся по этим надписям выявить и неизвестные стихи поэтов.

Кроме надписей, на многих датированных кайраках вырезаны разнообразные по характеру орнаменты, изучение которых будет небесполезным для специалистов-искусствоведов.

Как сказано выше, отрядом собрано более 530 документов. Самый ранний из них относится к 978 г. х. (1570—1571). Восемь документов датируется XVII в. (рис. 7). Известно, что документы того времени редки во всех архивах и поэтому представляют большой интерес для исследователей.

Вышеупомянутый документ XVI в. выдан султаном Абдулло. Судя

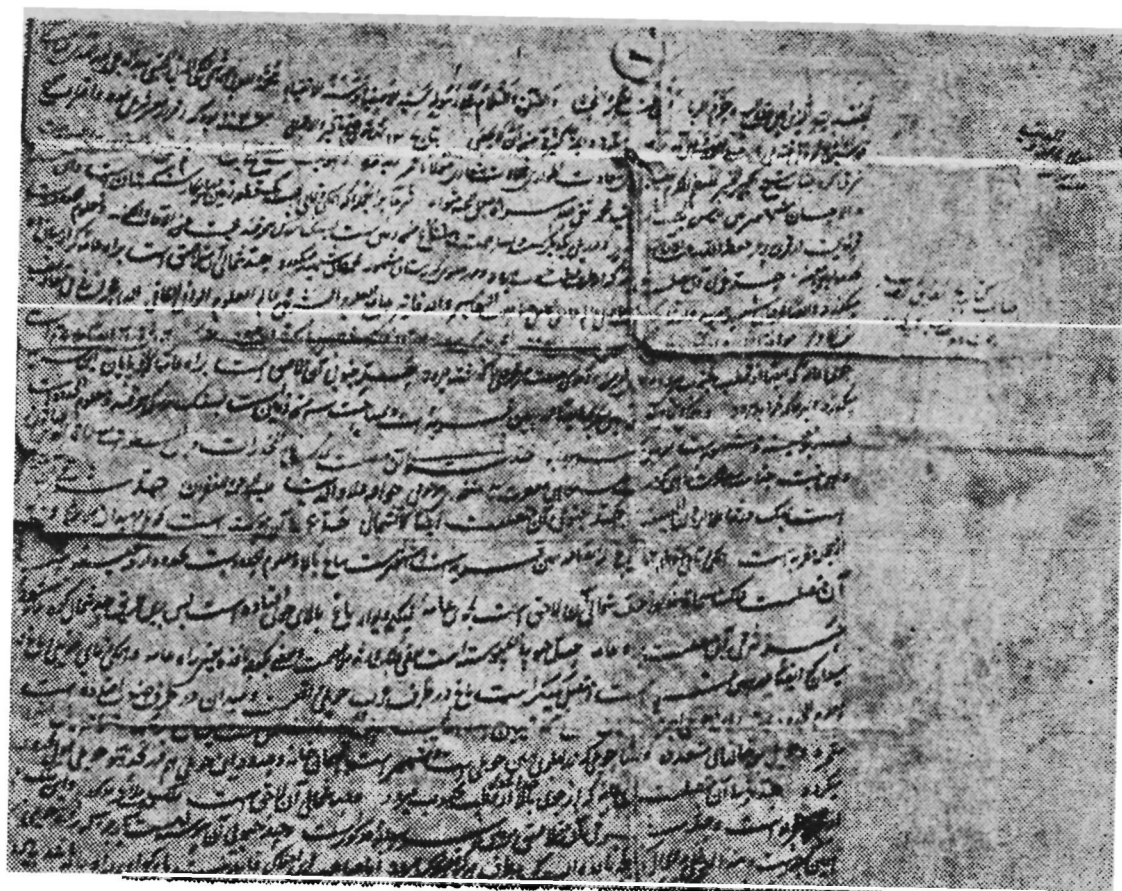


Рис. 7. Начало документа 1046 г. х. (1636—1637) из кишлака Сангистан.

по плохо сохранившейся печати, он был сыном Абдулатиф-хана (вероятно, Шейбанида). В письме султан извещает некоего Малик Шамсуддин Мухаммада в хазораи Палгар (Фальгар) о том, что он посылает к последнему Бек Мухаммада девонбеги, Ери мухрдара и членов дивана для переписи всего скота, включая тарханный, т. е. освобожденный. Абдулло требует, чтобы была составлена полная опись и вне учета не осталось ни одного ягненка или козы. Для чего понадобилось султану такое мероприятие, предстоит еще выяснить.

Небезынтересны два документа XVII столетия из Ривомутка. Они имеют одинаковое содержание, выданы одним лицом, написаны одним почерком, но в разные годы. Один датируется 1107 г. х. (1695—1696), другой—1112 г. х. (1699—1700). На правом верхнем углу обоих документов стоят печати правителя саид Султана Абдулло и казия. Судя по тексту, саид Султан Абдулло был правителем Фальгара и Матчи в конце XVII в. Из документов явствует, что уже в ту пору территория Матчи от кишлака Пастигав вверх по Зеравшану до самого ледника была разделена на две части—Сояруй и Офтобруй (Теневую и Солнечную) и границей между ними служил Зеравшан. Сояруй был отдан в подчинение кишлаку Худгиф, Офтобруй — Ривомутку. Неразделенными остались несколько кишлаков нижней Матчи, расположенные по обоим берегам реки на расстоянии 10—12 км друг от друга.

Обращает на себя внимание следующее. На первом документе, датированном 1107 г. х., позднее проставлено еще три печати казиев с такими датами: 1209 (1795—1796), 1256 (1840—1841) и 1323 г. х. (1905—1906). Это означает, что и позднее, включая колониальный период, сила документа XVII в. восстанавливалась властью казия. Следовательно, большая часть территории Матчи по-прежнему оставалась разделенной между Худгифом и Ривомутком (или Ривомулком).

Из двух других документов того же века явствует, что в кишлаке Сангистан трое жителей имели по 30 танапов земли. В горных условиях такие люди считались крупными землевладельцами. Из третьего документа, выданного несколько позже, видно, что количество земли у двоих из них — Мир Умара и Муллы Мухаммеда Али увеличилось до 40 танапов.

Судя по документу, датированному 1252 г. х. (1836—1837), в Сангистане, кроме обеленной мильковой земли, имелись такие ее виды, как севаргал (сургал), хироджи и сад под названием майдони шохи.

Среди позднейших документов, составленных в колониальный период, привлекают внимание два. Первый (из Камодона) датирован 1330 г. х. (1912) и имеет несколько непонятное заглавие «Баёни фукарой ульпону таноб пули ва замини майдон ва баёни таноби замин ва боғи онхо» (примерно: «Список налогоплательщиков, количество их земель и садов»). Здесь имена 95 человек (очевидно, глав дехканских хозяйств) и названия двух мечетей. Причем часть земель, находившихся на территории Камодона, принадлежала жителям соседнего кишлака и тамошней мечети. Следовательно, общее количество домовладельцев в самом Камодоне составляло 79 человек. По данным Л. Ф. Костенко,³ в 70-х годах в этом кишлаке имелось 70 хозяйств. Значит, за сорок с лишним лет их число увеличилось лишь на 9, что было ненормальным явлением. У 30 из 95 землевладельцев было меньше чем по

³ Л. Ф. Костенко. Туркестанский край, т. II, СПб., 1880, стр. 76.

одному танапу земли. 1 человек имел $\frac{1}{8}$ часть танапа, 36 — от 1 до 2 танапов, 13 — от 2 до 3 танапов, 10 — от 3 до 4 танапов, 5 — от 4 до 5 танапов, 1 — $5\frac{1}{4}$ танапа. Две мечети совместно владели $7\frac{1}{2}$ танапами. Таким образом, большинство дехканских хозяйств (две трети) имели от неполного танапа земли до двух, т. е. тут почти не было крупных землевладельцев.

В горных кишлаках с 1 танапа дехкане собирали от 12 до 16 пудов зерна. Если считать, что каждое хозяйство состояло в среднем из 5 человек, то ясно, что такого урожая не хватало на пропитание, и жители Матчи вынуждены были искать дополнительных средств существования, скитаясь по соседним городам в надежде на случайный заработок, или нищенствовать. Костенко так писал о кишлаках этой долины: «В попутных кишлаках тоже можно достать клевер для лошадей (сотни на две) и топливо. Сухой фураж (ячмень) необходимо брать с собою.

На провиант также рассчитывать нельзя, так как жители сами покупают его для себя в соседних больших населенных пунктах (Ура-Тюбе, Ходжете, Самарканде)».⁴

Другой документ колониального периода, купленный нами в кишлаке Дар-Дар, называется «Таксим дафтари» («Раскладочная тетрадь»). Это запись имен жителей нескольких кишлаков—Урмитана, Вишканда, Кума, Дар-Дара с указанием следуемого с них налога. Документ дефектный, и восстановление текста по соответствующим кишлакам требует много труда. Тем не менее видно, что налог между этими кишлаками раскладывали по непонятным для нас особым правилам. Например, с 150 жителей Урмитана собирали 150 рублей, а с 45 жителей Вишканда — 148, т. е. в три с лишним раза больше.

Следует подчеркнуть, что присоединение Кухистана к России почти не изменило земельных отношений в этих краях. Поэтому собранные в 1961 г. письменные документы и надписи на кайраках и скалах могут дать первоклассный материал по средневековой истории Матчи и Фальгара, а также по истории таджикского народа в целом.

⁴ Л. Ф. Костенко. Ук. соч., стр. 76.

Э. ГУЛЯМОВА

РАСКОПКИ В ХУЛЬБУКЕ В 1961 г.

В течение пяти полевых сезонов ведутся раскопки цитадели столицы Хутталаяна—Хульбука (кишлак Курбан-Шейд, Восейский район Таджикской ССР).

Выбор места раскопок был предложен в первый полевой сезон в 1953 г., когда на цитадели был заложен сначала шурф, а потом и раскоп.¹

Богатое убранство вскрытого помещения № 1, фрагменты резного стука, некогда украшавшего стены помещения, «паркетная» вымостка пола из жженого кирпича, многочисленная поливная и неполивная посуда, в том числе археологически целая люстровая миска, и, наконец, серебряная монета XI в. предопределили место дальнейших раскопок.

В последние полевые сезоны раскопки на городище производились на цитадели, на верхней ее площадке.

Цитадель Хульбука двучастная: верхняя ее площадка (южная) равна 2400 м² (40×60 м по верху, высота 15 м), нижняя (северная) 20 000 м² (200×100 м по верху, высота 10 м). К настоящему времени вскрыта почти вся площадь верхней площадки, за исключением части помещений по западному и восточному фасаду. Всего здесь раскопано полностью 16 помещений и частично — 3. На нижней площадке была открыта веранда перед помещением.

Помещения на верхней площадке расположены не на одном уровне: южная часть (600 м², 30×20) ровная, северная часть (1200 м², 30×40 м) наклонная в сторону дворища. Строительные приемы этих двух частей неодинаковы. Стены помещений южной части выложены из сырцового кирпича (30×30×4,5 см), тогда как северный — из пахсовых блоков (88×88 см).

Постройки южной части симметричны. Перпендикулярно пересекающиеся коридоры делят ее на четыре сектора. По четырем углам расположено: в южной стороне по одному большому помещению и в каждом из северных секторов по два помещения. Единые строительные приемы, строгая симметричность помещений и, наконец, то, что они расположены на ровной площадке и по своим архитектурно-строительным характеристикам резко отличаются от северной части верхней площадки, а также ряд других наблюдений позволяют думать, что эта часть дворцового комплекса была построена раньше других помещений на этом жилом горизонте.

Именно поэтому на юго-западном участке цитадели, построенной раньше, чем остальные помещения, было решено поставить раскоп, который расширил бы первоначальный шурф, заложенный внутри по-

¹ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хутталаянского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР, в. 11, Душанбе, 1954, стр. 39—52.

мещения № 2 и вскрывший прямоугольную в плане комнату.² Выход из нее был один и приходился на южную сторону. В результате дальнейших раскопок не удалось выяснить, были ли рядом еще сообщающиеся с ней помещения. Заложенные за стенами этой комнаты шурфы никак не обнаруживали внешней стены, но каждый раз опускались на один метр ниже пола помещения № 1. Этот пол нижнего жилого горизонта был прослежен и под полом комнаты № 1. Последняя сначала была устроена непосредственно на полу этого более раннего помещения, и лишь позднее в силу неизвестных нам причин нижний пол был засыпан землей и устроен новый пол. Это помещение собственно не построено, а вырыто в плотном пахсовом слое, причем внутренняя поверхность стен камеры была покрыта толстой сероватой алебастровой штукатуркой. После возведения это помещение просуществовало недолго: поверх основной штукатурки отмечается 3—4 слоя тонкой алебастровой обмазки — следы мелкого ремонта. Стены помещения № 1 с поднятым полом несут на себе следы более частых ремонтов.

При зачистке площади для раскопок айвана под полом помещений № 8 и 9 верхнего жилого горизонта было вскрыто помещение, от которого сохранились нижняя часть стен (на высоту 1 м) и пол. Верхняя часть стен была снесена при постройке помещений верхнего жилого горизонта. Помещение прямоугольное вытянутое (7×4 м) и в плане почти полностью повторяет помещения № 4 и 8 верхнего жилого горизонта. Стены его пахсовые и обмазаны толстым слоем алебастра.



Рис. 1. Фрагмент резного алебастрового штукатурка. Помещение промежуточного этапа.

Северная половина помещения была забита фрагментами резного алебастрового штукатурка, сбитого со стен (рис. 1). Штук со сложным композиционным построением рисунка, геометрический орнамент сочетается с растительным. По технике выполнения и по своим мотивам этот штук

как будто ближе штукатурку помещений верхнего жилого горизонта.

Пол этого помещения тоже обмазан алебастром и к середине сильно прогнут. В юго-западной части на полу подквадратная (0,5×0,55 м) алебастровая «ванночка», борта (высота 0,05 м) которой имеют вид валика. Дно «ванночки» на 1 см выше уровня пола помещения. Думается, что она выполняла роль очажка или места, куда ставили жаровню.

² Подробное описание этой комнаты см. Э. Гулямова. Раскопки цитадели городища Хульбук в 1960 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1960 г., Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXIV, Душанбе, 1962.

Такой очажок не единственный: в юго-западной части верхней площадки перед помещением № 1 на высоте 1,6 м от уровня пола этого помещения было раскопано небольшое помещение. Стены и пол его глиняные, и в южной части комнаты такой же очажок.

Это помещение, расположенное под полом помещений № 8 и 9 верхнего жилого горизонта, относится к какому-то промежуточному этапу между двумя жилыми горизонтами — верхним и нижним.

В разных частях верхней площадки цитадели под помещениями верхнего жилого горизонта были раскопаны полностью и частично помещения, которые не относились ни к верхнему, ни к нижнему жилым горизонтам.

Уровень полов двух последних помещений одинаков, и только пол помещения № 1 ниже уровня их полов на 1 м. Эти помещения должны относиться к одному этапу застройки. Можно считать, что помещение № 1 не было единственным для промежуточного этапа между двумя строительными горизонтами. Таким образом, было установлено, что, помимо верхнего и нижнего горизонтов, был еще один, стратиграфически и хронологически являвшийся промежуточным. В этих помещениях находки фрагментов глиняной посуды весьма незначительны, также немногочисленны находки предметов из кости и бронзы.

Из бронзовых предметов были найдены следующие.

1. Зеркало из бронзовой пластинки, фрагментированное, круглое (диаметр — 15 см), гладкое с лицевой стороны, на обратной стороне невысокий бортик, отогнутый внутрь (рис. 2, 7).

2. Фрагментированный бронзовый ключик (длиной 10,7 см) (рис. 2, 4).

3. Бронзовая пуговица полусферической формы (диаметр 1,2, высота 0,8 см). С внутренней стороны бронзовая проволока, перекинута с одного края на другой, образует петлю для пришивания к одежде (рис. 2, 1).

4. Круглая бронзовая пластинка, слегка прогнутая в центре (диаметр 4 см) (рис. 2, 6).

5. Две костяные пуговицы с гладкой внутренней стороной и большими отверстиями в центре (диаметр пуговицы 1,8, диаметр отверстий 6 см). Внешняя полусферическая поверхность пуговиц украшена пунсонами. На одной пуговице сдвоенные пунсоны чередуются с одианными (рис. 2, 2, 3).

На территории городища во время земляных работ при прокладке новой шоссейной дороги была найдена прямоугольная (5,2×4 см) алебастровая пластинка розово-желтого цвета. С лицевой стороны повторяющаяся в две строчки арабская надпись. Обратная сторона украшена глубоко прочерченными линиями, образующими треугольники с каждой стороны. Назначение пластинки не выяснено (рис. 2, 5).

Основные работы были связаны со вскрытием крупного айванного помещения нижнего горизонта.

В северном шурфе, в западной его стороне, в 1960 г. обнаружился участок стены, покрытой плотной серой алебастровой обмазкой со следами копоти и прокаленными участками серовато-кирпичного цвета. Эта стена не имела отношения к помещению № 1. Участок стены и пола, открытые в предыдущем сезоне, не давали представления о характере помещения. Полностью помещение открыто в этом сезоне. Оно представляет собой замкнутое прямоугольное айванное помещение

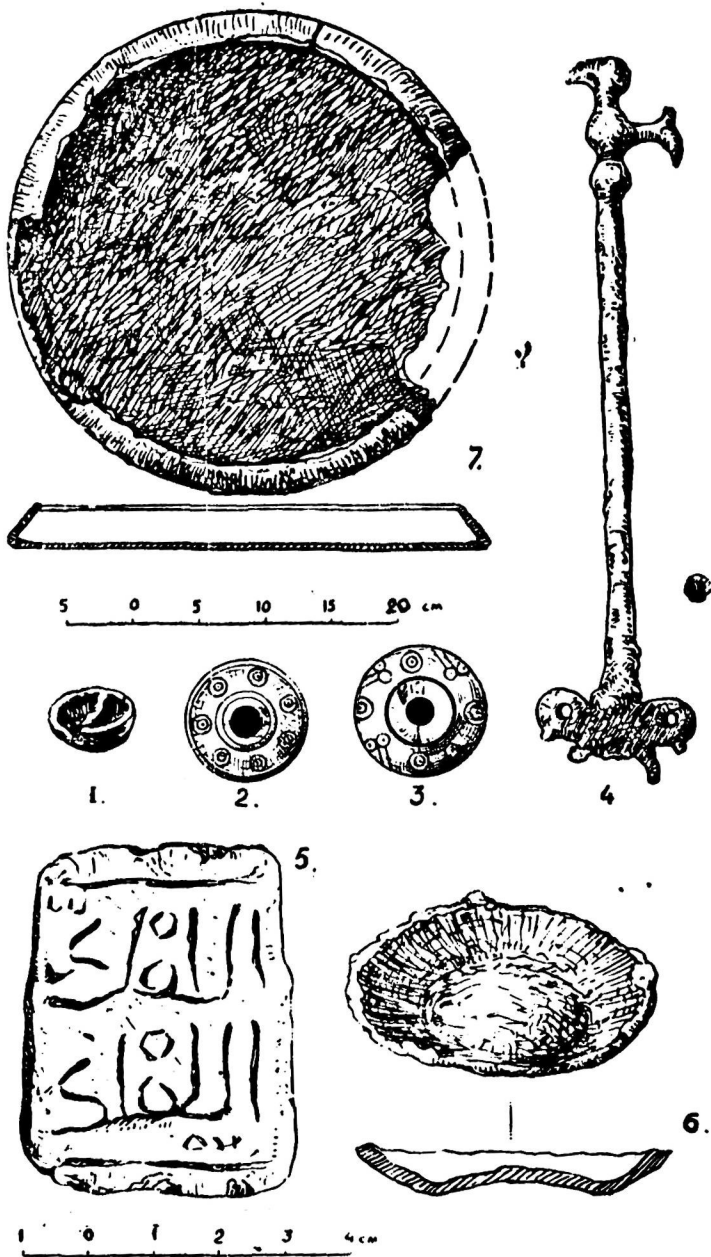


Рис. 2. 1. Бронзовая пуговица; 2, 3—костяные пуговицы; 4—бронзовый ключик; 5—алебастровая пластинка; 6—бронзовая обкладка; 7—обкладка зеркала из бронзовой пластинки.

(17×15,25 м) с открытым двориком (9,9×7,9 м) в центральной части. Стены ориентированы по странам света, лишь с незначительным отклонением.

Общее направление стен совпадает с направлением стен помещений верхнего жилого горизонта. Стены сохранились на высоту 0,7—1 м. Точнее было бы сказать, что они оставлены на такую высоту, так как верхняя часть стен сбита при нивелировке площадки перед возведением помещений верхнего жилого горизонта.

Стены айвана выложены из пахсы. С северной стороны толщина стены равна 2,7 м. Толщину стен остальных сторон айвана выяснить не удалось, так как над ними находится пахсовая забутовка, которая выходит за пределы стен айвана. Забутовка покрывает площадь над помещениями верхнего жилого горизонта на 2—2,5 м. Над айваном она проходит в виде двух перпендикулярно пересекающихся в центре «полос». Под ними над полом (0,5 м) обломки сырцового кирпича, куски пахсы вперемешку с фрагментами сбитого со стен резного штука, фрагментов глиняной и стеклянной посуды.

Три стороны айвана (северная, восточная и западная) глухие. Почти в центре северной стены ниша (глубина 0,65, ширина 1,1 м). Пол ниши выше уровня пола айвана на 0,3 м. Стены ее оштукатурены по верх примороженных плашмя жженных кирпичей. Стены, так же как и во всем айване, сохранилась на 0,7—1 м. К востоку от ниши стена сильно прокалена, на некоторых участках штукатурка обвалилась, обнажая примороженные плашмя кирпичи, которые тоже сильно прокалены. В центре южной стены проход в небольшое помещение, это единственный выход из айванного двора.

Айван состоит из двух частей: крытой галереи вдоль стен, перекрытие которой поддерживалось деревянными столбами, и центрального светового дворика (рис. 3).

Ширина галереи для каждой из сторон неодинакова (северной 6,6, южной 3,55, восточной 3,7, западной 3,85 м). Пол ее на 0,02 м выше пола светового дворика. По внутреннему краю галереи сохранились квадратные и прямоугольные гнезда оснований столбов, углубленные в пол на толщину одного кирпича. Гнезда расположены на неодинаковом расстоянии от края галереи: от 0,29 до 0,47 м.

На западной и восточной сторонах находится по 5, на северной и южной по 4 гнезда, кроме того, 4 гнезда по углам айванного дворика—итого 22 гнезда. Из них раскрыты нами полностью 11, частично 3, на нераскопанную часть приходится 4 и 4 приходится на выбитые участки пола. Судя по ряду признаков, нужно полагать, что колонны и перекрытия галереи были деревянными.

Пол айвана выложен жжеными кирпичами, кладка фигурная. Узор пола галереи в южной, западной и восточной сторонах одинаковы—это обрамленные лентами в 2 и 3 ряда кирпичей прямоугольники, внутри которых кирпичи положены углами по отношению к направлению стен таким образом, что образуют шахматный рисунок. На северной стороне этот заключенный в ленты прямоугольник по середине напротив нишки разделен лентой из кирпичей в три ряда.

Пол галереи по всей площади, больше всего в северо-восточной части галереи, был усеян обгоревшими и обуглившимися обломками балок больших и малых размеров. Поверхность их гладкая, без следов резного орнамента. Самый большой фрагмент был следующих размеров: длина 0,7, диаметр 0,1 м. Остальные фрагменты очень маленькие.

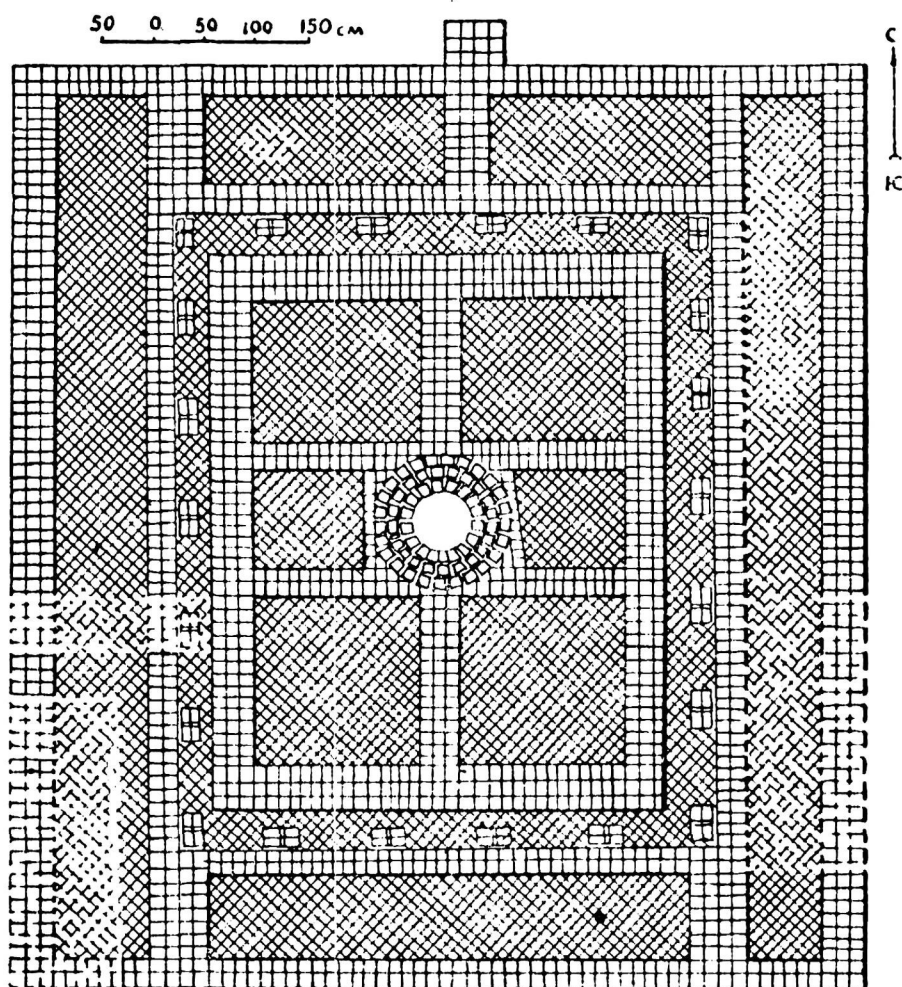


Рис. 3. «Паркетная» вымостка пола айвана. Цитадель, нижний жилой горизонт.

Обгоревшие фрагменты балок перекрытия были найдены по всей площади пола айвана, а мелкие кусочки угля попадались на высоте до 2 м от уровня пола.

Пол открытого светового дворика тоже выложен жженым кирпичом. Здесь ленты в 2—3 ряда кирпичей делят пол на 6 участков — неправильных прямоугольников, внутри которых кирпичи положены углами по отношению к этим лентам. В центре дворика колодец для стока воды, поверху окруженный тремя концентрическими рядами кирпичей. Ствол колодца у самого устья облицован кирпичами, ниже облицовка прекращается.

К середине двора, к колодцу, пол покатый, сделанный с таким расчетом, чтобы вода не задерживалась на его поверхности, а сливалась в колодец.

В северо-западной части айвана был заложен шурф (2×3 м, глубина его 4 м). Непосредственно под кирпичным настилом пола земля

насыщена строительными остатками (0,5 м), ниже чистый материковый слой.

Над полом помещения на высоту от 0,7 до 1 м слой земли густо насыщен остатками древесного угля, фрагментами резного алебастрового штука, глиняной посуды и стеклянных изделий. Последних очень много: ни одно помещение цитадели не давало такого количества фрагментов стеклянных изделий, как айван.

Выше этого уровня земля вплоть до пола помещений верхнего жилого горизонта плотно утрамбована. Верхняя часть стен айвана была сбита и разровнена по площади. Но, видимо, площадка оказалась недостаточно высокой, а может быть, недостаточно устойчивой, и поэтому строители помещений верхнего жилого горизонта поверх всего прочего еще для большей крепости и устойчивости положили длинные и толстые пахсовые «полосы». В разрезе стен они овальные, клинообразные и подквадратные (высота их колеблется от 1 до 2,5 м, ширина 2 м). Они выходят за пределы стен айвана и тянутся с запада на восток еще на 3 м в каждую сторону. Дальше проследить их не удалось. На севере они доходят до конца помещения № 9 верхнего жилого горизонта. Заложённый здесь шурф выявил следующую картину. До прохода в этом помещении стены покоились на плотном стилобате, за проходом — на пахсовом фундаменте. Этот стилобат, расширяясь книзу, уходил на глубину 2 м от уровня пола помещения 9 верхнего жилого горизонта. Думается, что это и есть крайняя граница уплотненной площадки на севере, на которой впоследствии были возведены помещения верхнего жилого горизонта в своей первоначальной планировке, т. е. пересекающиеся под прямым углом коридоры и помещения в углах. Время их существования — начало и вторая половина XI в.

На нижнем жилом горизонте при раскопках не были найдены монеты. Наличный керамический материал сходен с находками из помещений верхнего жилого горизонта. Лишь незначительное различие намечается в характере резного штука.

После пожара, а он сыграл не последнюю роль в разрушении айвана и помещений нижнего жилого горизонта, был возведен пахсовый стилобат, на котором построены помещения № 1, 2, 3, 4, 5, 8 и коридор на длину и ширину этих помещений. Какова была площадь помещений нижнего жилого горизонта, ограничивались ли они размерами стилобата или простирались дальше, решить пока трудно, дальнейшие раскопки помогут дать правильный ответ.

Находки из айвана, в частности керамика, как указывалось, мало чем отличаются от находок с верхнего жилого горизонта. Прежней остается гамма красок глазури. Для чаш характерна темно-коричневая стилизованная надпись по краю на желтовато-белом и розовом основных фонах. Кроме того, встречаются зелено-коричневые чашки с подглазурной гравировкой. Сами чаши имеют округлое тулово и прямые стенки раструбом.

Количество сосудов этой формы наибольшее, причем размеры различные: начиная от маленьких (диаметр 8 — 10 см) и кончая большими (диаметр 32 — 34 см) чашами.

Меньшее количество найденных фрагментов составляют кувшины и тарелки. Тарелки однотонные густо-зеленые и бело-желтые со стилизованной темно-коричневой надписью по краю бортика.

Кувшины неполивные, из хорошо отмученной желтой глины. Тулово их удлинённое, сужающееся ко дну. К крутому плечу прикреп-

лена уплощенная ручка. Горлышко прямое, слегка расширяющееся к венчику.

Нужно отметить, что на айване находки грубой лепной и кухонной посуды, а также и больших сосудов — хумов, тагора и хумча немногочисленны.

Основная масса находок фрагментов стеклянных изделий приходится на северо-восточную часть айвана. Среди фрагментов стеклянных

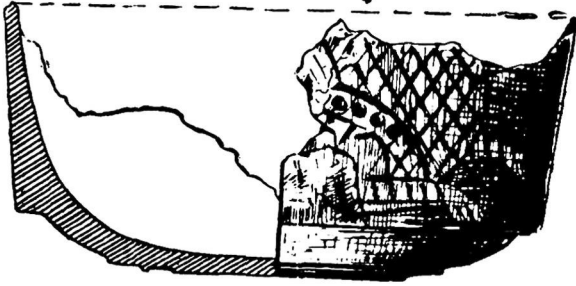


Рис. 4. Нижняя часть стеклянного флакона с изображением Симурга.

нок горлышко сосуда делалось граненым.

Другая часть флаконов была отлита или выдута в форму. Орнаментальный мотив один: на шаровидном тулове выступающие овальные медальоны с острыми краями и выступающими точками в центре. Доминирует в основном один этот мотив с варьированием диаметра медальона в большую или меньшую стороны.

изделий преобладают стенки, горлышки и донца нарядных и простых флаконов. Стекло хорошо проварено, количество пузырьков воздуха незначительно. Изделия преимущественно двух цветов — желтого и зеленого. Особо следует отметить несколько фрагментов сосуда из ярко-синего стекла. Круглая ручка сосуда прикреплялась к овальной и плоской пластинке на округлом тулове сосуда. Средняя высота флаконов 10 — 15 см, их форма не поддается полной реконструкции, так как большей частью попадают только стенки и горлышки с незначительным переходом к плечу.

Плечики флаконов плавные или крутые, почти горизонтальные по отношению к стволу горлышка. Сосуды с гладкой поверхностью изготавливались способом свободного выдувания. Поверхность их после изготовления сосуда иногда украшалась ребристыми полосами по тулову и плечу, проведенным железным предметом. Или же при гладкой поверхности сте-

Среди флаконов особого внимания заслуживает нижняя часть фрагментированного сосуда, литого в форму (высота 5, диаметр тулова 10,5 см). Орнамент составляет изображение крылатой собаки-птицы—Симург. На тулове флакона четыре изображения Симурга (в двух случаях они заключены в круг) и одно — на дне. Орнамент рельефный (рис. 4).

Очень реалистично изображение собачей морды с торчащими ушами. Симург изображен сидящим. Левая лапа спокойно опущена, тогда как правая приподнята. За спиной стилизованные крылья, верхняя часть которых вертикальными линиями имитирует изображение перьев. От нижней части крыла линия перьев отделена четырьмя точками. Такие же точки проходят под шеей. Остальная часть туловища и крыла заштрихована прямыми пересекающимися линиями, образующими ромбы.

На тулове из-за плохой сохранности видны только нижние части изображения, и только на дне сосуда рисунок сохранился наиболее полно. Симург на этом сосуде изображается двояко: на одном рисунке, заключенном в круг (он же и на дне сосуда), у собаки-птицы правая лапа приподнята; на другом рисунке туловище Симурга покоится на двух спокойно опущенных лапах.

Изображение собаки-птицы — Симурга на изделиях из драгоценных металлов, на тканях и т. д. было довольно широко распространено в искусстве Средней Азии и Ирана.³ На стекле это изображение в Средней Азии как будто встречается впервые. Качество стекла и техника исполнения позволяют говорить о местном, хутталянском производстве сосуда.

Среди фрагментов стеклянных изделий большое количество донцев больших сосудов (диаметр 13 — 18 см). Стекло преимущественно желтого цвета. Сосуды эти изготовлялись свободным выдуванием. Донца очень массивны, толщина их достигает 1 — 1,5 см, тогда как стенки очень тонкие.

Находки тарелок на цитадели бывали и раньше. Но найденные в айване тарелки несколько отличаются от предыдущих. Во-первых, у этих борта слегка загнуты кверху и, кроме того, на дне маленькие (высота 1 см) граненые конусовидные ножки. Тарелки изготовлялись путем отливки в форму таким образом, что внутренняя поверхность получалась гладкой, а орнамент был на внешней стороне. Наиболее частый орнамент—выпуклая лента с углубленными точками за кругом ножек. Количество последних колеблется в зависимости от диаметра изделия от 6 до 8.

Совершенно уникальным является орнамент на одном из блюд, сохранившимся в виде крупных фрагментов. Это блюдо имеет наlepной кольцевой поддон и 8 четырехгранных ножек. Его диаметр 48 см. На внешней поверхности рельефный орнамент — четыре коня (рис. 5). Полностью сохранился только один, остальные три фрагментированы. Кони изображены в широком и плавном беге. Передние ноги далеко выброшены вперед, а задними они как бы отталкиваются. Хвост распущен. Морда удлиненная с остро торчащими ушами, глаз круглый. На шее уздечка, туловище перехвачено двумя горизонтальными полосками, от хвоста до груди. От нижней линии этих полос в середине свешивается прямоугольная сумка с пересекающимися в центре линиями

³ К. В. Тревер. Сэнмурв-паскудж, собака-птица. Л., 1937.



Рис. 5. Стекло́нное блюдо.

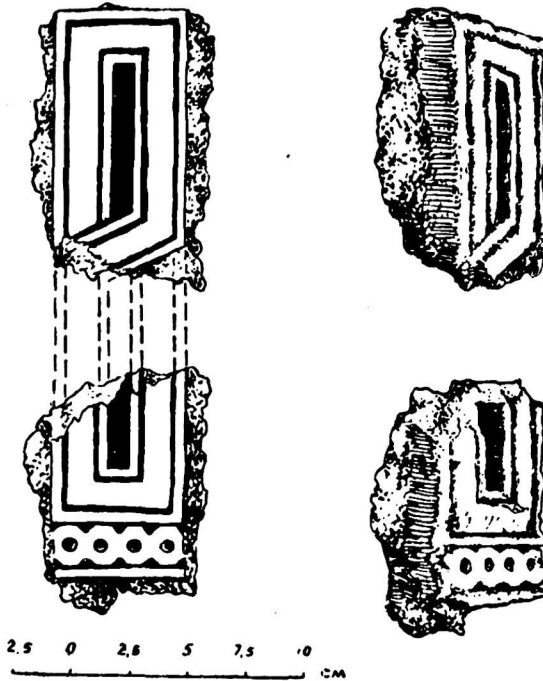


Рис. 6. Резной штурк.

от углов. Видимо, это условное изображение конского снаряжения — подпруги, сбруи, уздечки и седла. Это вторая⁴ находка художественного изображения лошади в стране, некогда прославленной «небесными» лошадьми.⁵

Пожалуй, самое большое количество в процентном отношении составляют находки фрагментов резного алебастрового штука. Основной мотив орнамента резного штука айвана — переплетающиеся ленты («сельджукская цепь», рис. 6), разграниченные пунсонами с синей подкраской, пальметы с широкими листьями, большие многочисленные цветы. Иногда поверхность фрагментов бывает покрыта синей и желто-розовой краской.

Судя по перечисленным выше находкам, айван не был рядовым помещением. О его парадном характере свидетельствуют и большие размеры помещения (ок. 260 м²) и его архитектурно-планировочные особенности. Видимо, это место больших собраний, и по назначению оно сродни тронному залу термезского дворца правителей, хотя и уступает в размерах и отличается в планировке.⁶

Материал находок из айвана (керамика, штук и стекло) позволяет датировать это сооружение IX—X вв. н. э.

Единственный выход из этого помещения был в южной стене. Широкий проход

⁴ Первая — фрагментированная шахматная фигурка в виде коня со всадником.

⁵ А. М. Беленицкий. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании. Сов. этногр., № 4, 1948, стр. 162—167.

⁶ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Тр. Узб. филиала АН СССР, сер. I, в. 2, Термезск. археол. комплексн. эксп. 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 41—53.

(1,6 м) выводил в прямоугольное помещение (6×3,6 м). Стены помещения пахсовые и лишь местами, как это имело место в восточной стене, небольшими участками выложены из сырцового кирпича. Штукатурка стен почти не сохранилась, лишь кое-где, преимущественно у пола, ее удастся проследить. Пол помещения глиняный, на одном уровне с полом галереи. Почти в центре комнаты на полу большое овальное зольное скопление со ржавыми пятнами и кусками совсем истлевшего железа (возможно, остатки железной жаровни).

Из этого помещения намечаются два прохода (ширина 1,1 м) в северо-западном и северо-восточном углах. С остальными помещениями этого жилого горизонта айван сообщался через эту комнату, служившую своеобразным вестибюлем.

Кроме того, частично раскопано помещение, обнаруженное при зачистке северной стены айвана. Как уже говорилось выше, стены помещений нижнего жилого горизонта при нивелировании были сбиты и сохранились на высоту от 0,7 до 0,1 м. При зачистке северной стены айвана в северо-западной части насыпная комковатая земля, наваленная сверху, осыпалась и на высоте 0,8 — 0,8 м от уровня пола и в 2,7 м на север от внутренней поверхности стены айвана обнажилась площадка, обмазанная поверх кирпичной вымостки пола, плотным слоем алебаstra. Помещение было обнаружено в последние дни работ и поэтому раскопано частично.

Направление стен помещения совпадает с направлением стен айвана. Раскопан его юго-восточный угол. Уровень пола выше уровня пола айвана на 80 — 90 см. Стены сохранились на высоту 0,5 м от уровня пола. Пол выложен жжеными кирпичами, положенными плашмя и поверху, обмазан плотным слоем алебаstra. В восточной части помещения пол прорезан вертикальным водосточным колодцем, относящимся к помещению № 3 (верхнего) жилого горизонта.

Назначение комнаты пока не выяснено, неизвестно также, в каком соотношении находятся эта недораскопанная комната и айван — одновременны они или же это помещение относится к одному из промежуточных этапов.

Таким образом, раскопки 1961 г. выявили, что на верхней площадке цитадели Хульбука, помимо верхнего и нижнего жилого горизонтов, имеются помещения промежуточного этапа. По существу, установлено наличие трех строительных горизонтов. При этом жилой комплекс верхнего горизонта монетами, керамикой и штукатуркой датируется XI — началом XII в., нижний жилой горизонт относится к IX — X в. н. э.

Э. А. ЮРКЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ НУРЕКСКОЙ ГЭС в 1961 г.

В связи со строительством в Таджикистане Нурекской ГЭС предусматривается затопление большой по площади территории межгорной долины по р. Вахш, на которой имеется ряд археологических памятников.¹

Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР разработал трехлетнюю программу археологического изучения зоны затопления Нурекской ГЭС. Согласно этой программе, основной задачей полевых исследований на 1961 г. было производство разведочных раскопок на Туткаул-Тепе и проведение поисков новых археологических памятников на территории западной половины будущего водохранилища.

Нурекский археологический отряд в составе начальника отряда Э. А. Юркевича, старших лаборантов Х. Мухитдинова, В. Ибрагимова, Г. Мухтаровой и шофера В. Николаева начал свои работы в конце 1961 г.

Раскопки на Туткаул-Тепе. Район расположения Туткаул-Тепе представляет собой небольшую котловину, являющуюся продолжением Туткаульской долины, перед входом в Пули-Сангинское ущелье (рис. 1). Она окружена со всех сторон горами: с севера — скалами Кухи-Кор-Кари, с востока — горой Кухи-Ботман, с юга связана с Туткаульской долиной, с запада ограничена высокими и крутыми лессовыми холмами. Р. Вахш делает в этом районе крутой поворот на север — северо-восток по направлению к Пули-Сангинскому ущелью. В котловину с западных ущелий выходят два сая: северный сай Дарай-Курен и параллельный ему сай Дарай-Рег, еще южнее каньон горной речки Оби-Талхак. Туткаул-Тепе находится севернее кишлака Туткаул, за ручьем Оби-Талхак. В плане тепа имеет трапезиевидную форму, длинной стороной она вытянута в широтном направлении, начиная от подножия Тепаи-Мазор, и тянется до края обрывистого берега р. Вахш на расстоянии 220 м. Ее южная граница проходит по краю берега речки Оби-Талхак, а противоположная — в 100 — 110 м севернее по линии понижения поверхности тепа. Общая площадь тепа 2,5 га. Понижение поверхности тепа идет с запада на восток и с юга на север уступами. Восточный край тепа ниже западного на 11 м.

Туткаул-Тепе располагается на четвертой речной террасе, состоящей из галечника и песка, желто-серого лесса и материала конусов выноса (обломки и глыбы, слабоокатанные, со щебнем и суглинком).²

¹ А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. ХСІ, Душанбе, 1959, стр. 19; Он же. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. СІІ, Душанбе, 1959, стр. 17; Он же. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Матер. второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 177, 181; Э. А. Юркевич. Материалы к археологической карте Таджикистана. Археол. раб. в Таджикистане в 1960 г., в. VIII, Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXXIV, Душанбе, 1962.

² Геолого-литологическая карта района проектируемой Нурекской ГЭС.

Поверхность тепа задернована. Через тепа проходят две искусственные выемки. Они обнажили культурный слой, толщина которого достигает 2,5 — 3 м. Он содержит фрагменты керамики, жженный кирпич, кости, отдельные окатанные гальки и зольные пятна, местами вырисовываются толстые зелено-серые слои. Северо-восточнее тепа находится старое мусульманское кладбище. Могилы обложены по краям крупными гальками.

Первый шурф размером 2×2 м был заложен на краю западной стенки одной из выемок недалеко от берега р. Оби-Талхак. Второй шурф — по соседству с первым, на 3,5 м к северу. Глубина обоих шурфов достигла 3 м. Стратиграфия их следующая. Верхний слой — гумусный, его толщина 0,5 — 0,8 м. В нем на глубине 25 — 30 см попадает квадратный жженный кирпич размером 25×25×5 см, фрагменты глиняных котлов, горшков, чаш, кувшинов и хумов, сделанных от руки и на гончарном круге. Ниже идет чередование зелено-серых прослоек толщиной 15 — 20 см, в которых имеются зольные пятна и рядом с ними — кости животных и фрагменты керамики, аналогичные верхнему слою. В III, IV и частично V ярусах³ шурфа № 1 идет плотный зелено-серый слой, сильно прогипсованный, с отдельными прослойками и пятнами желто-серого цвета. Этот слой содержит большое количество керамики, кусков жженого кирпича, угли, кости и отдельные камни. В шурфе № 2 на этом уровне залегает желто-серый прогипсованный лесс, без находок. Его подстилает 20-сантиметровая щебенчато-песчаная прослойка (середина V яруса). В шурфе № 1 такой прослойки нет, а на этом же уровне и частично в VI ярусе лежит красновато-желтый слой с меньшим количеством керамики, чем в верхних слоях, и с зольными пятнами. И, наконец, с середины VI яруса начинается поверхность материкового слоя — красный песчаник.

В шурфе № 1 на южной стенке, а в шурфе № 2 на северной стенке обрисовывались контуры ям, стенки которых резко сужаются ко дну. Глубина ям 2,5 м. Заполнение зеленого цвета, в них тот же материал, что в самих шурфах.

Шурф № 3 размером 4×4 м заложен на ровной поверхности в 20 м к востоку от первых двух шурфов. Он был углублен только на 1 м. На глубине 0,5 — 1 м обнаружено большое количество фрагментов керамики.

Траншея заложена в юго-восточном углу тепа. На поверхности выбранного участка лежало много целого жженого кирпича, извлеченного из ямы, выкопанной для телеграфного столба. По склону выступает горизонтальная каменная выкладка, тянущаяся почти по всей восточной окраине тепа. Ниже на 1 м шла вторая линия каменной кладки, параллельная верхней.

Десятиметровая по длине и двухметровая по ширине траншея была заложена по линии 3—В, она выходила на угол тепа. Глубина большей части траншеи 2,5 м, а в конце ее (на склоне) глубина достигла конца VI яруса (3 м). Траншея показывала следующую стратиграфию Туткаул-Тепа в этой части (рис. 2). Верхний слой толщиной 0,30—0,85 м гумусный. В нем встречается квадратный жженный кирпич, керамические фрагменты, отдельные гальки. Ниже идет желто-серый пористый лесс, в котором обнаружен горизонтальный кирпичный настил в один кирпич (размер жженого кирпича 25×25×4,5 — 5 см) и фраг-

³ Ярусы были приняты полуметровой величины.

менты керамики. Под настилом серо-желтый прогипсованный слой с отдельными зеленовато-коричневыми прослойками. Этот слой наиболее насыщен фрагментами поливной и неполливной керамики. Подстилает этот слой каменная выкладка (в середине IV яруса), соответствующая первой линии камней, выступающих на склоне. На уровне каменной выкладки отмечено большое количество зольных прослоек, особенно на восточной стенке траншеи. Под выкладкой проходит серо-желто-зеленоватый, сильно прогипсованный лессовый слой (V и частично VI яруса), в котором также встречается керамика, но раннесредневекового облика, в том числе и расписная. Здесь попадает жженный кирпич размером 38×38×5 см, найдены часть очажка, кости животных. На южной стенке на глубине VI яруса обнаружена площадка из сильно уплотненного лесса, следы которого прослеживаются на восточной и частично на северной стенке траншеи. В конце траншеи на уровне VI яруса выступает слой из щебня, песка и крупных глыб камней, расположение которых соответствует нижней линии камней, прослеженных на склоне.

Керамический материал, добытый в шурфах и траншее Туткаул-Тепа, довольно разнообразен. Он различается по способу изготовления, по составу массы, по типам форм, характеру орнаментации и назначению. В состав керамической коллекции входят: а) лепная грубая керамика с расписным растительно-геометрическим орнаментом; кухонная посуда, изготовленная из глины с большой примесью шамота; б) бытовая посуда, сделанная на гончарном круге, покрытая бело-желтым ангобом и украшенная прочерченным или налепным орнаментом; поливная керамика; разнообразные хумы и крышки; в) строительный материал — жженный кирпич; г) прочие изделия — очажок, светильник и др.

Лепная посуда представлена фрагментами плоскодонных кувшинов, горшков, глубоких мисок, чаш и сковородок. Эта группа изделий вылеплена из глины довольно грубой структуры желто-красного или серо-зеленого цвета. В составе черепка присутствует большое количество шамота. Поверхность стенок сосудов неровная, шероховатая и бугристая, за исключением расписной керамики, остальные керамические изделия этой группы без ангоба и не орнаментированы.

Фрагменты расписной керамики, главным образом — от кувшинов и чаш. Цвет черепка в изломе в одних случаях красноватый, в других — желто-серый. В составе черепка большой процент шамота в виде многочисленных зерен светло-желтого цвета. Поверхность черепка покрыта светло-желтым ангобом. Расписной орнамент выполнен ярко-красной, буро-коричневой и зеленоватой минеральными красками. Узоры орнамента разнообразны: спиралевидные завитки, заштрихованные в сетку треугольники, полукруглые двойные полосы, Г-образные значки и ряд других узоров. Они расположены горизонтальными поясами в верхней части сосудов (рис. 3).

По стилю орнамента керамика с Туткаул-Тепа больше всего напоминает находки А. М. Беленицкого на городище Шахри-Минг и на городище у кишлака Сари-Мазар близ Файзабада (Орджоникидзеабадского района)⁴ и расписную средневековую керамику с Узгена.⁵

⁴ А. М. Беленицкий. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 году, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 140—146.

⁵ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в южной Киргизии. Тр. Киргизск. археолого-этногр. эксп., в. IV, М., 1960, стр. 244—245, рис. 48 и 49.

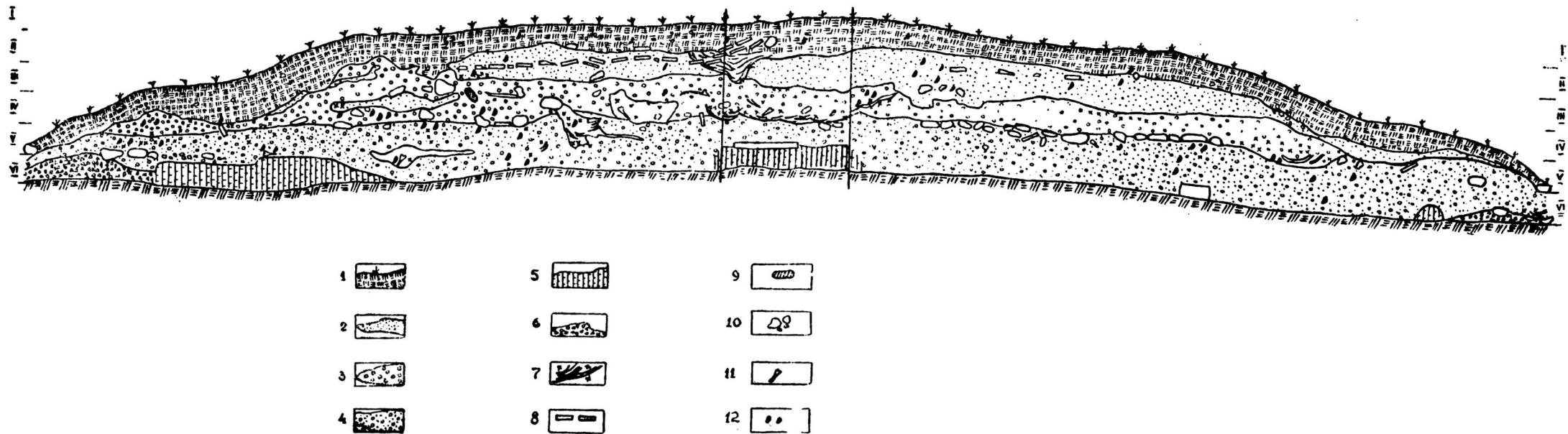


Рис. 2. Разрез траншеи на Туткаул-Тепе.

1 — гумусный слой, 2 — желто-серый пористый лесс, 3 — прогипсованный слой, 4 — сильно прогипсованный болесовато-желтый слой, 5 — утрамбованный лесс, 6 — щебень, 7 — зольник, 8 — жженный кирпич, 9 — кирпич-сырец, 10 — камни, 11 — кости, 12 — керамика.



Рис. 3. Расписная керамика с Туткаул-Тепе и могильника Чилон.

Расписная керамика обнаруживается во многих районах Южного Таджикистана (средневековый Хутталян). Помимо уже отмеченных в литературе находок расписной керамики на городище Шахри-Минг (Мунк), на городище Хишт-Тева (Хульбук),⁶ на городище у кишлака Сари-Мазар (Вашгирд), на поселении Мардат-Сай (Вахшская долина),⁷ укажем еще на новые пункты нахождения расписной керамики, открытые за последние два года на территории Хутталяна и соседних с ним областей, в частности на городище Шар-Тева в Пархарском районе,⁸ на Кухна-Шахр в Ташрабадской горловине (Октябрьский район),⁹ в окрестностях Чилимчилыш в Шаартузском районе,¹⁰ на Тепаи-Шутур-Хона (Нурек)¹¹ и на сельском поселении в кишлаке Симиганч (Орджоникидзеабадский район).¹²

Частое нахождение расписной керамики на многих средневековых памятниках Южного Таджикистана свидетельствует о большой распространенности этого вида ее в Хутталяне и соседних с ним областях. Расписная керамика продолжала существовать в этой части Таджикистана вплоть до современности.¹³

Появление расписной керамики в средневековое время в городских центрах Хутталяна и других областей Средней Азии — сложный исторический феномен. Гипотеза, выдвинутая Б. А. Литвинским, представляет распространение расписной керамики в городах в X—XII вв. как «следствие и свидетельство переселения в города в X и особенно в XI—XII вв. крупных масс крестьянства, принесшего с собой излюбленные формы и присмы гончарной техники».¹⁴ На наш взгляд, гипотезу Б. А. Литвинского можно считать наиболее приемлемой, во всяком случае для Хутталяна.

Неорнаментированная лепная посуда включает горшки, чаши, тагора. Горшки имеют, как правило, шаровидное тулово, дно плоское, венчик загнут наружу. Диаметр горла от 15 до 38 см, толщина стенок 1—2 см. На внутренней поверхности многих фрагментов отчетливые отпечатки ткани.

Чашы все однообразны, разница только в величине. Дно плоское, стенки прямые, расширены кверху, с прямой или срезанной наклонно

⁶ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хутталевского отряда на территории Кулябской области в 1953 г., Докл. АН Тадж. ССР, в. II, 1954, стр. 47.

⁷ Э. Гулямова и Т. И. Зеймаль. Находки в районе Перепадной ГЭС. Тр. АН Тадж. ССР, т. I XIII, 1956, стр. 95—98.

⁸ Разведки Э. А. Юркевича в 1961 г.

⁹ Устное сообщение Т. И. Зеймаль.

¹⁰ Разведки М. Бубновой, 1961 г.

¹¹ Э. А. Юркевич. Материалы к археологической карте Таджикистана, Археол. раб. в Таджикистане в 1960 г., в. VIII, Тр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР, Душанбе, 1962.

¹² Разведки М. Бубновой и Э. А. Юркевича в 1961 г.

¹³ М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 11—12, рис. 7. См также А. К. Писарчик и Э. А. Широкова. Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева, Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, в. 2, 1952, стр. 124, рис. 26. А. К. Писарчик, О народном прикладном искусстве Таджикистана. Сб. Искусство таджикского народа, в. 2, Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXIV. Душанбе, 1960, стр. 69, рис. 8, 1—6. Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. XI, II, М.—Л., 1959, стр. 83—84.

¹⁴ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXVI, Душанбе, 1954, стр. 61—62. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работе Хутталевского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Докл. АН Тадж. ССР, в. II, стр. 47, прим.

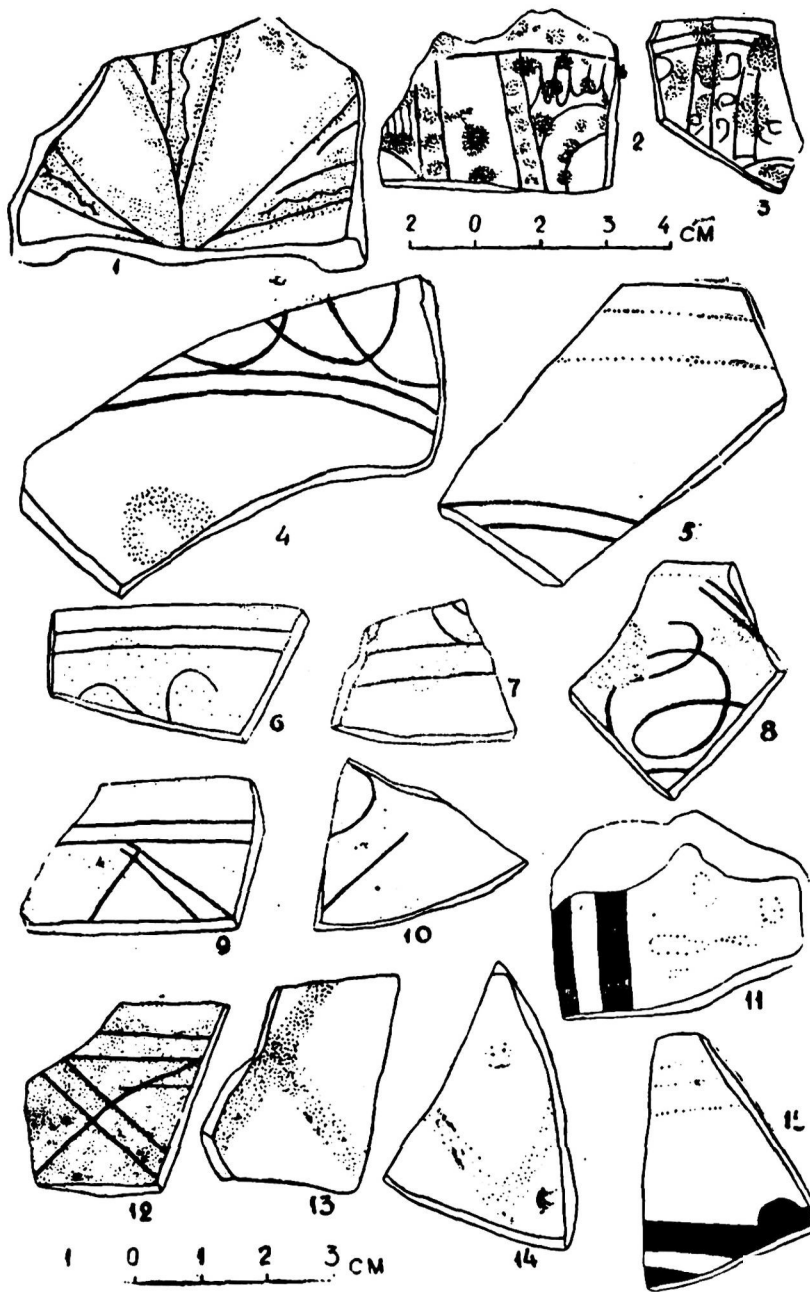


Рис. 4 Глазуванная керамика с Туткаул-Тепе.

закрайной. Высота чаш 7—12 см, диаметр по верху 18—22, по дну—10—42 см, толщина стенок 0,8—1,5 см. Тагора по форме и размерам одинаковы. Высота прямых стенок 5—7 см. Толщина стенок и дна 1,5—1,8 см. Диаметр по верху 30—38, по дну—28—36 см.

Бытовая посуда, сделанная на гончарном круге, представлена поливными и неполивными изделиями. Поливная керамика представлена фрагментами стенок и донца от мисок, чаш и пиал. Преобладающее количество глазурованных фрагментов имеют одностороннюю поливу, частично захватывающую внешнюю поверхность изделия, и всего лишь несколько фрагментов — с двухсторонней поливой. Состав черепка глазурованной керамики имеет плотную однородную структуру, он из хорошо отмученной глины. На фрагментах с односторонней поливой преобладает прозрачная бесцветная глазурь, нанесенная на беловатый фон подглазурного ангоба, по которому нанесен разнообразный полихромный орнамент в сочетании с гравированными рисунками растительного и геометрического характера.

Фрагмент чаши на кольцевом поддоне (рис 4, 1) украшен расходящимися от центра зелеными полосками парных лучей, внутри которых желтые листья. Между лучами на белом фоне размещены круглые коричневые пятна. По оси зеленых полосок и по краю листьев прочерчены линии. Этот фрагмент и группа фрагментов (рис. 4, 1, 6, 9, 10), покрытых прозрачной глазурью по белому ангобу, на котором выгравирован линейный орнамент, находят себе аналогии в обширной коллекции глазурованной керамики Хульбука.¹⁵

Фрагмент стенки чаши (рис. 4, 2), обнаруженный в шурфе № 2 на глубине IV яруса, имеет орнамент в виде секторов, края которых оформлены двумя прочерченными линиями. Между секторами — неровные красные кружки. Внутри секторов полукруглые полоски, заполненные красными кружками. Верхнюю часть секторов занимают темно-голубые пятна.

Поверхность от пиалы (рис. 4, 3) украшена процарапанными извилистыми линиями, составляющими сектора, по верху которых разбросаны темно-зеленые мазки. Стиль орнамента этих двух фрагментов напоминает образцы глазурованных изделий Самарканда и Уструшаны.

Есть несколько фрагментов с темно-зеленой и светло-зеленой глазурью на прочерченном линейном орнаменте (рис. 4, 12) и фрагменты с полихромным орнаментом на белом фоне (коричневые перекрещивающиеся линии с отдельными зелеными пятнами внутри их).

На фрагментах с двусторонней поливой глазурь глухая, темно-зеленого цвета. На одном черепке она нанесена прямо на безангобную поверхность красного черепка, причем полива внутренней стенки мутная, а внешней — прозрачная.

Неполивная гончарная керамика представлена фрагментами кувшинов и горшков. Состав черепка всех этих фрагментов представляет собой плотную однородную структуру хорошо отмученной глины красноватого или серо-желтого цвета без посторонних примесей. Донца разные: плоские, на ножке и кольцевом поддоне, последние с выемкой посередине. На поверхности многих донца имеются линии срезающей нити. Стенки сосудов покрыты светло-желтым ангобом и украшены процарапанным орнаментом в виде волнистых линий, горизонтально-

¹⁵ Коллекция глазурованной керамики из Хульбука в Институте истории им. А. Донниша.

параллельных желобков и налешных поясков с чередующимися овальными вдавлениями. Среди обломков керамики от котлов, горшков и кувшинов имеются фрагменты стенок сосудов с прикрепленными к ним разнообразными ручками, как горизонтальными так и вертикальными (рис. 5). Большинство их очень похоже на ручки, обнаруженные при раскопках на городище у кишлака Сарп-Мазар,¹⁶ на городище Шахри-Минг¹⁷ и на городище Хишт-Тепа.

Жженный кирпич дает два размера: $25 \times 25 \times 4,5$ — 5 см в верхних слоях и $38 \times 38 \times 5$ см³ в нижних слоях. Кирпичи первого размера красного цвета, высокого качества, масса глины плотная, прекрасного обжига. На поверхности некоторых кирпичей имеются полосы, сделанные рукой. Жженный кирпич такого размера встречается на средневековых памятниках Термеза,¹⁸ в строительных остатках помещений на городище Шахри-Минг¹⁹ и на цитадели в Хульбуке.²⁰ Из такого кирпича построен мавзолей у селения Саят (Шаартузский район), который датируется XI — XII вв.²¹ Крупный жженный кирпич размером $38 \times 38 \times 5$ см красного цвета сформован в рамочных бездонных формах. Структура комковатая, на поверхности сохранились полосы от стеблей травы. Аналогии для данного кирпича нами не найдено.

Часть очажка, обнаруженного в нижних слоях траншеи рядом с кирпичами крупного размера, представляет собой левую половину полуцилиндрического очажка, сделанного из грубого красноватого теста с большой примесью крупнозернистого шамота. Поверхность очажка покрыта слоем 0,8 см тонкой по составу глины бежевого цвета. На внешней стенке посередине выступает горизонтальная пластинчатая ручка с незначительным наклоном вниз. Вертикальная фасадная четырехугольная плитка и горизонтальное ребро украшены резным орнаментом. Следов колоти на поверхности очажка нет, нет и следов потертости на поверхности ребра. По форме и орнаментации наш очажок похож на другие очажки из Таджикистана.²²

В шурфе № 3 на глубине II яруса была обнаружена подставка для светильника (чирогдона), сделанная от руки из глины желто-серого цвета с примесью шамота (диаметр 4 см, высота 11 см). От чаши светильника осталась лишь донная часть, отсутствует и ножка подставки, которая была, по-видимому, несколько полый. Место соединения чаши светильника с туловом подставки-ножки украшено налешным горизонтальным пояском с глубокими вмятинами, сделанными пальцами. Такой же поясок с вмятинами проходит в месте перехода к ножке. По форме светильник в какой-то мере похож на светильники, обнаруженные в слоях VIII в. в Пенджикенте²³ и на раннесредневековой сельской усадьбе под Самаркандом.²⁴

¹⁶ А. М. Беленицкий. Ук. соч., табл. 65 — 68.

¹⁷ Керамическая коллекция из Хульбука.

¹⁸ В. Д. Жуков. Кирпич из развалин Старого Термеза, Тр. Узб. филиала АН СССР, в. 2, Термезск. археол. компл. эксп. в 1936 г., Ташкент, 1941, стр. 205—214.

¹⁹ А. М. Беленицкий. Ук. соч., стр. 130.

²⁰ Устное сообщение Э. Гулямовой.

²¹ А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят... МИА, № 15, М.—Л., 1954, стр. 207 — 209.

²² А. Е. Маджи. К вопросу об очажках с территории Таджикистана. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, в. 1(22), Душанбе, 1960, стр. 81—87.

²³ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 141—142, рис. 10.

²⁴ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. История материальной культуры Узбекистана, в. 2, Ташкент, 1961, стр. 207 — 212.

Таким образом, керамический материал с Туткаул-Тепа находит аналогии в керамических комплексах многих средневековых городищ Хутталяна и соседних с ним областей. Керамический комплекс Туткаул-Тепа верхних культурных слоев (I—IV ярус) можно датировать X—XII вв. и нижних слоев (на уровне V—VI яруса)—VII—X вв.

Разведки. Разведка была проведена в долинной местности правобережья р. Вахш от пули-сангинского моста до кишлака Дарау-Шур (45 км).

В Пули-Сангинском ущелье никаких памятников обнаружить не удалось. В кишлаке Туткаул, в 500 м к югу от Туткаул-Тепа, на подножии холма, были найдены куски кирпичных шлаков и обломки кирпича, подобные кирпичу из раскопок. Жженный кирпич, целый или кусками, можно встретить на большой площади западной окраины кишлака Туткаул. Во дворе одного местного жителя нам показали в срезе небольшого овального бугра кирпичную кладку, возможно, часть свода надгробно-го сооружения.

В 12 км по дороге от Туткаула на Куляб, не доезжая полкилометра до кишлака Чилон, в узком проходе, называемом местными жителями Дари-Чилон, в срезе террасовидного уступа, на глубине 1,5 м были замечены фрагменты расписной керамики и неорнаментированных лепных сосудов. Зачистка показала, что это фрагменты керамики из могильной ямы, в которой были обнаружены кости человека. Раскопки на местах легких всхолмлений привели к вскрытию нескольких могил с полными и неполными костяками. В некоторых из них также были встречены фрагменты керамики ручной лепки, среди которых есть расписанные краской. Могильная яма, давшая полный костяк, но без находок, вырыта уступами на глубину 2,8 м, дно в плане овальное, размером 1,8×1 м. На высоте 80 см от дна могилы было перекрытие из тонких кривых жердей. Ориентация костяка север—юг. Скелет лежал на спине, лицом кверху, руки вытянуты вдоль тела. По определению антрополога Т. П. Кияткиной, тип черепа монголоидный. Наличие фрагментов лепной керамики с росписью в могильных ямах, быть может, следует объяснить тем, что могилы были впущены в культурный слой.

Обследование территории от Чилона до кишлака Дарау-Шур к открытию новых памятников не привело.

Проведенными предварительными исследованиями на территории западной половины зоны затопления выявлен ряд археологических памятников эпохи камня, бронзового века и средневекового времени, свидетельствующих о древней и относительно постоянной заселенности этого района.

Результаты разведок позволили наметить ряд пунктов для раскопок в будущих полевых сезонах. Для средневековья несомненный интерес представляет городище Туткаул-Тепа. Туткаул-Тепа по своему расположению занимает важный стратегический пункт на северной границе Хутталяна. Оно перекрывает Пули-Сангинское ущелье, по которому было сообщение между Хутталяном и Вашгирдом. Это обстоятельство позволяло прочно контролировать все движение на этом пути. На основании сведений средневековых авторов, как нам указал Б. А. Литвинский, можно предположить, что на месте Туткаул-Тепа был город Тамлийат. Отправными пунктами для локализации этого города могут служить некоторые сообщения средневековых авторов. Так, ал-Истахри указывает в своем дорожнике, что от моста до Тамлийата по дороге на Мунк

2 фарсаха.²⁵ Автор сочинения Худуд-ал-алам характеризует Тамлийат как маленький город.²⁶ Ибн-Русте, описывая течение Вахшаба, сообщает, что по выходе из страны Кумед эта река проходит среди гор, образующих границу между Вашгирдом и рустакон Темийийат, входящим в состав Хуттала. В этом месте находится известный каменный мост, по которому «проходят от Вашгирда в Хутталь». Область эта для человека, стоящего против течения, будет по правую руку, область Вашгирд будет с левой стороны».²⁷ Город Тамлийат приведен в таблице сочинения «Канун ал-Масуди» знаменитого ученого Бируни, в котором дан список городов и их координаты. Координаты в этой таблице таковы: $93^{\circ}40'$ долготы, $38^{\circ}40'$ широты.²⁸

Местонахождение городов Вашгирд и Мунк уже установлено: первый находился у кишлака Сари-Мазар близ Файзабада, второй—в районе Ховалинга. Ясно также, где находится каменный мост через Вахш. Расстояние от моста до Туткаул-Тепе равно 9 км (по современному шоссе); средневековая дорога, несомненно, более извилистая и соответственно более длинная, могла быть равной примерно 2 фарсахам.

Других городищ в радиусе 20 км на юг от Туткаул-Тепе нет. Таким образом, есть основания полагать, что на месте Туткаул-Тепе, возможно, был Тамлийат.

Дальнейшее всестороннее изучение памятников этого района, безусловно, даст много фактов по древней истории северного района Хуттала.

²⁵ А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хуттала. МИА, № 15, М.—Л., 1954, стр. 120.

²⁶ Там же, стр. 121—122.

²⁷ Там же, стр. 122.

²⁸ Там же, стр. 123.

ХРОНИКА

О ГЕОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ
СТОЯНКИ ХОДЖА-ГОР (ЮЖНАЯ ФЕРГАНА)

Открытая в 1954 г. палеолитическая стоянка Ходжа-Гор представляет значительный интерес. Как показал А. П. Окладников, материалы ее документируют самую северо-восточную точку распространения средиземноморской капсийской культуры в конце верхнего палеолита.¹

Здесь получена превосходная коллекция кремневых изделий, включающая отщепы, ножевидные пластины, концевые и округлые скребки, скребки двухконечные и с диском-видным лезвием, острия с затупленной спинкой, проколки и т. д. Однако геологические условия расположения стоянки специально не изучались. В процессе раскопок (площадь около 200 м²) отмечалось, что культурный слой не сохранился и, помимо кремневых орудий, залегающих в верхней части суглинков (до глубины 15—20 см), встречались лишь обломки костей.

Осенью 1961 г. стоянка была посещена С. А. Несмеяновым (Среднеазиатская партия МГУ), который собрал здесь небольшой материал, а также провел наблюдения над условиями нахождения обработанного камня. Стоянка связана с плоской поверхностью небольшого конуса выноса, который принадлежит саю, выработанному в древних пролювиальных известняковых галечниках. Последние западнее сопрягаются с останцами террас ташкентского цикла (Q₂₁) р. Исфара. У западного подножия конуса выноса располагается родник (рис. 1).

Верхняя часть описываемого конуса была вскрыта шурфом, заложенным к северу от мазара. Сверху вниз обнажаются:

1. Суглинок рыхлый, неслоистый, комковатый, в нижней части сильно карбонатизированный и содержащий известковые журавчики. Эти суглинки слагают всю поверхность конуса, и именно в них заключены верхнепалеолитические кремневые орудия. Количество последних увеличивается в верхней части слоя, видимо, за счет поверхностного развевания суглинков. Четко выраженное комковатое сложение, по всей вероятности, свидетельствует о переотложении породы, которая генетически представляет собой своеобразную брекцию, состоящую из «обломков» сравнительно рыхлого суглинка. Мощность слоя 0,3—0,6 м.

2. Суглинок плотный, неслоистый, песчанистый, приобретающий при выветривании столбчатую отдельность. Вскрытая в шурфе мощность породы—0,8 м. Общая мощность отложений в конусе достигает, по-видимому, 5—7 м. Скорее всего с этим горизонтом, как отмечал уже А. П. Окладников, связаны отдельные мустьерские изделия, собранные на поверхности стоянки в 1954 г.²

Площадь конуса в настоящее время довольно интенсивно расчленяется голоценовыми водотоками, которые северо-западнее образуют врезанные на глубину 15—20 м ложины. Здесь на террасах встречаются редкие переотложенные верхнепалеолитические орудия. Все это дает основание считать, что основная масса пород, слагающих данный конус (слой № 2 разреза), относится к голоценовскому комплексу (Q_{3g}).

Вверх по небольшому саю, которому принадлежит описанный выше конус, обнажаются известняковые галечники ташкентского комплекса. В левом его борту отмечается слабо выраженный эрозионный запечник террасы высотой около 1,5 м, сопрягающийся с описанным выше конусом. На его поверхности в 100—150 м от устья сая собраны изделия такого же типа, что и в раскопе.

Характер залегающих описанного в расчистке верхнего слоя (слой № 1 разреза)—переотложенных суглинков, содержащих верхнепалеолитические орудия, таков, что они как бы облекают верхнеплейстоценовый конус, выплеснувшись на его поверхность из устья сая. Их сложение свидетельствует о том, что они были переотложены не в виде тонкой взвеси, а в виде массы мелких обломков. Это, скорее всего, продукт селевого выброса. Значительная концентрация верхнепалеолитических изделий в породе сая, их

¹ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66, 1958, стр. 64—67; Е го же. Палеолитическое время на Тянь-Шане и Енисее. История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956, стр. 23—25.

² По-видимому, в переотложенном состоянии. Первоначально мустьерские орудия могли быть связаны с уровнями ташкентского комплекса.

повсеместная распространенность в ней при отсутствии сортировки материала позволяют предположить незначительную дальность переноса археологического материала. Очевидно, здесь имел место небольшой селевой поток, разрушивший суглинистую верхнеплейстоценовую террасу близлежащего сая и выплеснувший слагающую ее породу на свой конус. Отсутствие в породе известняковой гальки свидетельствует о незначительной мощности селя, не затронувшего коренных галечниковых берегов.

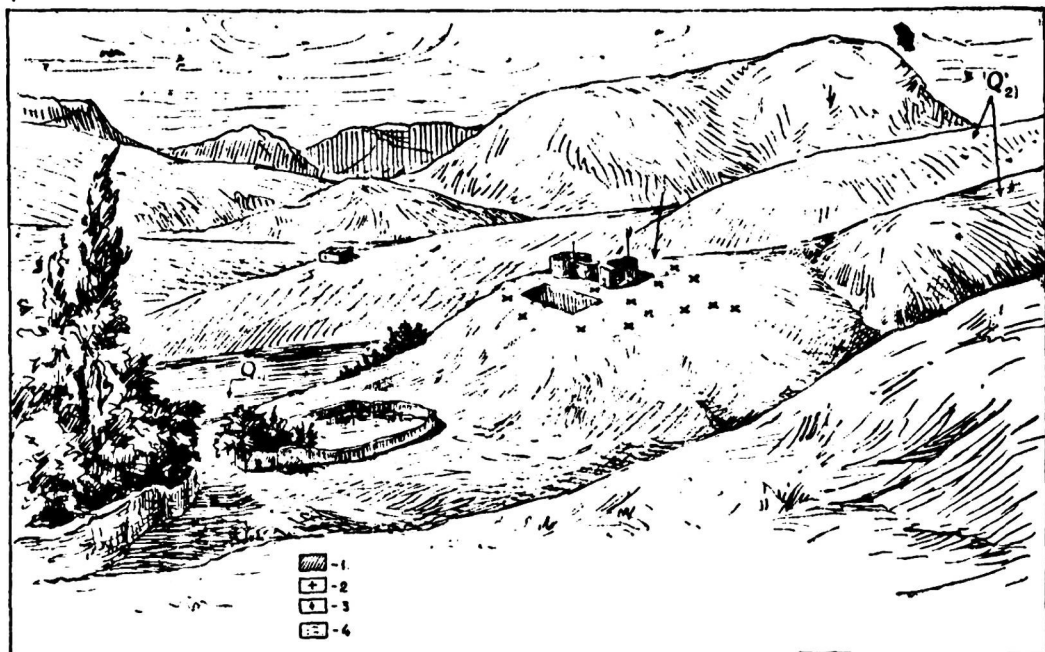


Рис. 1. Общий вид стоянки Ходжа-Гор (рисунок С. А. Несмеянова).
Условные обозначения: 1—раскоп, 2—площадь основных находок, 3—шурф (стрелка без индекса), 4—источник.

Трудно сказать, жили ли палеолитические охотники и на поверхности конуса выноса до селя, разрушившего их поселение выше по саю. Данные раскопок и расчистки говорят скорее против этого предположения. Вышеописанный сел, отложения которого залегают поверх уже сформировавшегося верхнеплейстоценового конуса, как уже говорилось, расчлененного голоценовой эрозией, скорее всего имел место не позже начала гслюцена (конец голодностепского или начало сыр-дарьинского циклов).

Этот вывод не противоречит археологическим данным. А. П. Окладников пишет о возрасте стоянки следующее: «Среди нескольких сот каменных изделий, пластин и отщепов, обнаруженных у источника Ходжа-Гор, не оказалось мелких кремневых изделий геометрических очертаний, в виде сегментов, симметричных или асимметричных треугольников, трапещей, прямоугольников. Это может служить указанием на достаточно ранний возраст поселения у источника Ходжа-Гор. Его следует датировать концом верхнепалеолитического времени»³. Интересно, что орудия из верхних горизонтов самаркандской стоянки, которую сейчас изучает Д. Н. Лев, обнаруживают определенную близость к орудиям раннеолитической (мезолитической) стоянки Ош-Хона (Восточный Памир). Возраст последней определен радиоуглеродным методом и равняется 7500 тыс. лет до н. э. Вполне возможно поэтому, что верхние горизонты верхнепалеолитической стоянки в Самарканде, может быть, будут сопоставлены, как и Ходжа-Гор, с самым концом плейстоцена — ранним голоценом. Согласно радиоуглеродным датам некоторых верхнепалеолитических стоянок западной Европы, самые поздние из них существовали

³ А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Матер. II совещ. археологов и этнографов Средней Азии. М—Л., 1959, стр. 170.

уже после отступления последней осцилляции вюрмского ледника.⁴ К этому же времени относятся и ближневосточные памятники позднего палеолита типа Зарзи и Палегавры.⁵

С. А. Несмеянов, В. А. Ранов

РАБОТЫ МАГИАНСКОЙ ГРУППЫ В 1961 г.

В 1961 г. Магианская группа, помимо продолжения раскопок в верхней части бассейна Магиан-Дарьи, приступила к исследованию памятников, расположенных недалеко от ее впадения в Зеравшан, возле сел. Суджина, а также продолжила разведки в низовьях Магиан-Дарьи и в бывшем Матчинском районе (в верховьях Зеравшана).

Такое расширение территориального охвата памятников явилось вполне закономерным, так как перед Магианской группой с самого начала ее работ ставилась задача последовательного изучения археологических памятников Кухистана от его западной части — бассейна Магиан-Дарьи до глубинных восточных ушейей Матчи и Ягноба. Расширение территории работ группы в 1961 г. было обусловлено еще и тем, что как в низовьях Магиан-Дарьи, так и в Матче в связи с рядом хозяйственных мероприятий нависла угроза гибели отдельных археологических и других историко-культурных памятников. Таким образом, выход Магианской группы из района верховий Магиан-Дарьи и из ее бассейна вообще диктовался интересами археологического изучения Кухистана. К сожалению, и один из интереснейших памятников Кухистана — грунтовый могильник у сел. Суджина к весне 1961 г. оказался уже в значительной части уничтоженным в ходе проводившихся здесь земляных работ.

Раскопки и разведки в 1961 г. проводились весной (в мае) и летом (в июле—августе). В работах принимали участие сотрудники Государственного Эрмитажа Б. Я. Ставский, Е. В. Зеймаль, В. Г. Луконин, Л. Л. Баркова, А. А. Иванов, И. А. Ланс, М. Б. Северова и лаборанты С. Т. Кондратенко и Г. А. Терентьев.

1. Раскопки Калаи-Нофин

В верхней части бассейна Магиан-Дарьи в 1961 г. велись раскопки Калаи-Нофин (на берегу оз. Нофин, неподалеку от сел. Падруд). Раскопками этого памятника руководил В. Г. Луконин.

Работы 1961 г. на Калаи-Нофин — продолжение раскопок 1958—1959 гг., когда здесь были вскрыты остатки постройки замкового типа конца X—XII вв. и начато выявление помещений более раннего сооружения.⁶

В 1961 г. работы велись в этих помещениях и на южном склоне холма, где зачищалась внешняя стена и наружная площадка. Как показали раскопки, первоначальный пол монументального здания с помещениями Н—1, Н—2, Н—3 лежит на глубине 5,5 м ниже уровня пола постройки конца X—XII вв. В этом здании выявлено три строительных периода, каждый из которых завершался забутовкой прежнего помещения и возведением новых полов, а иногда и дополнительных стен. Для забутовки использовались глыбы камня, пахса с галькой и сырцовый кирпич (как в целом виде, так и в обломках). Судя по керамике, найденной в забутовках, последняя из них могла быть произведена в IX—X вв., две же предыдущие приходятся на VI—VIII вв. Соответственно сооружение здания, представленное помещениями Н—1, Н—2, Н—3, следует, вероятно, относить к VI—VII вв., а следующие перестройки его к VII—VIII вв. Следует отметить, что, как и в 1959 г., в верхней забутовке встречено большое число скорлупы грецких орехов и косточек персиков, абрикосов, вишен и черешен.

Интересные результаты получены при раскопках на южном склоне холма, где ниже предстенной наружной площадки VI—VIII вв. неожиданно выявились стены большого помещения (одна из этих стен прослежена на протяжении 8 м, другая более чем на 6 м). Стены этого нижнего помещения идут под углом к стенам здания VI—VIII вв.

⁴ H. L. Movius. Radiocarbon Dates and Upper Palaeolithic Archaeology in Central and Western Europe. *Current Anthropology*, v. 1, N 5—6, 1960.

⁵ R. V. Gaidwood. Near Eastern Prehistory. *Science*, v. 127, N 3312, 1958, pp 1422—1423.

⁶ См. Б. Я. Ставский. Работы Магианской группы в 1958 г. *Археол. раб. в Таджикистане в 1958 г.* Тр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР, т. XXVII, 1961, стр. 110; Он же. Работы Магианской группы в 1959 г., *Археол. раб. в Таджикистане в 1959 г.* Тр. Ин-та ист. АН Тадж. ССР, т. XXXI, 1961, стр. 106—107.

Помещение это погибло при пожаре: стены его закопчены и сильно обожжены, заполнение включает скопление углей, золы и обожженной земли. О времени возведения нижнего здания, к которому относится это помещение, мы пока что с должной определенностью судить еще не можем, но монументальный характер его уже сейчас представляется несомненным.

Подводя итоги работам на Калаи-Нофин в 1961 г., можно сказать, что они еще раз показали большое значение этого памятника, который в течение более шести столетий (по крайней мере с VI по XII вв.) контролировал горный путь вглубь Кухистана. Следует, однако, признать, что и в 1961 г. дойти до материка и определить время возведения здесь первоначальной постройки нам не удалось.

2. Раскопки Батур-Тепе

Весной 1961 г. были возобновлены также раскопки Батур-Тепе, постройки замкового типа на плато Дашти-Калаи-Мала, к востоку от места впадения Магиан-Дарья в Зеравшан (в 8 км от сел. Суджина). Раскопки этого интересного памятника, стоящего на левом обрывистом берегу Зеравшана, в низовьях древнего пересохшего канала, были начаты еще в 1953 г. А. М. Мандельштамом и продолжены им же в 1955 г.⁷ Работами А. М. Мандельштама была в основных чертах выявлена планировка северной части главного здания древнего замка и установлено, что оно было возведено в VII—VIII вв., разрушено в IX в. и после этого вплоть до XI—XII вв. использовалось «как временное убежище какимит-то случайными людьми».⁸

Раскопки Батур-Тепе в 1961 г. вели Л. Л. Баркова и С. Т. Кондратенко. В результате их полностью зачищен до первоначального пола центральный сводчатый коридор главного здания Батур-Тепе длиной 14,5 и шириной 2,5 м. Произведены также зачистки в пяти сводчатых помещениях северного крыла, идущих под прямым углом к центральному коридору и связанных с ним входными проемами, расположенными у их северных стен. Длина четырех из этих помещений колеблется от 4,1 до 4,6 м, ширина от 1,6 до 2,3 м (размеры пятого, самого северного, помещения еще не установлены). В одном из помещений (втором с востока) обнаружен вход, ведущий на север, где зачищено еще одно длинное сводчатое помещение, параллельное центральному коридору (длина этого помещения—13,2, ширина—ок. 2 м). Как и центральный коридор, это помещение имеет выход на восток (ширина его немногим более 1 м). К югу от центрального коридора начаты раскопки еще одного помещения—самого восточного в южном крыле. В это помещение из центрального коридора вел входной проем шириной в 0,9 м. Проем этот начинался ступенькой, далее же в помещении шел пандус (шириной 1,30 м), ведущий вверх, очевидно, на крышу главного здания Батур-Тепе.

Раскопки 1961 г. подтвердили общую датировку Батур-Тепе, предложенную А. М. Мандельштамом. Вместе с тем, поскольку в ходе этих раскопок удалось выявить следы внушительных перестроек здания и наличие регулярного пола XI—XII вв., мы вправе говорить, что замок перешел два периода существования в VII—VIII и в XI—XII вв., в промежутке между которыми он находился в запустении. Интересно отметить, что, как позволяют судить наблюдения за характером завала, сводчатые перекрытия помещений замка были целы еще в XI—XII вв. и новые обитатели этой в то время уже старинной постройки, настлав полы и возведя подпорные стены, смогли использовать если и не все, то, во всяком случае, многие замковые комнаты.

Наряду с раскопками Батур-Тепе, на плато Дашти-Калаи-Мала было произведено обследование остатков заброшенного подземного канала — кяриза. Этот канал начинается неподалеку от ныне действующего арыка, выведенного из р. Магиан-Дарья у сел. Чорбаг и тянущегося по восточному склону правобережной террасы реки по направлению к сел. Суджина. Широкие и глубокие колодцы этого кяриза (всего сохранилось 18 таких колодцев) тянутся от долины Магиан-Дарья на восток, на плато Дашти-Калаи-Мала, примерно на протяжении 0,5 км. Диаметр первого из колодцев достигает примерно 8 м, ширина вала, образованного землей, выброшенной из него, 9 м, глубина колодца более 10 м. Расстояние от первого до следующего колодца около 50 м (далее колодцы расположены ближе друг к другу). Возле второго из колодцев стоит сырцовая башня (минарет?), сохранившаяся на высоту более 9 м (ранее отмечена О. И. Смирновой).⁹

⁷ См. А. М. Мандельштам. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г. Археол. раб. в Таджикистане в 1955 г., Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Тадж. ССР, т. XIII, 1956, стр. 57—59.

⁸ А. М. Мандельштам. Ук. соч., стр. 58.

⁹ О. И. Смирнова. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г. МИА СССР, № 15, стр. 75 и табл. 34,3.

Освоение этой башни смыкается с валом второго ярыза, и вполне вероятно, что зачистка фундамента башни сможет пролить свет не только на вопрос о назначении и дате этой постройки, но и на вопрос о времени сооружения ярыза.

3. Раскопки могильника близ сел. Суджина

Неподалеку от сел. Суджина (в 1,5 км восточнее его окраины) весной и осенью 1961 г. велось исследование остатков грунтового могильника. Этот могильник расположен на склоне второй надпойменной террасы Зеравшана, к югу от автодороги Пенджикент—Колхозчиён. Здесь в карьере для добычи земли еще в 1958 г. были отмечены четыре погребения, причем глиняный кубок на ножке, найденный близ головы одного из захороненных, был доставлен в Республиканский историко-краеведческий музей им. Рудаки в Пенджикенте. Тогда Е. В. Зеймаль и И. Д. Тюрина обследовали место находки, зачистили остатки трех разрушенных погребений и раскопали еще одно захоронение.¹⁰ Весной 1961 г., незадолго до начала работ Магианской группы, здесь при выемке земли были раскопаны еще три погребения и найдены глиняные сосуды, три из которых сданы в Музей им. Рудаки.

Магианская группа вела здесь раскопки под руководством Б. Я. Ставиского (весной) и Е. В. Зеймаля (осенью). В ходе этих раскопок вскрыто 9 грунтовых погребений и 2 захоронения в хумах.

Часть грунтовых погребений оказалась нарушенной, в тех же случаях, когда могилы не были повреждены, костяки лежали в вытянутом положении, на спине, лицом вверх, без какой-либо определенной ориентировки.

Погребения были как одиночные, так и групповые. Следов могильной ямы ни в одном из случаев обнаружить не удалось. Инвентарь погребений состоял из глиняных сосудов (бокалы на ножке, кувшины с вертикальной ручкой, горшки станковой работы), оружия (железные кинжалы, пожи, наконечники стрел), железных колец, блях и пластин, а также каменных «пуговиц».

Особый интерес представляют захоронения в хумах, открытые в размыве к востоку от основной части могильника. Здесь в небольшом сале С. Т. Кондратенко обнаружил три хума, лежащие в грунте в ряд и ориентированные с северо-запада на юго-восток. Днонья второго и третьего из них были выбиты, и, таким образом, все хумы как бы сообщались между собой. В двух первых сосудах при зачистке обнаружено погребение мужчины, помещенного со связанными ногами во второй (большой) хум (голова его находилась в первом сосуде). В третьем женское захоронение. Голова торчала из горла, ноги заходили во второй хум. Костяк был изогнут так, что тазовые кости находились близ первых позвонков. Около горла первого хума, т. е. неподалеку от головы погребенного мужчины, стоял глиняный сосудик, у таза найдены куски железной пряжки с подвижным язычком, у левого бедра — железный нож. При погребении найдено также несколько железных поделок и кусочек шлака (?). Наиболее богатым оказалось женское захоронение в третьем хуме. В его инвентаре большое число всевозможных бус, костяные гребешок и «пуговица», бронзовая подвеска в виде альчика, бронзовый колокольчик, перстни, железные поделки и т. п.

Насколько позволяют судить данные раскопок 1961 г., могильник возле сел. Суджина можно датировать последними веками до н. э.— первыми веками н. э., т. е. примерно тем же временем, что и основную часть могильника Туп-Хона близ Гиссара, раскопанного под руководством М. М. Дьяконова.¹¹ Могильник возле сел. Суджина существовал, видимо, продолжительный период времени; во всяком случае высокие бокалы на неустойчивой ножке, украшенные вертикальным полосчатым лошением, встреченные при разработке карьера в северной части могильника, совершенно отсутствовали в раскопанных нами погребениях южной его части, что свидетельствует скорее всего о хронологических различиях погребений в разных частях могильника. Дальнейшие работы на сохранившихся еще участках этого интересного памятника, безусловно, позволят уточнить наши представления о его дате. Но уже сейчас несомненно, что перед нами первый известный пока в науке грунтовый могильник Согда кушанского времени и что его научное значение трудно переоценить.

Погребения этого могильника есть достаточно оснований связывать с оседлым земледельческим населением, и в связи с этим перед нами встает задача поисков ос-

¹⁰ См. Е. В. Зеймаль. Кубок из погребения в Суджине. Археол. раб. в Таджикистане в 1958 г., Тр. Ин-та ист., археол. и этногр. АН Тадж. ССР, т. XXVII, 1961, стр. 167—168.

¹¹ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА СССР, № 15, стр. 154—178.

татков сельскохозяйственных поселений кушанской поры возле сел. Суджина и в районах верхнего Зеравшана вообще. Как уже отмечалось в печати,¹² именно к кушанскому периоду можно отнести первый этап освоения Кухистана оседлым сельскохозяйственным населением, и раскопки могильника у сел. Суджина следует рассматривать как начало работ по изучению этого важного этапа в истории Магиана и всего Кухистана в целом.

Б. Я. Ставиский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В г. ДУШАНБЕ

В конце 1961 г. гражданин Мадумаров, проживающий по улице Пролетарской, дом 51-а, передал в Республиканский объединенный историко-краеведческий и изобразительных искусств музей им. Бехзода несколько целых сосудов и фрагментов орнаментированных очажков. Они были обнаружены во время земляных работ на глубине 30—40 см от современной поверхности.

Место находок было обследовано научными сотрудниками Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР и музея.¹³ Место, где была сделана находка, находится на одной из террас правого берега р. Душанбинки (она протекает метрах в 400—500 к западу). По словам владельца дома, при строительстве бульдозером был снят слой земли до 1,5 м глубиной, так что современный уровень сделан искусственно.

Рядом с местом находок был заложен раскоп размером 4 × 4 м. Под 10—15-сантиметровым дерновым слоем начался культурный слой — коричневатого-серая рыхлая земля со включением костей животных, фрагментов жженой кирпичей, камней. Среди находок следует отметить несколько зернотерок, каменные грузила для ткацкого станка, свыше десятка сосудов различных размеров, крышку хума, фрагменты закопченного кухонного котла и др. Некоторые сосуды имеют округлое тулово, сужающееся вверх невысокое горло. Имеются также сосуды с вытянутым грушевидным туловом, узким и невысоким горлом (рис. 1), среди находок есть двуручные сосуды.

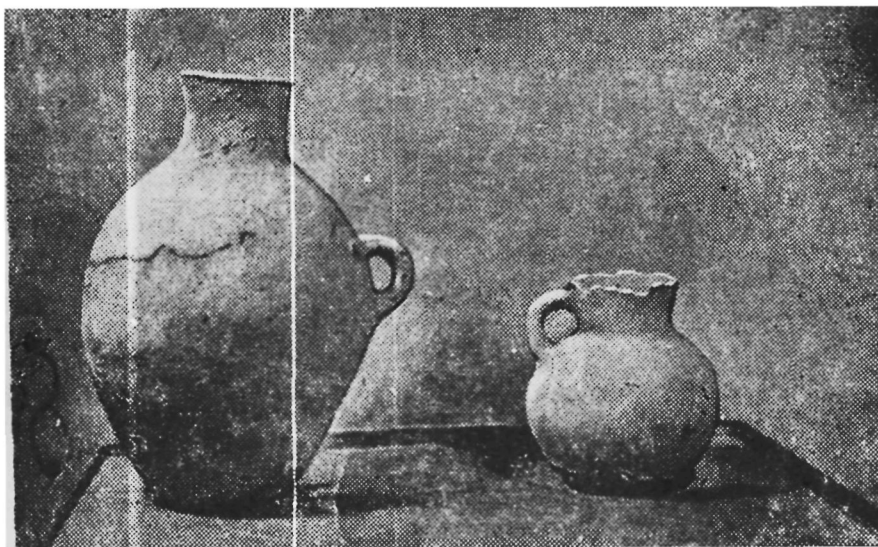


Рис. 1. Кувшины.

¹² Ср. Б. Я. Ставиский, Основные этапы освоения сельскохозяйственным населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). Сб. Матер. по этногр. (Геогр. об-во СССР), в. I, Л., 1961, стр. 38—49.

¹³ В раскопках участвовали младший научный сотрудник сектора археологии и нумизматики института Е. Д. Салтовская, зав. отделом дореволюционной истории Таджикистана музея М. Садыев и автор.

Они изготовлены на гончарном круге, тесто равномерного хорошего помола. Обжиг хороший, исключение представляет глиняная кружка лепной работы с ручкой. У нее тесто с примесью дровя, прослеживаются следы частично выгоревшего известняка. На ручках одного из сосудов имеются небольшие глиняные шишечки. Найдено также несколько водопроводных труб.

Фрагменты полвной керамики имеют на кремовом фоне рисунки коричневой краской, на белом фоне — желто-зеленой; много фрагментов имеют геометрический и растительный орнамент. Весь керамический комплекс в общем можно датировать X—XII вв.

В том же районе города гражданин Рахматов при земляных работах во дворе своего дома (ул. Пролетарская, 59) обнаружил фрагменты архитектурных облицовочных плит. На месте находок в 60—70 м к югу от места предыдущих находок был заложен раскол размером 2,5×1,5 м. И в этом районе находок, как и в предыдущем, во время строительства был снят бульдозером слой земли на всей площади до 1,5 м глубиной. Под 10—15-сантиметровым верхним слоем были обнаружены целые плитки и фрагменты квадратного жженого кирпича различных размеров.

Кроме того, обнаружены многочисленные фрагменты глазурованных архитектурных облицовок. Среди них имеются с растительным орнаментом на зеленом фоне, с геометрическим орнаментом на блестящем черном и светло-зеленом фоне, а также с зеленым растительным орнаментом на желтовато-ярком фоне.

Эти мозаичные плитки имеют большое сходство с изразцами на многих сохранившихся среднеазиатских архитектурных постройках тимуридского и более позднего периода. Судя по технике изготовления и орнаментации, их можно датировать примерно XIV—XVI вв.

Нами был заложен шурф размером 2×2 м в этом же районе, к востоку от второго места находок примерно на 50 м, с целью выяснения времени обживания именно этой, северо-западной, части города. На глубине 2 м обнаружен человеческий скелет. Голова слегка была повернута на запад. Скелет лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Никаких вещей при костяке не обнаружено. По определению антрополога Т. П. Княткиной, он принадлежит мужчине. Судя по всем данным, захоронение мусульманское, но довольно старое.

Все находки хранятся в музее. Они дают интересный материал по средневековой истории столицы республики, свидетельствуя о расположении какого-то средневекового поселения в этой части современного г. Душанбе.

С. Марафиев

РАЗВЕДКИ В ЯВАНСКОМ РАЙОНЕ

Яванский район слабо изучен в археологическом отношении. Между тем, за последние годы участились сигналы о случайных находках древних предметов в Яванском районе. Осенью 1958 г. в Институт истории им. А. Дониша поступило сообщение от геолога Ю. В. Крылова о том, что он при обследовании речных террас Яван-Су недалеко от районцентра Яван на глубине 4 м от дневной поверхности обнаружил фрагменты керамики и рядом с ними—каменные отщепы. Эти находки относятся, по определению В. А. Рапова, к гиссарской культуре.¹⁴

Летом 1961 г. юные туристы г. Душанбе под руководством В. Ходунова, посетив горный кишлак Джаман-Булак, вместе с местными школьниками обнаружили около строящейся школы им. Куйбышева много фрагментов керамики, жженный кирпич, куски архитектурной декорации и фрагментированную терракотовую статуэтку. Позже директор этой школы Расулов Нарзулло дважды привозил находки из этих мест. Часть из них он сдал в Объединенный историко-краеведческий республиканский музей, другие— в Институт истории им. А. Дониша. Среди предметов, попавших в музей, была кушанская медная монета и фрагменты керамики. В Институт истории были сданы 3 пирамидальных керамических грузила разных величин, одна микробаза (рис. 1) из известняка (рис. 2) и фрагменты керамики. После поступления этих находок музей организовал поездку сотрудников под руководством г. Каримова в кишлак Джаман-Булак.¹⁵ Они осмотрели место обнаружения находок и собрали подсымный материал (глиняная пе-

¹⁴ В. А. Рапов. Отдельные находки изделий каменного века в 1958 г. Тр. Ин-та ист. им. А. Дониша, т. XXVII, Душанбе, 1961, стр. 155—156.

¹⁵ Сообщение тов. Каримова на секторе археологии Института истории им. А. Дониша.

чать, бронзовый колокольчик, фрагментированный хум и ряд других предметов). Помимо наблюдений, сделанных в Джаман-Булаке, сотрудники музея отметили местонахождение античной керамики в кишлаке Чирогчи, расположенном в 9 км севернее Явана по дороге Душанбе — Яван.

Автор этой заметки несколько раз был кратковременно в Яванском районе и производил небольшие разведки. В результате этих разведок было обнаружено несколько археологических памятников.

Тепан-Калачи расположена на южной окраине кишлака Чирогчи. Тепа в плане прямоугольная, с размером сторон 75×180 м, в сечении трапецевидная. Ориентация сторон по странам света с незначительным уклоном по линии СВ-ЮЗ. С восточной и северной стороны тепа окружена неглубоким рвом, наполовину поврежденным растущим оврагом. Западная половина тепе разрушена действием подмывающих вод р. Яван-Су. Сохранившаяся часть имеет ровную задернованную поверхность, подъемного материала не обнаруживается. На вертикальном срезе со стороны реки виден культурный слой, глубина которого достигает 3 м от поверхности. Он выделяется своими темными прослойками на желто-сером фоне лесса. Здесь имеются куски жженого кирпича, фрагменты керамики и стекло. Среди собранного материала есть фрагменты керамики кушанского времени и один лекальный жженный кирпич в форме усеченного конуса, размер боковых сторон которого 48, противоположных — 33 и 23, толщина 4,5 см. Разнообразные находки обнаруживаются местными жителями при строительстве в радиусе до 0,5 км к северу от тепа. На противоположном берегу Яван-Су, западнее кишлака Чирогчи, по сообщению местных жителей, находится кала, название которой Калап-Хирман. Яванское городище (рис. 2) расположено на юго-западной окраине райцентра Яван, на выступающем под углом берегу Яван-Су (левобережье). Значительная часть восточной и южной территории городища застроена жилыми домами и изрыта ямами. Поверхность городища сильно всхолмленная. Отчетливо выделяется крепостная стена в виде вала, которая тянется по берегу Яван-Су затем поворачивает под углом 45° на юг. Всхолмления в северо-западном и юго-западном углах городища указывают на наличие в этих местах жилых построек. В 45 м от западной стены и 50 м от северного обрыва над городищем возвышается квадратная цитадель с размером сторон 45×45 и высотой 3,5—4 м. Цитадель ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Внутренняя поверхность цитадели понижена. Северо-восточнее ее расположено квадратное возвышение с размером сторон 25×25 м, с квадратно-овальной впадиной внутри. Оно так же ориентировано, как цитадель. На северной утолщенной стороне этого холма имеются четыре приблизительно равных по размеру углубления, в юго-западном углу проход. По всему городищу проходит сеть невысоких валов, разделяющих его на отдельные участки.

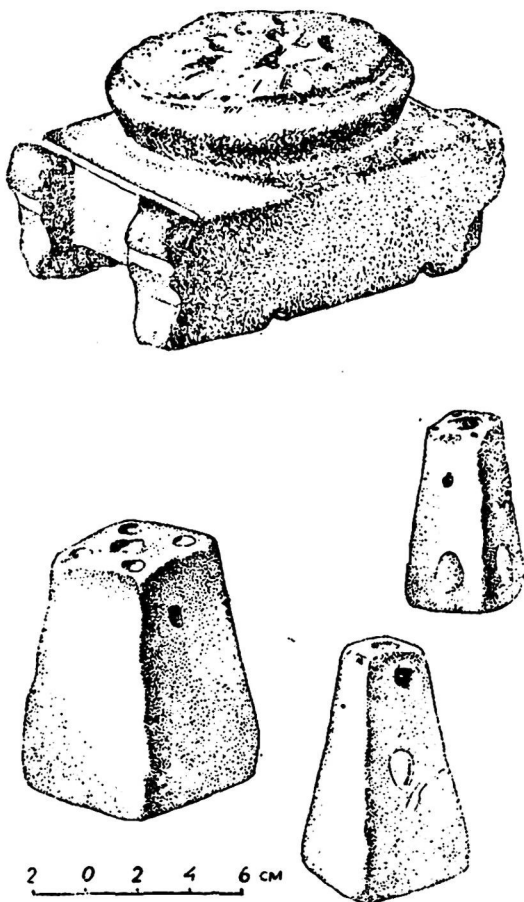


Рис. 1. Микробаза и грузила из Джаман-Булака.

Подъемный материал составляют фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики, квадратный жженный кирпич размером 25×25×5 см, железные штыри, каменная палочка для сурьмления и другие предметы. Среди подъемного материала с Яванского городища попадаются предметы X—XII вв. и керамика позднесредневекового времени.

Калаи-Саракамыш расположен в 1,5 км юго-восточнее райцентра Яван на краю конуса выноса сая. Местность к северу от сая заболочена стекающими водами из многих родников. Кала в плане трапецевидная, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Со всех сторон, кроме северной, кала окружена рвом глубиной 3—5, шириной 8—10 м. Высота стен калы 6 м от дна рва. Размеры сторон калы 50—60—65 м. Внутренняя поверхность калы углублена на 2,5 м у южной стены и на 1 м у северной. Общее понижение идет к юга на север. На гребне южной стены местами выступают в два ряда выложенные камни известняковой породы. Вся же остальная поверхность задернована, и подъемного материала не наблюдается. На краю северного вала городища отстроен жилой дом из лесса, взятого с подножия калы. Хозяин дома сообщил, что здесь он обнаружил много черепков от кувшинов и хумов.

Городище Турткуль расположено восточнее кишлака Гарав за р. Дагана-Су и южнее р. Гулисай на конусе выноса Даганинского ущелья. Рельеф городища позволяет установить его границы и план. Городище состоит из нескольких частей.

1) Основная часть в плане подпрямоугольная, границами служат сохранившиеся валы и рвы. Размеры сторон 600×600 м, длинной стороной вытянута в широтном направлении.

2) Центральная часть в плане прямоугольная, с размерами сторон 200×400 и также вытянута в широтном направлении. Расположена она посередине основной части городища и выделена круговым глубоким и широким рвом. В северо-западной части находится цитадель, почти квадратная в плане. Она также отделена от центральной части круговым рвом. Цитадель выше центральной части на 2 м, а последняя выше основной на 2—3 м.

3) Усадьба трапецевидная в плане, с размерами сторон 150×170 м, ориентирована по странам света, расположена северо-западнее основного городища. Представляет собой участок площади, окруженной валом.

4) Кладбище примыкает к северо-восточной части городища. Это участок с многочисленными холмами, тянется вплоть до кишлака Гулисай. На северной границе кладбища выделяются три конусовидных холма, причем западный находится за р. Дагана-Су.

Вся поверхность городища в течение двух десятков лет использовалась под посевы злаковых культур, вследствие чего верхние части городища были разрушены. На вспаханной поверхности собирается большое количество фрагментов керамики кушанского времени, обломков от зернотерок и жерновов, шлака и кусков кирпича. Подъемный материал датируется позднекушанским временем.

Юго-западная часть городища повреждена глубоким карьером и недавно проведенным каналом.

Калаи-Турткуль II расположена на правом берегу Яван-Су, в 12 км южнее районного центра Яван и в 3 км южнее конзавода. В плане она похожа на Калаи-Турткуль I и так же ориентирована. Вся площадь калы использована под посевы. Подъемный материал не замечен.

Обнаружено также поселение в кишлаке Джаман-Булак. Кишлак Джаман-Булак расположен высоко в горах на северо-западной границе Яванского района. Жилые дома кишлака выстроены на крутых лессовых склонах. Эта местность хорошо обводнена родниковыми водами. Древний материал в основном обнаруживается на холме, где стоит вновь отстроенная восьмилетняя школа. На соседнем к северу холме, где в настоящее время располагаются сады и виноградники, часто встречаются могилы мусульманского типа. Полученные музеем и Институтом истории находки из Джаман-Булака были обнаружены на глубине около 1 м при рытье траншей для получения пахсы. Вырытая яма представляет собой траншею длиной 35, глубиной 1, шириной 2—3 м. Находки начинают попадаться сразу же под дерновым слоем. Слой с находками выделяется своим темно-серым цветом. Находки античного времени, которые сданы в Институт истории, были обнаружены, как нам указали, на глубине 85 см в углу траншей. Каких-либо строительных остатков как в траншее, так и на поверхности этого холма обнаружить не удалось. Директор школы Н. Расулов передал нам несколько находок, сделанных школьниками на этом же холме. В их числе железный светильник и керамическая плитка, внешняя поверхность которой полностью украшена резным геометрическим орнаментом. На поверхности внутренней стенки следы копоты.

Итак, разведкой установлено, что на территории Яванского района имеется ряд археологических памятников, относящихся к кушанскому и средневековому времени.

Приведенный перечень — далеко не полный список всех археологических памятников, расположенных на территории Яванского района. Значительная часть территории района не обследована, особенно левобережная половина Яванской долины начиная от райцентра Яван на юг. Из беседы с местными жителями выясняется, что тепа имеются и в предгорных кишлаках северо-восточной части Яванского района.

Э. А. Юркевич.

С. К. ИСМАИЛОВА

*Литература по археологии Таджикистана,
опубликованная в СССР в 1961 г.*

1. Научно-исследовательские статьи и обзоры

Беленицкий А. М., Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 81—99, с табл. и илл.

Беленицкий А. М., О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 73—99, с илл.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Из истории среднеазиатского шелкоткачества,—СА, 1961, № 2, стр. 66—78, с илл.

Бубнова М. А., Из истории металлургии серебра в Средней Азии,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. I, 1961, стр. 3—10.

Воронина В. Л., Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. (По данным археологии), Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора истор. наук, М., 1961, стр. 30.

Гулямова Э., О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 153—162, с 1 табл.

Гулямова Э., Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 147—157, с илл.

Гулямова Э., Стекло с городища Хульбук,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. I, 1961, стр. 11—24, с илл.

Давидович Е. А., Канбадамский клад караханидских монет,—СА, 1961, № 1, стр. 186—200.

Давидович Е. А., Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в.,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. I, 1961, стр. 25—44.

Добровольский И. Г., Еще один фельс саманида Мухаммеда ибн Исхака,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. I, 1961, стр. 45—46.

Зеймаль Е. В., Археологические разведки в Гиссарской долине,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 121—136, с табл.

Зеймаль Т. И., Античное поселение в урочище Халкаджар,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 159—166, с илл.

(Куйбышевский район Таджикской ССР).

Зеймаль Т. И., Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 143—152.

Кияткина Т. И., Антропологические работы в Таджикистане в 1955—1960 гг.,—Тезисы докладов научной конференции молодых ученых АН Тадж. ССР, Душанбе, 1961, стр. 166—168.

Кияткина Т. П., Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II),—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. I, 1961, стр. 58, с табл.

Кияткина Т. П., Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан),—Антропологический сборник III. М.—Л., 1961, стр. 98—106, с табл. (АН СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 71).

Козенкова В. И., К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии.—СА, 1961, № 3, стр. 251—260 (стр. 253—254 относятся к Таджикистану).

Костенко Н. П., Несмеянов С. А., Ранов В. А., О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар (Южный Таджикистан),— Доклады АН Тадж. ССР, т. 1, № 6, 1961, стр. 29—34.

Литвинский Б. А., Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 59—80, с 1 табл. и илл.

Литвинский Б. А., О топорах эпохи бронзы из Таджикистана,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 1, 1961, стр. 59—66, илл.

Литвинский Б. А., Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 50—62, с илл.

Литвинский Б. А. и Ранов В. А., Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 30—49, с 3 табл. и илл.

Мандельштам А. М., Наскальные изображения «Теккеташ» в Каратегине,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 1, 1961, стр. 85—87, и илл.

Мандельштам А. М., Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 49—58, илл.

Мандельштам А. М., Хан-Газа,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 63—72, с илл.

Негматов Н., Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 113—120, с табл. и илл.

Негматов Н. и Зеймаль Т. И., Раскопки на Тирмизак-тепе, (Из работ Ходжентско-Усрушанского отряда),—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 1, 1961, стр. 67—83, с илл.

Негматов Н., Салтовская Е. Д. и Кияткина Т. П., Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 137—146, с табл. и илл.

Окладников А. П., Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 5—17, с илл.

Окладников А. П., Исследования памятников каменного века в районе Куляба и Дангары осенью 1959 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 4—15, с илл.

Пономаренко В. К., Юркевич Э. А., Материалы к истории лепры в Таджикистане.—Сборник научных работ по лепрологии и дерматологии, № 15, Изд-во Ростовского университета, 1961, стр. 16—19. (Кафедра кожных и венерических болезней Ростовского медицинского института).

Ранов В. А., Археологическое изучение пещер Таджикистана.—Сборник трудов Таджикского филиала географического общества Союза ССР, вып. 2 (Душанбе), 1961, стр. 19—30, с илл. и карт. (АН Тадж. ССР).

Ранов В. А., Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 16—29, с 1 табл. и илл.

Ранов В. А., Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1959 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 19—35, с табл.

Ранов В. А., О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана,—Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 1, 1961, стр. 89—109, с табл.

Ранов В. А., Рисунки каменного века в гроте Шахты. — СЭ, 1961, № 6, стр. 70—81.

Ранов В. А., Салтовская Е. Д., О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 108—129, с илл.

Ранов В. А., Юркевич Э. А., Городище Таджик-Кала в Дангаринском районе,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 169—172, с илл.

Салтовская Е. Д., О раскопках античных поселений в районе Ашта,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 163—166, с илл.

Ставиский Б. Я., Археологические работы в районе Магиан-Дарьи в 1957—1959 гг.,—СГЭ, 21, 1961, стр. 57—60, с илл.

Ставиский Б. Я., Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухисгана)—Материалы по отделению этнографии (вып. 1), часть 1, Доклады за 1958—1961 гг., Л., 1961, стр. 38—49 (Географическое общество СССР, отделение этнографии).

Ставиский Б. Я., Работы Магианской группы в 1958 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 101—111, с илл.

Ставиский Б. Я., Работы Магианской группы в 1959 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 101—107, с 3 табл. и илл.

Турлычкин В. М., Геолого-археологическое обследование древних выработок Канджола,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 167—171, с илл.

Хмельницкий С. Г., Исследование архитектурных памятников Ура-Тюбе в 1959,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 130—142, с 3 табл. и илл.

2. Информационные, научно-популярные статьи и брошюры

Акопян А., Каратегин ждет исследователей,—«Коммунист Таджикистана», 1961, 4 июля (об остатках крепости, предметы домашнего обихода).

Архитектураи Панчакенти қадима муқаррар қарда шуд,—«Бадахшон Совети», 20 октябри 1961.

Дусмалиев Н., Шахрчаи қадими тоҷикон—ғанчинаи таърих,—«Ҳақиқати Ленинобод», 21 октябри 1961. (О раскопках в Пенджикенте).

Зеймаль Е. В., Кубок из погребения в Суджине,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 167—168 (Сел. Суджина—близ Пенджикента).

Исхоков А., Осори маданияти қадимро омӯзед.—«Пионери Тоҷикистон», 10 августи 1961. (Об археологических находках на территории Таджикистана).

Исхоков А., Марофиев С., Чанд сухан аз таърихи райони Ашт.—«Ҳақиқати Ленинобод», 14 октябри 1961.

Исхоков А., Дар кофтукови осори маданияти қадими тоҷикон,—«Маориф ва маданият», 3 январи 1961. (О раскопках древнего Пенджикента).

Исмоилова С., Як саҳифаи зиндаи таърих.—«Маориф ва Маданият», 22 июли 1961. (Об Аштских курумах).

Исхоков А., Осори маданияти қадимро муҳофизат намоем,—«Маориф ва Маданият», 24 январи 1961. (О раскопках в Пенджикенте).

Латифӣ О., Чашни археолоғо,—«Коммунисти Панчакент», 23 сентябри 1961. (упоминается Пенджикент).

Литвинский Б. А., Следы древней культуры,—«Коммунист Таджикистана», 20 июля 1961. (О раскопках Аджина-тепе).

Марофиев С., Баъзе ҷамъбастиҳои қори татқиқоти археолоғо,—«Маориф ва Маданият», 4 декабри 1961. (Об археологических работах в Таджикистане).

Марофиев С., «Чилхучра»,—«Пионери Тоҷикистон», 28 декабри 1961. (О раскопках Чильхуджра—шахристане).

Мухамад И., Бозьёфтҳои аҷиб,—«Маориф ва Маданият», 4 июли 1961. (Об археологических находках Пенджикентского района).

Нарзуллоев М., Маълумотҳои нави таърихи,—«Маориф ва Маданият», 4 ноябри 1961. (О монетах, найденных в кишлаке Симиганч Орджоникидзебадского района).

Нарзиев Х., Усмонов С., Макони ёдгориҳои таърихи,—«Тоҷикистон», май 1961, № 5, стр. 22 (О раскопках древнего Пенджикента).

Неъматов Н., Пулотов У., Марофиев С., «Роҳнамоии музейи таърихи — кишваршиносии Ленинобод»,— «Маориф ва Маданият», 2 декабри, 1961. (Упомянется Пенджикентская живопись).

О работах Таджикской археологической экспедиции в 1958 г.— Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 3—4.

О работах Таджикской археологической экспедиции в 1959 г.— Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 3.

Панҷакентда археологларнинг янги топилдиқлари,—«Совет Тоҷикистони», 22 ноябри, 1961.

Пулотов У., Саёхат ба давраҳои қадим,— «Ҳақиқати Ленинобод», 14 феврал, 1961. (О раскопках в Урта-Кургане — Шахристане).

Ранов В. А., Интересный памятник древности,—«Коммунист Таджикистана», 1961, 16 декабря (О раскопках в Ак-Танге).

Ранов В. А., Отдельные находки изделий каменного века в 1958 г.— Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 155—158, с илл.

Ранов В. А., Ф. Каримов, Тадбирҳои сангини сайқал дода шуда,— «Тоҷикистон», 1961, № 2, сах. 23 (О каменном веке в Таджикистане).

Ранов В. А. и Сидоров Л. Ф., Из глубины веков,—«Комсомолец Таджикистана», 1961, 2 июля (О археологических памятниках Памира).

Ризоев Р., Мавсимии кофтуков ба охир расид.—«Маориф ва Маданият», 13 декабри 1961. (О раскопках в Пенджикенте).

Роганов Л., В обители Главного Джина,—«Комсомолец Таджикистана», 13 декабря (О раскопках Аджина-Тепе).

Садиев Ф., Интересные находки.—«Коммунист Таджикистана», 1961, 4 марта. (О хумах X—XI вв в близ Пархар).

Садиев М., Находка школьников.—«Коммунист Таджикистана», 1961, 2 апреля (О статуэтке близ Душанбе).

Усмонов С., Манбаи ёдгориҳои таърихи — «Коммунисти Панҷакент», 21 март 1961. (О раскопках в Пенджикенте).

Хмельницкий С., Город выходит из земли,—«Комсомолец Таджикистана», 1961, 27 августа, (Раскопки в Шахристане).

Хочаев М., Чавонии шаҳри қадим,—«Маориф ва Маданият», 4 апрели, 1961. (О раскопках в Пенджикенте).

Хучаев Ю. Бозьёфтаҳои нави қадимаҳо—«Ҳақиқати Ленинобод», 12 декабри 1961. (О археологических находках в Ленинабаде).

Шахобиддинов К., Назаре ба таърихи гузаштаи Исфара,—«Коммунисти Исфара», 22 августи 1961. (об археологических раскопках в Исфаре).

Юркевич Э., Асрори тепаи шутурхона—«Тоҷикистон», 1961, № 7, сах. 23. (вблизи Нурека).

Юркевич Э., Қори амалии археологҳои оянда,—«Маориф ва Маданият», 14 сентябри 1961 (О археологических раскопках на Тупхоне).

Юркевич Э., Новая экспозиция археологического музея,—«Комсомолец Таджикистана», 1961, 5 апреля. (Музей Института им. Ахмада Дониша).

3. Критика и библиография

Большаков О. (Рец.) Майсурадзе З. Керамика Афросиаба, Изв. ООН АН Тадж. ССР, вып. 1, 1961, стр. 111—113.

Бубнова М. А., Джалилова Т., Исаков А., Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в СССР в 1959 г.,—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31, 1961, стр. 172—183.

Исаков А., Советская литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1958 г.—Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27, 1961, стр. 173—179.

Сокращения

Изв. ООН АН Тадж. ССР — Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР.

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.

Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 27 — сборник «Археологические работы в Таджикистане», вып. VI (1958 год). Отв. ред. Б. А. Литвинский, Душанбе, 1961 (Труды Института истории им. А. Дониша, т. 27).

Тр. ИИ АН Тадж. ССР, т. 31 — сборник «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959 год). Отв. ред. Б. А. Литвинский, Душанбе, 1961 (Труды Института истории им. А. Дониша, т. 31).

СОДЕРЖАНИЕ

Б. А. Литвинский и В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги	3
А. Д. Бабаев. Археологические разведки на Памире	25
Н. Н. Негматов. О работах Северо-Таджикистанского отряда	34
Е. Д. Салтовская. Раскопки на Тудай-Калон	45
А. М. Беленицкий. Работы Пенджикентского отряда	53
Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане	76
А. Мухтаров. Предварительные итоги работы отряда по сбору наскальных надписей и актов документов	93
Э. Гулямова. Раскопки в Хульбуке	103
Э. А. Юркевич. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г.	114

Х р о н и к а

О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Горе — С. А. Несмеянов, В. А. Ранов	125
Работы Магианской группы в 1961 г. — Б. Я. Ставиский	127
Археологические находки в г. Душанбе — С. Марафиев	130
Разведки в Яванском районе — Э. А. Юркевич	131
С. К. Исмаилова. Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в СССР в 1961 г.	135

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии наук Таджикской ССР.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ (1961 г.)

Ответственный редактор **Б. А. Литвинский**.

Редактор Издательства *М. А. Баталова*.

Тех. редактор *С. П. Геллер*.

КЛ 02871. Подписано к печати 7/IV-1964 г. Форм. бум. 70×108 ¹/₁₆.
Печ. 8,75 л. + 2 вклейки. Приведенных к формату 60×92 — 12,0 л. Уч.-изд. 10,5 л.
Заказ 1092. Тираж 500. Цена 88 коп.

Типография Издательства АН Таджикской ССР, г. Душанбе, ул. Айни, 44.

Цена 88 коп.